САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«XL КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
31 ОКТЯБРЯ – 1 НОЯБРЯ 2025

Международная научная конференция
«XL КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
Санкт-Петербург, 31 октября – 1 ноября 2025 г.

International scientific conference
XL Kononov Memorial Lectures

St. Petersburg, 31 October – 1 November 2025

Uluslararası XL Kononov Okumaları Konferansı
St. Petersburg, 31 Ekim – 1 Kasım 2025

ПРОГРАММА
PROGRAMME

<u>31.10.2025</u>

Санкт-Петербургский университет
Восточный факультет
Университетская наб. 11, аудитория 198,189,223

St. Petersburg State University
Faculty of Asian and African Studies
Universitetskaya nab. 11, room 198,189,223

09.30 - 10.00

Регистрация участников конференции
Conference Registration
189

10.00-17.00

Работа по секциям (длительность доклада 15 минут)
Sessions (report duration 15 minutes)

****

01.11.2025

Санкт-Петербургский университет
Восточный факультет
Университетская наб. 11, аудитория 189

St. Petersburg State University
Faculty of Asian and African Studies
Universitetskaya nab. 11, room 189

10.00 - 16.00

Секция «Молодой тюрколог»
Section "Young Turcologist"
"Genç Türkolog" Bölümü

Работа по секциям (длительность доклада 10 минут)
Sessions (report duration 10 minutes)

31.10.2024

09.30 - 10.00

Регистрация участников конференции
Conference Registration
189

10.00-13.00

Заседание 1
Председатель
Телицин Николай Николаевич

Panel 1
Chair
Telitsin Nikolay

(198)

Фомин Эдуард Валентинович (ЧГИ институт культуры и искусств, ЧГУ им. И. Н. Ульянова)
О функции вежливости показателя множественного числа в чувашском языке
(E. V. Fomin. On the function of politeness of the category of plural in the Chuvash language)

Кабаджа Севиндж Фирудин (Стамбульский университет, Турция)
Каузативный залог в азербайджанском языке: структура и функция
(K. S. Firudin. Causative Voice in Azerbaijani Turkish: Structure and Function Analysis)

Дубровина Маргарита Эмильевна (СПбГУ)
Косвенные падежи и их роль в эволюции тюркской категории склонения
(M. E. Dubrovina. Indirect cases and their role in the evolution of the turkic category of declension)

Улькю Полат (Газиантепский университет, Турция)
К вопросу изучения слов "İçin, İçlen-, İçlig" в древних тюркских языках
(Polat Ülkü. Eski Türkçe İçin, İçlen-, İçlig Üzerine)

Йылмаз Аслыхан (Университет Мармара, Турция)
Место словосочетаний в синтаксисе «Ярлыка Сейида Абу-ль-Гази Мухаммад Бахадур-хана» относящегося к периоду восточно-тюркского языка
(Yılmaz Aslıhan. Doğu Türkçesi Dönemine Ait Seyyid Ebu'l-Gazi Muhammed Bahadur Han Yarlığı'nda Sözcük Gruplarının Söz Dizimindeki Yeri)

Мугтасимова Гульназ Ринатовна (КФУ федеральный университет)
Лексические соответствия в татарском и турецком переводах романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день»
(G. R. Mugtasimova. Lexical correspondences in the Tatar and Turkish translations of Ch. Aitmatov's novel «And a day lasts longer than a century»)

Ягафарова Александра Дмитриевна, Соколова Наталья Александровна СПбГУ)
Родительный падеж в тюркских языках в диахронии и его реликты в якутском языке
(A. D. Yagafarova, N. A. Sokolova. The genitive case in Turkic languages in diachrony and its relics in the Yakut language)

Гамзатова Камилла Абдулаевна (ЛГУ им. А. С. Пушкина)
Аналитические формы в древнеуйгурском языке
(K. A. Gamzatova. Analytical forms in the Old Uyghur)

Чобаноглу Йигит Мерич (МГЛУ), Аврутина Апполинария Сергеевна (СПбГУ)
Оценка эквивалентности при переводе устоявшихся юридических терминов (на материале турецко-русских договоров)
(Y. M. Cobanoğlu, A. S. Avrutina. Assessment of equivalence in the translation of established legal terms (based on Russian-Turkish treaties)

Арыджан Дерья (СПбГУ)
О некоторых особенностях аффикса сказуемости в турецком языке
(D. Arıcan. Some features of copula in Turkish)

Попова Екатерина Юрьевна, Аврутина Апполинария Сергеевна (СПбГУ)
Сравнение функций деепричастий в агглютинативных языках (на материале якутского и телугу языков)
(E. Y. Popova, A. S. Avrutina. Comparison of the functions of adverbial participles in agglutinative languages (based on the Yakut and Telugu languages)

13.00 - 13.30

Перерыв
Break
(189)

13.30 - 17.00

Заседание 2
Председатель
Абидулин Алим Маратович

Panel 2
Chair
Abidulin Alim
(198)

Валеев Рамиль Миргасимович, Валеева Роза Закариевна (КФУ)
Эпистолярное наследие С. Е. Малова и его корреспонденты (первая половина XX в.): отечественные и зарубежные тюркологи (К 145-летию со дня рождения)
(R. M. Valeev, R. Z. Valeeva. S. E. Malov's Epistolary Legacy (First Half of the 20th Century): Domestic and Foreign Turkologist Correspondents)

Тимохин Дмитрий Михайлович (МАЭ РАН (Кунсткамера))
Сведения о кочевых тюркских племенах в памятниках XII вв.: на примере «Та'рих ал-вузара»
(D. M. Timokhin. Information about nomadic turkic tribes in the monuments of the 12th century: on the example of "Ta'rikh al-wuzara")

Абидулин Алим Маратович (Национальный исследовательский Нижегородский ГУ им. Н.И. Лобачевского)
Встреча Юсуфа Акчуры и В. И. Ленина в Цюрихе (1916)
(A. M. Abidulin. Meeting of Yusuf Akchura and V. I. Lenin in Zurich (1916)

Юша Жанна Монгеевна (МАЭ РАН (Кунсткамера))
Культ солнца и луны в обрядах и верованиях тюрков Саяна-Алтая
(Z. M. Yusha. The Cult of the Sun and Moon in rituals and beliefs among the Turkic Peoples of Sayan-Altai)

Серкина Галина Александровна (Государственный Эрмитаж)
Следы культа кейика в орнаменте турецких намазлыков
(G. A. Serkina. Traces of the Keyik Cult in the Ornamentation of Turkish Namazliks)

Тихонова Надежда Евгеньевна (СПбГУ)
«Говорящие архивы»: сакральные места Палестины как особый объект управления в Османской империи (1517-1917)
(N. E. Tikhonova. 'Speaking Archives': Sacred Sites of the Palestine as a particular subject to control in the Ottoman Empire (1517-1917)

Камалова Шахназ Новруз кызы (СПбГУ)
Точное место могилы профессора Александра Касимовича Казем Бека
(S. N. Kamalova. The exact location of prof. Alexander Kasimovich Kazem Bek's grave)

Козинцев Марк Альвиевич (ИВР РАН)
Восточный кризис 1875-1878 гг. в архивном наследии Е.М. Тимаева. Анализ «ноты Андраши» (1875)
(M. A. Kozintcev. The Great Eastern Crisis of 1875-1878 as Reflected in Evgeny M. Timaev's Archival Documents: Analysis of the "Andrássy Note" (1875)

Репенкова Мария Михайловна (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова)
Образная система романа Элиф Шафак "Остров пропавших деревьев" (2023)
(M. M. Repenkova. The figurative system of the novel Elif Shafak "The island of missing trees» (2023)

Образцов Алексей Васильевич, Сулейманова Алия Сократовна (СПбГУ)
Новая «Дуэль» Намыка Кемаля
(A. V. Obraztsov, A. S. Suleimanova. New "Duel" by Namık Kemal)

Чобанов Мюшвик Мадед (Азербайджанский Технический Университет, Институт литературы имени Низами Гянджеви НАНА)
Современные азербайджано-грузинские литературные связи: Лейла Эрадзе и Дилара Алиева
(M. M. Çobanov. Contemporary Azerbaijani-Georgian literary relations: Leila Eradze and Dilara Aliyeva)

Софронова Лариса Владиславовна (МГЛУ)
К вопросу характеристики фразеологизмов в турецком общественно-политическом дискурсе
(L.V. Sofronova. The characteristic features of phraseological units in turkish political discourse)

Фахрутдинова Радмила Ильмировна (Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина)
Репрезентация фольклорных образов в поэме Г. Тукая «Шурале» и одноименном балете Ф. Яруллина
(R. I. Fakhrutdinova. Representation of the Folklore Patterns in G. Tuqay's Poem “Shurale” and F. Yarullin's Ballet of the Same Name)

Фомкин Михаил Семенович (СПбГЭУ)
О просодии поэмы Юсуфа Баласагуни "Кутадгу билиг"
(M. S. Fomkin. On the prosody of Yusuf Balasaguni's poem "Kutadgu Bilig»)

Джалилова Хуршида Мирхоликовна (НУ Узбекистана имени Мирзо Улугбека)
Значение исследований творчества Джадидов в современном тюркском мире
(K. M. Djalilova. The importance of research on Jadid creativity in the modern turkic world)

Сибагатов Флюр Шарифуллинович (Национальная библиотека им. А.З. Валиди Республики Башкортостан; ИИЯЛ УФИЦ РАН; Башкирский БГПУ им. М.Акмуллы)
Восточные поэтические традиции в творчестве Ш. Бабича
(F. S. Sibagatov. Oriental poetic traditions in the works of S. Babich)

17:00

Закрытие конференции
Подведение итогов
аудитория 198

Closing of the conference
Summarizing
Room 198

Konferansın kapanışı
Özetleme
oda 198

01.11.2025

В рамках Международной научной конференции
«XL КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
Восточный факультет, Факультет международных отношений, Центр евразийских исследований совместно с Санкт-петербургским обществом научных и культурных связей с Турцией

Круглый стол
«Славяно-тюркское взаимовлияние: гипотезы и аргументы»

Место проведения:
факультет международных отношений (ауд. 128)

Время проведения:
01 ноября 2025 года
12.00 – 14.00.

Модератор:
директор Центра евразийских исследований СПбГУ, д.и.н., проф.
Колесников Александр Антонович

Сообщения и выступления:

Колесников Александр Антонович, директор Центра евразийских исследований СПбГУ, д.и.н., проф.

«Славяне и тюрки: общее и особенное. К постановке проблемы»

Ильяс Кемальоглу, д.и.н., профессор Мраморноморского университета (Стамбул)

«Славяно-тюркская концепция – взгляд из Турции»»

Свистунова Ирина Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН и ИВ РАН

«Роль и значение славянского фактора в контактах с тюрками»

Курячая Марина Алексеевна, главный редактор Официального сайта Мурада Аджи (markura@mail.ru)

«Славяно-тюркское взаимовлияние в свете концепции Мурада Аджи»

Широких Анастасия, ФМО СПбГУ

«Позиция официальных властей Османской империи относительно присутствия РПЦ на Святой земле»

Зокоева Залина Валерьевна, к.и.н., ст. преподаватель ФМО СПбГУ

«К вопросу о терминологии процессов славяно-тюркского общения»

Дискуссия. Подведение итогов

01.11.2025

Секция «Молодой тюрколог»
Section "Young Turkologist"
"Genç Türkolog" Bölümü

аудитория 189/198
oda 189/198

10:00 – 12:00
Заседание 1
Председатель
Сыроваткина Мария Владимировна

Леонтьев Дмитрий Эдуардович, Максимов Александр Андреевич (ЧГУ имени И. Н. Ульянова)
Чувашская ойконимия: опыт количественного изучения
(D. E. Leontyev, A. A. Maksimov. Chuvash oikonymy: an experience of quantitative study)

Буланова Юлия Сергеевна (ЛГУ им. А. С. Пушкина)
Турецкие кулинаронимы и особенности их перевода на русский язык
(Y. S. Bulanova. Turkish culinaronims and features of their translation into Russian)

Максимов Лев Леонидович (ЛГУ им. А. С. Пушкина)
Проблема передачи авторского стиля при переводе романа Тезер Озлю «Путешествие на край жизни» («Yaşamın Ucuna Yolculuk») на русский язык
(L. L. Maksimov. The problem of recreating the author's style in the translation of Tezer Özlü's «Journey to the Edge of Life» («Yaşamın Ucuna Yolculuk») into Russian)

Камолова Парвинахон Алишеровна (ЛГУ им. А. С. Пушкина)
Особенности передачи национально-культурной специфики фразеологизмов при переводе с турецкого языка на русский (на материале турецких волшебных сказок)
(P. A. Kamolova. Peculiarities of conveying the national and cultural specificity of phraseological units when translating from Turkish into Russian (based on Turkish fairy tales)

Таш Селахаттин (СПбГУ)
Пространственно-временная организация и судьба героя: хронотопический анализ рассказа Айфер Тунч «Случай с Азиз-беем»
(S. Taş. Spatial-Temporal Organization and the Protagonist’s Fate: A Chronotopic Analysis of Ayfer Tunc’s Story The Aziz Bey Phenomenon)

Немова Алина Витальевна (СПбГУ)
Структурные и поэтические особенности турецкой волшебной сказки на примере материалов, собранных П. Н. Бораговом и И. Куношем
(A. V. Nemova. Structural and poetic features of the Turkish fairy tale based on the materials collected by P. N. Boratav and I. Kunosh)

Шачнева Софья Антоновна (СПбГУ)
Тюркские версии легенд об Иосифе Прекрасном: "Юсуф и Зелиха" Шеййада Хамзы и "Кысса-и Йусуф" Кул Гали
(S. A. Shachneva. Turkic versions of the legends about Joseph the Beautiful: "Yusuf and Zelikha" by Shayyad Hamza and "Kissa-i Yusuf" by Kul Gali)

Денисенко Дануте Владимировна (СПбГУ)
Культ Святых в исламе
(D. V. Denisenko. The Cult of Saints in Islam)

Селиванова Валентина Андреевна (СПбГУ)
Кофе как часть национальной культуры турок
(V. A. Selivanova. Coffee as an element of Turkish national culture)

12.30 - 12.30
Перерыв
Break
(189)

12.00 - 13.30
Заседание 2
Председатель
Немова Алина Витальевна

Сыроваткина Мария Владимировна (СПбГУ)
От Османской империи к Турецкой Республике: биографический путь Джеляля Баяра
(M. V. Syrovatkina. From the Ottoman Empire to the Turkish Republic: The Biographical Journey of Celal Bayar)

Свирин Глеб Тимурович (СПбГУ)
У истоков революционного творчества Назыма Хикмета
(G. T. Svirin. At the origins of Nazım Hikmet's revolutionary oeuvre)

Шеметова Лина Олеговна (СПбГУ)
К истории суфизма в Турции: орден Мевлеви
(L. O. Shemetova. On the History of Sufism in Turkey: The Mevlevi Order)

Бембеев Очир Андреевич (СПбГУ)
Турецкие народные танцы Зейбек и Халай
(O. A. Be
mbeev. Turkish folk dances Zeybek and Halay)

Папазян Милена Левоновна (ЕГУ)
Символ 16 тюркских государств в политической культуре Турции
(M. L. Papazyan. Symbol of 16 Turkish states in the political culture of Turkey)

Мамян Манэ Маратовна (ЕГУ)
Эпоха Ибрахима Калына во внешней политике Турции
(M. M. Mamyan. The era of Ibrahim Kalin in Turkish foreign policy)

Первушин Алексей Михайлович (СПбГУ)
Генрих Фридрих фон Диц: первый прусский тюрколог, дипломат, библиофил и член суфийского братства
(A. M. Pervushin. Heinrich Friedrich von Diez: the first Prussian Turkologist, diplomat, bibliophile and member of the Sufi brotherhood)

Сахаров Петр Алексеевич (СПбГУ)
Политика турецких властей в отношении суфизма в начале республиканского периода
(P. A. Sakharov. The Turkish Government's Policy towards Sufism at the Beginning of the Republican Period)

Заочное участие
Absentee presence at the meeting
Devamsız katılım

Нурыева Огулсапар Атаевна, Колатова Гулнара Айкешевна (Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули)
Словосочетания в языке эпоса «Горкут ата», компоненты которых связаны согласованием
(O. A. Nuriyeva, G. A. Kolatova. Word combination in the language of the epic “Gorkut ata”, the components of which are connected by coordination)

Каррыева Жанна Баймухамедовна, Каррыев Эркин Довранович (Юридический факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета)
К вопросу о передаче особенностей стиля эпоса «Книга моего деда Коркута» в переводе
(J. B. Karriyeva, E. D. Karryyev. On the issue of transferring the peculiarities of style of the epic “The book of my dede Korkut” in translations)

Рыззакова Гульширин Джораевна (Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана)
Изучение модальных слов
(G. J. Ryzzakowa. Studying modal words)

Непесова Алтынджемал Акмурадовна (Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана)
Изучение словообразовательного гнезда в в современном туркменском языке на примере слово “suw”
(A. A. Nepesova. Study of word-formation nest in the modern Turkmen language using the example of the word “suw”)

Тот Жолт (Институт венгерских исследований (Будапешт)
Три слоя тюркских заимствований в венгерском языке
(T. Zsolt. Three layers of Turkic loan words in Hungarian language)

Пантыкина Наталья Игоревна (Луганский государственный педагогический университет)
Фразеологизмы с компонентом «радость» в турецком языке
(N. I. Pantykina. Phraseological units with the “joy” component in the Turkish language)

Солтанова Айсель Закир кызы, Пантыкина Наталья Игоревна (Луганский государственный педагогический университет)
Особенности использования метафоры в турецкой поэзии и ее восприятие русскоязычной аудиторией
(A. Z. Soltanova, N. I. Pantıkina. The intricacies of metaphorical language in Turkish poetry and how it is perceived by a Russian-speaking audience)

Наджафова Айнур Гюняш кызы (Бакинский славянский университет)
Стихи Анны Ахматовой в переводах азербайджанских поэтов
(A. G. Najafova. Anna Axmatova's poems in translations of Azerbaijan poets)

Наджафов Азизага Байрам (кафедра Филологии Карабахского университета)
Аллегория в творчестве Сеида Азима Ширвани
(A. B. Najafov. Allegory in the work of Seyid Azim Shirvani)

Диванкулиев Шохрат Худайбердиевич (кафедра Мировых языков Института международных отношений Министерства иностранных дел Туркменистана)
Журнал «Туркменоведение» у истоков туркмено-российских отношений
(S. H. Divangulyyev. The Journal "Turkmenovedeniye" At the Origins of Turkmen-Russian Relations)

Байраммурадова Айлар Курбанмурадовна (Туркменский государственный университет имени Махтумкули)
Патриотическое воспитание молодёжи в произведениях Махтумкули Фраги
(A. G. Bayrammyradowa. Patriotic education of youth in the works of Makhtumkuli Fragi)

Мергенова Язгуль Максатовна (Туркменский государственный университет имени Махтумкули)

Karacaoğlan'ın şiirlerinde kadın aksesuarları
(Y. M. Mergenova. Women's accessories in Karacaoglan's poems)

Шамина Людмила Алексеевна (Институт филологии СО РАН)
Тувинский синтаксис в текстах на латинской графике как источник исторической памяти народа и культурного наследия Тувы
(L. A. Shamina. Tuvan syntax in Latin script texts as a source of historical memory of the people and cultural heritage of Tuva)

Ахмадова Сабина Намус кызы (Институт Рукописей имени Мухаммада Фузули НАНА)
Первый исследователь турок-ахыска, известный учёный Севиль Пириева Караман
(S. N. Ahmadova. Prominent scholar Sevil Karaman Piriyeva, first researcher of ahiska turks)

Атаева Марал Байраммурадовна (Туркменский государственный университет имени Махтумкули)
Наследие Ибн Сины - общественная ценность
(M. B. Atayeva. Ibn Sina's legacy is public value)

Хакимжонова Раъно Олимжон қизи (Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)
Влияние творчества Наваи на современную узбекскую поэзию
(R. O. Hakimjonova. The influence of Navoi‘s work to the contemporary Uzbek poetry)

Гундогдыева Гульшат Аннамурадовна (кафедра зарубежной литературы Туркменского государственного университета имени Махтумкули)
Семантические особенности туркменских фразеологизмов с числительными и их эквиваленты в персидском языке (на примере фразеологизмов с числительным три)
(G. A. Gundogdyyeva. Semantic features of Turkmen phraseological units with numerals and their equivalents in the Persian language (based on the example of phraseological units with the numeral three)

Бекджаев Тагандурды Бекджаевич (Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана)
Фразеологизмы, общие для туркменского и турецкого языков, в стихотворениях Махтумкули
(T. B. Bekjayev. Phraseologisms common to Turkmen and Turkish languages in the poems of Magtymguly)

Баймурадова Айна Сайдуллаевна (Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана)
Орнаменты безворсовых ковров как этнографический источник
(A. S. Baymuradova. Ornaments of pileless carpets as an ethnographic source)

Мятиева Нурджемал Нурахмедовна (кафедра зарубежной литературы Туркменского государственного университета имени Махтумкули)
Сравнительное исследование турецкого и английского фольклора
(N. N. Matiyeva. A comparative study of Turkish and English anonymous folk literature)

Аннамаммедова Шемшат Аннамаммедовна, Ишадова Дженнет Мурадовна (Туркменский государственный универрситет имени Махтумкули)
Изучение творчества Махтумкули в нашей стране и за рубежом
(S. A. Annamammedova, J. M. Ishadova. The study of Magtymguly’s creative work in our country and abroad)

Илмурадова Марал Овезныязовна (кафедра зарубежной литературы Туркменского государственного университета имени Махтумкули)
Семантическое сходство пословиц в туркменском и арабском языках
(M. O. Ilmyradova. Semantic similarities of proverbs in the Turkmen and Arabic languages)

Гайипназарова Бахаргозель Джумаевна (Туркменский государственный универрситет имени Махтумкули)
Методика преподавания в вузах: традиции и инновации в педагогическом процессе
(B. J. Gayypnazarova. Teaching methodology in universities: traditions and innovations in the pedagogical process)

Гулиев Орудж Ислам оглу (Центральная Научная Библиотека НАНА)
Вопросы азербайджанской истории на основе материалов личного архива Наримана Нариманова
(O. İ. Guliyev. Azerbaijan historical issues in the materials of Nariman Narimanov’s personal archive)

Тезисы докладов

К. А. Гамзатова
Аналитические формы в древнеуйгурском языке
K. A. Gamzatova
Analytical forms in the Old Uyghur

Категория аспектуальности является одной из ключевых проблем в тюркологии. В современных исследованиях, таких как работы Л. Юхансона, Д. М. Насилова и В. Г. Гузева, показано, что в современных тюркских языках аспектуальность как категория существует и имеет свои формы выражения. Однако вопрос о наличии аспектуальности в древнеуйгурском языке, как одном из предшественников современных тюркских языков, остается малоизученным. Целью работы является анализ аналитических форм глаголов с аспектуальным значением в древнеуйгурском языке на основе письменных памятников X–XII веков. Особое внимание в статье уделяется контекстуальному использованию аналитических форм глаголов и их переводу на русский язык. В ходе исследования были выявлены следующие аналитические формы глаголов с аспектуальным значением:-a bar-, -a jorï-, -a tur-, -p olur-, -p bar- и др. Анализ показал, что в древнеуйгурском языке аспектуальность выражалась через аналитические формы глаголов, что подтверждает мысль о наличии морфологических средств для ее выражения.

А. М. Абидулин
Встреча Юсуфа Акчуры и В. И. Ленина в Цюрихе (1916)
A. M. Abidulin
Meeting of Yusuf Akchura and V. I. Lenin in Zurich (1916)

Доклад посвящен изучению интеллектуальной деятельности турецко-татарского мыслителя Ю. Акчуры и встрече, которую он провел с Лениным в 1916 году. Также анализируются действия предпринятые с целью доведения политических и культурных требований тюркских общин до международной общественности во время Первой мировой войны. В этом контексте особое значение имеют Третий международный конгресс народов, проведенный в Лозанне в 1916 году, а также контакты с русскими социалистами, установленные в Швейцарии после этого. Центральным моментом статьи является встреча Ю. Акчуры с Лениным, состоявшаяся в Цюрихе. Свидетельства, представленные Азизом Меркером, опубликованы в интервью, опубликованном в газете «Tasvir-i Efkar» 20 декабря 1917 года в Турции, и это интервью было переведено нами с османского турецкого на русский язык. На этой встрече подробно обсуждались взгляды Ленина на право народов на самоопределение, демократию и программу социалистической трансформации. Эта встреча имеет историческое значение как с точки зрения становления взглядов Ю. Акчуры относительно будущего тюркских общин, так и с точки зрения раскрытия универсальных аспектов социалистических идеалов Ленина.

Д. Арыджан
О некоторых особенностях аффикса сказуемости в турецком языке

В турецком языке предложения, в зависимости от типа сказуемого, делятся на две группы: глагольные и именные. В грамматических источниках по синтаксису турецкого языка именные предложения, как правило, определяются как такие, в которых сказуемое выражено именем или словом именной категории. Именные предложения в турецком могут строиться как с использованием аффикса сказуемости, так и с его опущением.

Особый интерес представляют такие явления, как интерпретация личных аффиксов, употребляемых в форме настоящего времени, в качестве самостоятельного аффикса сказуемости, а также трактовка аффикса *-DIr* как аффикса сказуемости.

Ключевые слова: именные предложения, аффикс сказумости, вспомогательный глагол, турецкий язык

D. Arıcan
Some features of copula in Turkish

In Turkish, sentences are classified into two groups based on the type of predicate: verbal and nominal. Nominal sentences are generally defined as those in which the predicate is expressed by a noun or a word of nominal category. They can be constructed either with the predicate affix or with its omission.

Particular attention is given to phenomena such as the interpretation of personal suffixes in the present tense as independent predicate affixes, and the treatment of the **-DIr** affix as a predicate affix.

Keywords: nominal clauses, predicate affix, auxiliary verb, Turkish language.

М. Б. Атаева
Наследие Ибн Сины - общественная ценность

Ибн Сина (Авиценна) был персидским учёным-энциклопедистом, врачом и философом. которого считают одним из самых влиятельных мыслителей Золотого века ислама. Он с детства проявлял выдающиеся способности и рано овладел такими науками, как философия, математика и медицина.

Его самый знаменитый труд – «Канон врачебной науки» – на протяжении нескольких веков служил основным справочником как в исламском мире, так и в Европе, оказав огромное влияние на развитие медицины. Помимо медицины, Авиценна внёс значительный вклад в философию, астрономию и логику, соединив греческое наследие с исламской наукой.

Наследие Авиценны живёт как символ универсального знания, подчёркивая важность науки, разума и жажды познания для прогресса человечества.

Ключевые слова: учёный, необычайный интеллект, медицина, наследие, философия, знание

M. B. Atayeva
Ibn Sina's legacy is public value

Ibn Sina (Avicenna) was a great Persian scientist, doctor, and philosopher. He demonstrated extraordinary intelligence from childhood and mastered subjects such as philosophy, mathematics, and medicine at an early age.

His most famous work, “The Canon (Law) of Medicine”, served as a standard reference in both the Islamic world and Europe for several centuries, shaping the development of medical science. In addition to medicine, Avicenna contributed significantly to philosophy, astronomy, and logic, building a bridge between Greek thought and Islamic scholarship.

Avicenna’s legacy endures as a symbol of universal knowledge, highlighting the importance of science, reason, and intellectual curiosity in human progress.

Keywords: scientist, extraordinary intelligence, medicine, legacy, philosophy, knowledge

А. С. Баймурадова
Орнаменты безворсовых ковров как этнографический источник
A. S. Baymuradova
Ornaments of pileless carpets as an ethnographic source

Орнаменты на коврах, паласах, кошмах, керамике, архитектурных памятниках являются весьма важным источником для изучения этнографии, выяснения некоторых элементов этногенеза, и более глубокого исследования исторического пути, пройденного тюркскими народами.

Широкое использование безворсовых изделий у туркмен и узбеков, как и у других народов Центральной Азии, является традицией, тесно связанной с характером народного быта.

На коврах и паласах можно насчитать не менее тысячи узоров, каждый из которых, носит в себе совершенно конкретное значение. Паласные узоры, эволюционируя в течение многих веков, олицетворяли философию, идеологию, историю и духовный мир туркменского и узбекского народов.

Ключевые слова: орнамент, этнографический источник, килим, тюркские народы

Т. Бекджаев

Фразеологизмы, общие для туркменского и турецкого языков, в стихотворениях Махтумкули

T. Bekcayev

Mahtumkulu'nun şiirlerinde Türkmen ve Türk dillerinde ortak olan deyimler

Türk lehçelerindeki deyimlerin belirli bir kısmı bu lehçelerin çoğu için ortaktır. Tarihin daha önceki dönemlerine ait deyimler daha yüksek derecede benzerliğe sahiptir. Bunun nedenini Türk kavimlerinin yaşam koşullarının, örf ve adetlerinin, geleneklerinin, dini tutumlarının ve dış dünyanın varlıklarını kabul etme düzeylerinin birbirine yakınlığı ile açıklanabilir. Bunun sonucunda ise Türk lehçelerine özgü ortak deyimler oluşmuştur.

Türk lehçelerinin Oğuz grubuna ait olan Türkmen ve Türk dillerinde ortak özelliğe sahip deyimlere sıklıkla rastlanmaktadır.18. yüzyıl klasik türkmen edebiyatının büyük temsilcisi olan Mahtumkulu Firaki'nin şiirlerinde bulunan deyimlerin Türkçedeki deyimlerle benzerliğine dikkat çekmek istiyoruz.

Mahtumkulu Firaki'nin eserlerinde yer alan deyim birimleri Türkmence'de olduğu gibi Türkçe'de de kullanılmaktadır. Bu açıdan bakıldığında Mahtumkulu Firaki'nin eserlerinde Türkmen ve Türk dillerine yönelik ortak deyimler iki gruba ayrılabiliriz:

1. Şairin şiirlerinde bu gruba ait deyimlerin içeriği ve anlamı Türkçede ve Türkmence'de aynıdır: *burnunu sokmak* (Türkmence) - davetsiz, istenmeyen bir yere gitmek, alakasız işlere bulaşmak// *burnunu sokmak* (Türkçe) - kendini ilgilendirmeyen bir işe karışmak, *dünyaya gelmek* (Türkmence) - doğmak // *dünyaya gelmek* (Türkçe) – doğmak, *göz dikmek* (Türkmence) - bir nesneyi elde etmeye çalışmak, bir nesneye heves etmek // *göz dikmek* (Türkçe) – bir nesneyi her koşulda elde etmek istemek .

2. Şiirlerdeki bazı deyimlerin yapısı ve içeriği benzer ancak anlamlarında farklılıklar olabilir: *akılı gitmek* (Türkmence) - delirmek, aklını kaçırmak // *aklı gitmek* (Türkçe) - çok mutlu olmak, bayılmak, *göz etmek* (Türkmence) – gösteriş yapmak, övünmek, göstermek, sergilemek // *göz etmek* (Türkçe) - göz işaretiyle isteklerini anlatmak, ifade etmek, *el açmak* (Türkmence) - Cömert olmak, eli açıklık, elindekini sakınmadan paylaşmak// *el açmak* (Türkçe) – dilenmek, yalvarmak, dua etmek.

Mahtumkulu Firaki'nin şiirlerinde Türkmence ve Türkçede ortak olan deyimler genel türk lehçesi dönemine, yani Türk dillerinin ayrı dillere bölünmeden öncesine aittir.

Anahtar kelimeler: Mahtumkulu, deyim, Türkmen dili, Türk dili, dil genellikleri

О. А. Бембеев

Турецкие народные танцы Зейбек и Халай

O. A. Bembeev

Turkish folk dances Zeybek and Halay

Исследовательская задача: Рассмотреть и изучить два турецких народных танца, а именно Зейбек и Халай, ознакомиться со смысловыми моментами и сюжетами танцев, территориями их распространения и музыкальными инструментами.

Турецкий народ очень богат своим историческим и культурным наследием, которое выражает самобытность и уникальность людей, называющих себя турками. В настоящее время в Турции очень активно изучается народный фольклор. На данный момент существует ряд институтов и организаций, основная деятельность которых сводится к поддержке и спонсированию исследований в области народного фольклора. Одной из таких организаций

является «Анатолийский фольклорный фонд» (тур.Anadolu Folklor Vakfı), основанный 2 октября 1981 г. или же «Турецкое информационное общество», которое стало первой организацией, изучающей турецкий фольклор. То есть можно с уверенностью сказать, что изучение данной темы уже не первое десятилетие высока. В эпоху правления Мустафы Кемаля Ататюрка народные танцы рассматривались как часть национальной идентичности, Что было особенно актуально в процессе нациестроительства в молодой республике.

Народные танцы являются неотъемлемой частью турецкого фольклора, которые демонстрируют большое разнообразие турецкой культуры. На данный момент, на территории Турции зафиксировано примерно 4000 танцев и видов этих танцев, что, безусловно, говорит о большом историческом наследии турок.

В рамках данной статьи будут рассмотрены танцы Зейбек и Халай, которые являются одними из самых популярных и узнаваемых танцев не только в Турции, но и во всем мире.

Работа над подобными этнографическими темами позволяет более углубленно изучить народ и его культуру. На сегодняшний момент, данный подход очень актуален в теме востоковедческой науки, что подчеркивает значимость и важность изучения подобных тем в будущем.

К. Севиндж

Каузативный залог в азербайджанском языке: структура и функция

Азербайджанский язык является одним из тюркских языков с богатой системой залогов как с морфологической, так и с семантической точек зрения. В этой системе каузативный залог занимает особое место, так как позволяет выражать ситуации, в которых субъект заставляет кого-либо выполнить действие. Каузативные глаголы обычно образуются с помощью аффиксов -dır/-dir, -t, -ır/-ir/-ur/-ür (например, yazdırmaq, aldırmaq, gördürmek). Суффикс -z, унаследованный от старотюркского языка, в современном языке используется ограниченно, сохраняясь в некоторых корнях глаголов (например, yatızdırmaq).

Каузативный залог является не только морфологическим инструментом словообразования, но и играет определяющую роль с точки зрения синтаксиса и семантики. С помощью этой конструкции субъект становится в позицию, обеспечивающую или направляющую совершение действия. В общественном общении он проявляет прагматические функции, такие как управление, приказ или просьба. Предыдущие исследования демонстрируют как широкое распространение каузативного залога в азербайджанском языке, так и его значимость в сравнительно-типологических исследованиях тюркских языков.

Данное исследование направлено на систематическое изучение морфологических и семантических особенностей каузативного залога в азербайджанском языке и выявление его функциональной ценности.

Ключевые слова: Азербайджанский язык, каузативный залог, морфология, семантика, тюркские языки

K. Sevinc

Causative Voice in Azerbaijani Turkish: Structure and Function Analysis

The Azerbaijani language is one of the Turkic languages with a morphologically and semantically rich voice system. Within this system, the causative voice holds a special significance, as it expresses situations in which the subject causes another person to perform an action. Causative verbs are typically derived using the suffixes -dır/-dir, -t, -ır/-ir/-ur/-ür (e.g., *yazdırmaq*, *aldırmaq*, *gördürmek*). The -z suffix, inherited from Old Turkic, has a limited contemporary usage but still appears in some verb stems (e.g., *yatızdırmaq*).

The causative voice is not only a morphological derivational tool but also plays a determining role in syntax and semantic functions. Through this structure, the subject assumes a position that facilitates or directs the execution of the action. In social communication, it is particularly prominent for pragmatic functions such as direction, command, and request. Previous studies demonstrate both the widespread use of the causative voice in Azerbaijani and its significance in comparative grammatical studies of Turkic languages.

This study aims to systematically examine the morphological and semantic characteristics of the causative voice in the Azerbaijani language and to reveal its functional value.

Keywords: Azerbaijani language, causative voice, morphology, semantics, Turkic languages

Й. М. Чобаноглу, А. С. Аврутина

Оценка эквивалентности при переводе устоявшихся юридических терминов (на материале турецко-русских договоров)

В статье рассматривается феномен эквивалентности юридических терминов при переводе двусторонних соглашений между Россией и Турцией. Анализируются ключевые трудности, типы эквивалентности, приводятся примеры расхождений терминов и переводческих решений на материале реальных текстов и практики.

Ключевые слова: юридический перевод, эквивалентность, терминология, Турция, Россия, двусторонние соглашения

Правовое и экономическое сотрудничество России и Турции обусловило появление широкого спектра двусторонних договоров, требующих не просто формального перевода, а эквивалентной передачи юридического содержания на языках сторон [1: 42]. Как отмечает Д.В.Жигулинская, юридический язык “прочно укоренён в правовой картине мира и отражает культурные и институциональные особенности каждого государства” [2: 251]. Достижение эквивалентности невозможно без учёта национальных правовых норм и исторически сложившихся трактовок понятий [5: 170].

В зарубежной и отечественной литературе разграничиваются формальная, функциональная, прагматическая и динамическая эквивалентность [3: 78; 4: 58]. Для юридического текста особенно важна прагматическая эквивалентность, понимаемая как “наиболее близкий эквивалент исходному понятию в контексте правовой системы перевода” [5: 171], поскольку несовпадение даже на одну категорию может привести к существенной правовой ошибке [7: 73; 8: 104]. Д. Кэтфорд особо подчёркивал: “В юридических документах эквивалентность должна обеспечивать не только логику текста, но и соответствие действиям национального права” [3: 79].

Анализ двусторонних соглашений наглядно демонстрирует трудности при передаче устойчивых юридических терминов между русским и турецким языками. Приведём примеры.

Термин “инвестиция” (“investment”, “yatırım”) в русском официальном тексте BIT описывается как имущество, вложенное лицом одной стороны в экономику другой [6: 3]. В турецком варианте появляется расширенная формулировка “her türlü malvarlığı değeri” (“любой вид имущественной ценности, как материальной, так и нематериальной”), включая в понятие “инвестиций” также права требования, лицензии, интеллектуальную собственность [5: 177]. Таким образом, эквивалентность формальная отсутствует, и переводчик обязан либо делать поясняющие примечания, либо расширять дефиницию [5: 178].

“Национальный режим” (national treatment) традиционно переводится как "ulusal muamele". Однако в ряде BIT с Турцией русская формулировка применяет режим к уже введённым инвестициям, в то время как турецкая версия трактует его шире, включая этапы подготовки инвестирования [7: 77; 6: 10], что влияет на толкование прав и возможностей иностранных лиц.

“Компетентный орган” (competent authority) –в российском тексте это официальный государственный орган, в турецком –“yetkili makam” или “yetkili merci”, в ряде соглашений он может обозначать просто учреждение или должностное лицо без четко определенных полномочий [9: 84]. Такая несогласованность приводит к необходимости комментариев к термину в переводе [7: 86].

Вопрос компенсации: термин “компенсация убытков” (“tazminat”) в турецком соглашении включает моральный вред и широкий перечень имущественных потерь, а в российском –только имущественную составляющую [10: 36]. Это может повлиять на итоговые суммы выплат по спорам и требует специальных сносок [5: 181].

Для разрешения указанных трудностей выделяют несколько стратегий: калькирование, объяснительный перевод и компенсация [8: 105; 4: 102]. Например, для англоязычного “trust” возможно только описание конструкции –“доверительный фонд (güven fonu)” с детальным примечанием по аналогии правового режима [3: 80; 11: 65]. Похожий прием используется в переводах терминов “usufruct/intifa hakkı” (пожизненное пользование).

Разъяснительный перевод также применяется для таких терминов, как “expropriation – экспроприация –kamulaştırma”, где объем принудительного изъятия имущества в российском и турецком законодательстве различен. Балчерак подчеркивает: “Переводчик обязан рассматривать возможность смысловой генерализации либо детализации, руководствуясь не столько словарем, сколько анализом национальных норм” [5: 179; 13: 17].

В соглашениях по налогообложению термин “налог на прибыль” (“gelir vergisi”) по-разному трактуется в российском и турецком праве: в одном случае он включается в состав всех налогов и сборов [6: 11], в другом –выделяется отдельно [1: 43]. При оформлении контрактов на недропользование “держатель лицензии” переводится как “ruhsat sahibi”, а “имущественные права” как “malvarlığı hakları” [19: 41; 5: 185].

“Третья сторона” –“üçüncü taraf” –встречается в арбитражных оговорках; перевод возможен лишь с уточнением объёма полномочий этой стороны по национальному праву [15: 116]. Все претензии и процессы по урегулированию споров всегда должны сопровождаться отдельным юридическим комментарием [1: 44], чтобы исключить двусмысленность [8: 106].

Исследование современных подходов к эквивалентности подчеркивает важность использования параллельных официальных текстов, глоссариев, согласованных переводов и привлечения специалистов для разрешения спорных ситуаций [8: 109; 13: 19]. Каждая терминологическая пара должна проверяться на примерах судебной и административной практики обеих стран [14: 111; 12: 273]; рекомендуемые источники –официальные издания договоров, юридические монографии и публикации по переводоведению [5: 186].

Список литературы

1. Курочкина П. Д., Толстых В. Л. Сравнительный анализ двусторонних инвестиционных договоров Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 3. С. 39–46.
2. Zhigulskaya D. V. Cognition and language (using the example of translation between Russian and Turkish) // Polylinguality and Transcultural Practices. 2017. № 4(20). С. 251–259. URL: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/download/16564/14733 (дата обращения: 20.09.2025).
3. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. Oxford: Oxford University Press, 1965. 108 p.
4. Витальев Л. Ф. Основы юридического перевода: учебное пособие. М.: Юрайт, 2019. 180 с.
5. Balcerzak A. Direction-Asymmetric Equivalence in Legal Translation // Comparative Legilinguistics. 2021. No. 46. P. 169–189. DOI: 10.2478/cl-2021-0012. URL: https://www.sciendo.com/pdf/10.2478/cl-2021-0012 (дата обращения: 20.09.2025).
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Турция об избежании двойного налогообложения от 15.12.1997 // СПС “КонсультантПлюс” (дата обращения: 20.09.2025).
7. Bidasyuk O. M. Interpretation of Ambiguous Provisions of International Investment Treaties Authenticated in Two or More Languages // Comparative Legilinguistics. 2014. No. 17. P. 71–81.
8. Velykodska O. Legal Discourse: Text Analysis and Translation Strategies // Comparative Legilinguistics. 2018. No. 24. P. 103–111. DOI:10.14746/cl.2018.24.7.
9. Yassen A. Legal Terms in Turkish and Russian: Comparative Approach // International Journal of Social Science and Humanity. 2017. Vol. 7, No. 1. P. 82–85.
10. Dronova V. V. Peculiarities of legal language in civil law contracts concluded via the Internet // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 69. Article 00067. DOI:10.1051/shsconf/20196900067.
11. Михеева И. А. Трудности перевода юридических документов: сопоставительный анализ (русский и турецкий языки) // Перевод и переводоведение. 2020. № 1. С. 61–66.
12. Doronina N. G., Semilyutina N. G. International Private Law and Investments: Monograph. Moscow: IZiSP: Contract, 2012. 272 p.
13. Kroll P., Shaikh K. Problems of Non-equivalent Words in Technical Translation // arXiv:2311.12395 [pdf], 2023. URL: https://arxiv.org/pdf/2311.12395.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
14. Pethő T. Comparative Law and Legal Translation in the Search for Functional Equivalents // Comparative Legilinguistics. 2013. No. 12. P. 101–120.
15. Osoianu R. EU Legal Language, Translation and Terminology: Twelve Viewpoints on EU Multilingual Law-making // Public Law. 2021. Vol. 2_1. P. 113–120.
16. Yilmaz A. Turkish Terms of Public International Law: Translation and Equivalence Problems // Ankara Law Review. 2018. Vol. 15, No. 2. P. 231–245.

17. Нешатаева Т. Н. Иностранные инвестиции в Российской Федерации: правовое регулирование и судебная практика // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 7. С. 28–44.
18. Harmoza A. P. Арбитраж на основании международных инвестиционных соглашений: вопросы компетенции. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.

Y. M. Cobanoğlu, A. S. Avrutina

Assessment of equivalence in the translation of established legal terms (based on Russian-Turkish treaties)

This paper explores the phenomenon of legal term equivalence in the translation of bilateral agreements between Russia and Turkey. The study identifies the main challenges and types of equivalence encountered in practice, and provides illustrative examples of terminological divergence as well as translation solutions from authentic treaty texts and legal scholarship. The analysis emphasizes the importance of context, institutional differences, and interdisciplinary approaches in achieving accurate transfer of legal meaning.

Keywords: legal translation, equivalence, terminology, Russia, Turkey, bilateral agreements, legal terms, treaty translation, comparative law

М. М. Чобанов

Современные азербайджано-грузинские литературные связи: Лейла Эрадзе и Дилара Алиева

Начиная со второй половины XX века, литературная дружба, особенно в области поэзии, между Азербайджаном и Грузией обрела новое развитие в научной плоскости — в контексте литературоведения и художественного мышления. Очевидно, этому способствовали определённые причины: прежде всего, популярность Самеда Вургуна среди грузинских поэтов и писателей, его частые визиты в Грузию и всесоюзная известность, а также активное участие азербайджанских поэтов и писателей, проживавших в Грузии, в этом процессе способствовали интенсификации литературных связей.

На литературоведческом уровне эти связи перешли на новый этап развития благодаря сотрудничеству грузинского литературоведа Лейлы Эрадзе и азербайджанского литературоведа Дилары Алиевой. Поэт, переводчик и литературовед Лейла Эрадзе стала одной из самых активных переводчиц азербайджанской литературы. Дилара Алиева, наряду с исследованием грузинского варианта дастана «Кёроглу», сыграла важную роль в пропаганде азербайджано-грузинской литературной дружбы.

Лейла Эрадзе перевела на грузинский язык прозаические произведения многих азербайджанских писателей. Среди них - «Парвана» Мирзы Ибрагимова, «Безумный Кюр» Исмаила Шыхлы, «Ивовая канава» Ильяса Эфендиева, «Девушка-телефонистка» Гасана Сеидбейли, а также сборники рассказов Джалила Мамедкулизаде, Исы Гусейнова, Алявии Бабаевой, представив их грузинскому читателю.

Дилара Алиева, выполнявшая аналогичную работу в рамках азербайджано-грузинских литературных связей, стала пропагандистом грузинской литературы и культуры в Азербайджане, посвятив сознательно всю свою жизнь этому делу и сыграв роль моста между двумя культурами.

Ключевые слова: Азербайджано-грузинские, современные, литературные связи, художественный перевод, Я люблю Грузию, Песни дружбы, Лейла Эрадзе, Дилара Алиева, Мадат Чобанов

M. M. Çobanov

Contemporary Azerbaijani-Georgian literary relations: Leila Eradze and Dilara Aliyeva

Since the mid-20th century, literary friendship between Azerbaijan and Georgia-particularly in the realm of poetry-has entered a new stage of development within the scholarly context of literary studies and artistic thought. This transformation was driven by a number of factors, including the popularity of Samed Vurghun among Georgian poets and writers, his frequent visits to Georgia, and his wide recognition across the Soviet Union. Additionally, the active participation of Azerbaijani poets and writers residing in Georgia intensified these literary ties.

On a scholarly level, these relations reached a new stage of development through the collaboration between Georgian literary scholar Leila Eradze and Azerbaijani literary scholar Dilara Aliyeva. Poet, translator, and literary critic Leila Eradze became one of the most enthusiastic translators of Azerbaijani literature. Dilara Aliyeva, in addition to researching the Georgian version of the epic Koroghlu, also played a significant role in promoting Azerbaijani-Georgian literary friendship.

Leila Eradze translated numerous prose works of Azerbaijani writers into Georgian. These include Parvaneh by Mirza Ibrahimov, The Mad Kura by Ismayil Shykhly, The Willow Canal by Ilyas Efendiyev, The Telephone Girl by Hasan Seyidbeyli, as well as collections of short stories by Jalil Mammadguluzadeh, Isa Huseynov, and Alaviyya Babayeva-thus introducing them to the Georgian readership.

Dilara Aliyeva, who undertook similar work in the context of Azerbaijani-Georgian literary relations, became a promoter of Georgian literature and culture in Azerbaijan. She consciously dedicated her life to this cause and played the role of a cultural bridge between the two nations.

Keywords: Azerbaijani-Georgian, contemporary, literary relations, literary translation, I Love Georgia, Songs of Friendship, Leila Eradze, Dilara Aliyeva, Madat Chobanov

Д. В. Денисенко
Культ Святых в исламе
D. V. Denisenko
The Cult of Saints in Islam

Проникновение культа святых на территории Центральной Азии и Ближнего Востока. Исследование демонстрирует, что культ святых в исламе выступал ключевым историческим механизмом адаптации строгого монотеизма к различным культурным реалиям Центральной Азии и Ближнего Востока. Через объединение с доисламскими верованиями и практиками он обеспечил плавную интеграцию региона в исламский мир, став мостом между строгим следованиям принципам религии и народными верованиями.

Институционализация и политическая функция. В работе доказывается, что в период IX–XII вв. культ святых подвергся процесс системной институционализации через суфийские братства (тарикаты). Таким образом культ святых из стихийного народного почитания становится инструментом легитимации политической власти и поддержания духовного авторитета правящих династий.

Актуальность в современном контексте. Несмотря на критику культ святых сохраняет свою значимость, адаптируясь к вызовам современности. Исследование выделяет его новейшие формы — от виртуальных паломничеств до политизации мест поклонения. Это подтверждает тезис о том, что культ авлийа феноменом, находящимся на пересечении религии, политики и культурной идентичности мусульманских сообществ в условиях глобализации.

Ш. Х. Диванкулиев
Журнал «Туркменоведение» у истоков туркмено-российских отношений
Sh. H. Divangulyyev
The Journal "Turkmenovedeniye" At The Origins Of Turkmen-Russian Relations

Для развития культуры, искусства, литературы, науки и образования любого народа необходимо наличие таких движущих сил, как периодические издания, газеты и журналы. Одним из примеров такого издания является журнал «Туркменоведение», который издавался в Туркменистане в 1927–1932 годах и сыграл важную роль в развитии туркменской литературы XX века и укреплении связей между туркменским и русским народами. Хотя значительные работы по этой теме уже опубликованы такими учеными, как М.Аннагурдов, А.Кекилов, Р.Реджепов, К.Джумаев, А.Мырадов, К.Байраммурадов и Б.Шамурадов, роль отдельных газет и журналов, включая «Туркменоведение», до сих пор полностью не изучена.

Журнал, издававшийся на русском языке, был призван всесторонне освещать практически все аспекты жизни Туркменистана, от историко-краеведческих вопросов до экономики и

культуры. В его работе принимала активное участие российская и туркменская интеллигенция. Согласно «Туркменской советской энциклопедии», журнал был органом Историко-краеведческого комитета при ЦИК ТССР и выходил один раз в месяц. В 1928-1931 годах он стал органом Института туркменской культуры, а в начале 1932 года был передан Туркменскому научно-исследовательскому институту, где издавался под названием «За социалистическую Туркмению» до июня 1932 года, выпустив в общей сложности 59 номеров.

Программа журнала «Туркменоведение» ставила три основные задачи: сплочение краеведческих сил Туркменистана, воспитание новых молодых кадров в области туркменоведения, а также привлечение внимания всего СССР к научным, политическим, хозяйственным и культурным проблемам Туркменистана. За время своего существования журнал, опираясь на потенциал местных кадров и поддержку русских писателей, сумел провести значительную организационную и литературную работу, тесно связанную с деятельностью Института туркменской культуры и Всетуркменского литературного объединения. В журнале публиковались материалы о туркменских эпосах и классических поэтах, таких как Махтумкули и Кемине, что имело большое научно-теоретическое значение. Он стал связующим звеном между литературами двух народов.

Значительный вклад в укрепление туркмено-российских научных, литературных и образовательных связей внесли такие ученые, как А.П.Поцелуевский и А.Н.Самойлович.

Александр Петрович Поцелуевский, будучи частым автором журнала, он публиковал статьи по фольклору, языку и этнографии, которые до сих пор сохраняют свою научную ценность. В своей статье «Собирание туркменского фольклора» он выделил ряд методологических принципов и подчеркнул важность изучения живой разговорной речи и памятников народного творчества. Поцелуевский также считал, что произведения индивидуального творчества не могут быть отнесены к фольклору. Он считается наставником старшего поколения туркменских ученых.

Александр Николаевич Самойлович также сотрудничал с журналом, публикуя путевые заметки и статьи, которые имели большое значение для развития тюркологии. В своих работах он занимался изучением местных диалектов, фольклора и быта туркменского народа.

Журнал «Туркменоведение» внес неоценимый вклад в развитие туркменской литературы и укрепление прочных российско-туркменских литературных, научных и интеллектуальных связей.

Литература:

1. Диванкулиев Шохрат, Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук на тему: Туркменская литература на страницах журнала "Туркменоведение". – Ашгабат: 1995.
2. Аннагурдов М. Совет Түркменистаның метбугат тарыхындан очерклер. – Ашгабат, ТДН, 1957.
3. Кекилов А., Реҗепов Р., Җумаев К. Түркменистанда танкыды пикириң дөрейши ве өсүши. – Ашгабат: Ылым, 1969.
4. Реҗепов Р. Йигриминҗи йылларың түркмен совет эдебияты. – Ашгабат: Ылым, 1980.
5. Җумаев К., М.Горький ве түркмен совет прозасы. – Ашгабат: ТЫА-ның нешириаты, 1957; Түркмен совет прозасының дөрейши ве өсүши. – Ашгабат: Ылым, 1986.
6. Мырадов А. Рус-түркмен совет эдебиятларының хызматдашлык тарыхындан. – Ашгабат: ТДУ, 1959.
7. Байраммырадов К. Сөвешҗең эдебият угрунда. – Ашгабат: Түркменистан, 1970.
8. Шамырадов Б. Йигриминҗи йылларың түркмен эдебияты. – Ашгабат: Түркменистан, 1971.
9. Азымов П. Өмур мензиллери. – Ашгабат: Туркменистан, 1985. – 84-85 с.
10. Поцелуевский А.П. Избранные труды. – Ашхабад; Ылым, 1975. – 331-332 с.
11. https://cheloveknauka.com/turkmenskaya-literatura-na-stranitsah-zhurnala-turkmenovedenie

Х. М. Джалилова
Значение исследований творчества Джадидов в современном тюркском мире

Kh. M. Djalilova
The importance of research on Jadid creativity in the modern Turkic world

Ключевые слова: джадидизм, просвещение, просветительская литература, литературный процесс, путевые заметки, путевой очерк, путешествие.

Литература тюркских народов обладает богатым историческим наследием. Изучение жизни и деятельности писателей-джадидов имеет важную роль в объединении тюркских народов, так как их творчество основано на традициях классической восточной литературы, на фольклоре своего народа, в данном случаи тюркских народов, которые имеют общие языковые признаки и духовные ценности. Общественно-политическое движение джадидов, которое распространилось среди тюркоязычных мусульманских народов в конце XIX и в начале XX веков, имело ярко выраженный просветительский характер. Джадиды не только открывали новометодные школы, библиотеки, театры, издательства, но и широко выражали свои взгляды и представления о культурном и просвещенном человеке в своих публицистических и художественных произведениях. На пространстве современного тюркского мира особое внимание уделяется изучению наследия джадидов через призму нового времени и мышления. В этом процессе Узбекистан занимает важную роль. За последние десятилетия сделано многое по увековечению памяти джадидов, которые пожертвовали своей жизнью за свободу и процветание народа, всесторонне изучается наследие джадидов. Создавая образ нового поколения, стремящегося к знаниям, просвещенного человека – джадида, на страницах публицистических и художественных произведениях, они также освещали вопросы создания и деятельности благотворительных фондов, которые могли бы содействовать в отправлении на учебу одаренной и нуждающейся в материальной помощи молодежи в развитые государства. Будучи основателями прессы, издавая газеты и журналы, публикуя в них свои просветительские произведения в духе времени, джадиды надеялись и верили, что таким путем смогут повлиять на мировоззрение и образ жизни народа Туркестана, который в те годы был очень в тяжелом положении как в социально-экономическом, так и в культурно-просветительском плане. Писатели-джадиды через творчество отражали своё отношение к социально-политическим событиям, пропагандировали просветительские идеи. Таким образом движение национального возрождения в Туркестане своей идеологией положили начало новой эпохе и в литературе.

В центре внимания движения джадидов Туркестана находились образовательные реформы, а также такие вопросы, как повышение уровня жизни нации и решение экономических и политических проблем региона. Именно эти проблемы и отражаются в творчестве Бехбуди, Авлони, Фитрата, Чулпона и других представителей джадидской литературы. Узбекская литература данного периода это в первую очередь органическая часть межлитературной общности Туркестана, вобравшая и синтезировавшая в себе художественные завоевания литературы огромного региона. Движение джадидизма и формирование новой по типу общественной политической мысли, возникшее и получившее здесь широкое распространение в конце XIX начале XX веков имело ярко выраженную устремленность к национальному возрождению. В этот период начали создаваться произведения в прозаической форме, прослеживается трансформации восточных жанров. Среди них саёхатнаме, то есть литературный жанр путешествий, которая до этого времени в основном имела стихотворную форму. Путевые заметки писателей нового времени создавались в прозаической форме, в начале XX века в творчестве писателей-джадидов появились и рассказы с использованием мотива путешествия. Обращение к этому мотиву не случайно, так как этот прием позволяет автору противопоставлять «своё» и «чужое», то есть другую, новую картину мира. Этот прием так же усиливает достоверность описания, и что еще важно, избегать жесткой цензуры того времени. Известный тюрколог, профессор Темур Ходжа, в своей статье утверждает, что писатели джадиды, такие как Чулпон, Фитрат, во избежания советской цензуры, использовали «политическую метафору», используя для изображения действий в произведении «другое» пространства. Учененый-историк Д.Алимова пишет, что феномен джадидизма заключается прежде всего в чрезвычайно высоко развитом интеллекте, определённом знанием как восточной, так и европейской культуры. Почти все они, получив

высшее религиозное образование, воспитанные на поэзии Навои, Джами, Физули, на философских трактатах средневековых восточных мыслителей, обогатили её достижениями зарубежной культуры как восточной, так и европейской. Это определило и особенности джадидского философского мировоззрения, которое отразилось на их деятельности по реформе образования и, в целом, просвещения.

На страницах своего дневника путешествий Махмудходжа Бехбуди, признанный лидер туркестанских джадидов, повествует события, свидетелем которых был он сам лично. Особо следует отметить о том, как Бехбуди пишет о встрече в 1914 году в Стамбуле с Исмаилом Гаспринским, известного просветителя, реформатора, «отца движения джадидизма». Следует отметить, что газета Гаспринского «Терджиман» («Переводчик») внесла ннеоценимый вклад в распространении просветительских идей джадидизма, со страниц которой читатели открыли для себя новый мир, мир передовых идей, устремленных в будущее. В произведении «Маленькое путешествие» Мунавваракори Абдурашидханова, основанном на путешествии по святым местам в Шымкентской и Сайрамской областях, повествуется также и об образе жизни и проблемах образования местного населения. Мунаввар Кори как просветитель считает, что первопричиной этой ситуации является неграмотность населения. В «Путешествии по родному городу» Абдуллы Авлони подняты образовательно-воспитательные и нравственные вопросы. Замечая, что «в газетах и журналах печатают рассказы о путешествиях, в которых авторы-путешественники описывают, что видели и пережили в пути от начала до конца, без остатка», Авлони таким образом определяет место этого жанра в джадидской литературе. В произведении «Афганское путешествие» Авлони выражает свое отношение к реалиям, которые он увидел собственными глазами во время своего путешествия, таким как голод, разруха, социальная несправедливость. Важную роль в распространении просветительских идей сыграло творчество Абдурауфа Фитрата, который также объехал многие страны Ближнего Востока и Европы. Годы учебы в Стамбуле, педагогическая деятельность в Москве расширили его кругозор и еще больше вдохновили идеями джадидизма. Опубликованные в 1911-1912 годах в Стамбуле произведения «Спор» («Спор бухарского мударриса с французом в Индии о новометодных школах (Истинный результат обмена мыслями)» и «Рассказы индийского путешественника», являлись в то время «неофициальной программой джадидов». Фитрат глазами представителя другого «мира», более цивилизованного и просвещенного, на примере социально-духовного состояния родной Бухары, можно сказать, сатирически изображает Туркестан того времени. Вопросы образования и просвещения тюркских народов освещаются и в произведениях Абдулхамида Чулпона. Герои короткой эпической «повести фантазий» Абдулхамида Чулпона «Доктор Мухаммадиёр» – отец, в силу духовной потребности отправляется на Восток, в Мекку и Медину, в паломничество, а сын – на Запад, в университеты развитых стран, в поисках знаний. В этой повести автор также связывает душевный, духовно-просветительский, культурный рост, диалектику и трансформацию сознания героев произведения с предпринятым путешествием, которое, организуя сюжет произведения, служит своего рода рупором для отражения передовых идей автора. В этом произведении через образ главного героя отражены взгляды автора на мировоззрение людей, повседневное поведение, нравственность, образование. В произведении “Среди руин” мы видим Чулпана-джадида, который также считал образование народа важнейшей задачей и главным выходом из нищеты, невежества, экономической и политической зависимости. Повествуя о жизни тюркских народов в регионе, автор объективно оценивая каждый случай.

В заключении следует отметить, что исследование творческого наследия джадидов имеет важную роль в современном глобальном мире, объединяя тюркские народы. Анализируя произведения писателей-джадидов, мы прослеживаем, что в них изображаются тюркские народы, которых объединяет, как отмечал лидер джадидов Исмаил Гаспринский «единство языка, мысли и действия». Они воспевали и пропагандировали идею свободы и просвещения. Политический строй и условия того времени не позволили им достичь этих великих целей, но их идеи воплощаются в настоящее время. Благородные, дальновидные цели наших предков джадидов нашли отражение в политике и в реформах свободного, независимого и процветающего общества Нового Узбекистана. Сотрудничество в исследованиях наследия джадидов укрепит дружеские отношения и интеграцию между тюркскими государствами.

Полат У.
К вопросу изучения слов "İçin, İçlen-, İçlig" в древних тюркских языках

Polat Ü.
Eski Türkçe İçin, İçlen-, İçlig Üzerine

Türkçede yaygın bir kullanım alanına sahip olan *iç* sözü “iç; has, hassa, kağana bağlı, siyasal merkez; mide” vb. anlamlarla Eski Türk yazıtlarından itibaren tanıklanır. Yazıtlar döneminde ayrıca sözcüğün *içger*- “içeri sokmak, ihtiva etmek; itaat altına almak, bağımlı kılmak; (savaşta) düşmanı ülke veya karargâh sınırlarına sokmak”, *içgin*- “girmek, tâbi olmak, sığınmak, iltica etmek”, *içik*- “girmek, tâbi olmak, bağımlı olmak, sığınmak, iltica etmek”, *içre* “gizli; devlet, savaş vs. sırrı içeren (bilgi); siyasal merkez, *içreki* “içerideki, dâhilî, saraya mahsus, kağana mahsus” türevleri kullanılır. *İç* sözü pek çok türev, geniş anlam ve mecazlaşmalarla hem tarihi Türk lehçelerinde hem de çağdaş Türk lehçelerinde kullanılmış ve kullanılmaya devam etmektedir. Altay Yazıtlarından *Tuyekta IV* (A-88)’de geçen *içlen*- türevi “hamile kalmak” (s(e)v(i)gl(i)g: ö: içl(e)nm(e)z (ü)ç(ü)n…(ö)gük(ü)m (a)la-y(ı)(n)!) anlamındadır. Dîvânu Lugâti't-Türk’te [*içle*- (elbiseye) astar yapmak] *içlen*- içi dolmak, içi dolup yenir hâle gelmek” anlamıyla kaydedilen sözcük Türkiye Türkçesinde “içli bitkiler tanelenmek, iç tutmak” anlamının yanı sıra mecazlaşarak “dertlenmek, kederlenmek” anlamında kullanılmıştır. Kırım Tatar Türkçesi, Karaçay Malkar Türkçesi ve Tuva Türkçesi (işten-) vb. ise *içlen*- “gebe kalmak” anlamını korumuştur. Aynı şekilde Eski Uygur Türkçesinde *içlig* “hamile” anlamında olan türevi de Türkiye Türkçesinde *içli* “içi dolu” anlamının yanı sıra mecazlaşarak “duygulu, duygulandıran, etkili” anlamlarını kazanmıştır. Karaçay Malkar Türkçesinde *içli* “hamile, gebe”, içli bol- “Hamile olmak” anlamını korurken Kırım Tatar Türkçesinde içli sözü “kinci, kindar” anlamıyla tanıklanır. Yine Eski Uygur Türkçesinden itibaren tanıklanan için “aralarında, birbirleriyle”, DLT’de için “kendi aralarında, içten” sözü de Türkiye Türkçesinde *için için* biçiminde ikileme olarak “gizli gizli, içten gelerek” anlamıyla kaydedilir. Bu çalışmada Eski Türkçeden itibaren kökbiçim ve pek çok türevi tanıklanan, geniş anlam ve mecazlaşmalar yaşayan iç sözünün içlen-, içli, için vb. türevleri tarihi Türk yazı dilleri ve çağdaş Türk yazı dilleri ile mukayese edilerek incelenecektir.
Anahtar Kelimeler: Eski Türkçe, için, içlen-, içlig

In Old Turkic Regarding İçin, İçlen-, İçlig.

The word *iç,* which has a widespread use in Turkish, is witnessed from the Old Turkish inscriptions with meanings such as “inner; attached to the khan, political center; stomach” etc. During the Inscriptions period, the word also had the meanings of *içger*- ‘to bring inside, to contain; to subjugate, to make dependent; (in war) to bring the enemy into the country or headquarters borders’, *içgin*- ‘to enter, to submit, to take refuge, to seek asylum’, *içik*- ‘to enter, to be dependent, to take refuge, to seek asylum’, *içre* ‘secret; containing state, war, etc. secrets (information); political centre, içreki ’internal, specific to the palace, specific to the khan" derivatives are used. The word 'iç' has been used and continues to be used in both historical and contemporary Turkish dialects with many derivatives, extended meanings and metaphorical uses. The derivative ‘içlen-’ in Tuyekta IV (A-88) from the Altay Inscriptions means ‘to become pregnant’. In *Dîvânu Lugâti't-Türk*, the word ‘içlen’—meaning ‘to fill up, to become edible’ for plants—is used in Turkish to mean ‘to ripen’ for edible plants, as well as figuratively to mean ‘to grieve, to sorrow’. Crimean Tatar Turkish, Karachay-Malkar Turkish and Tuva Turkish (işten-) etc. have kept the meaning of içlen- ‘to become pregnant’. Similarly, in Old Uighur Turkic, the word *içlig*, meaning “pregnant”, has become “içli” in Turkish, meaning “grainy (for plants)”, as well as metaphorically meaning “emotional, emotion-inducing, effective”. In Karachay-Malkar Turkish, içli means ‘pregnant, expectant’, and içli bol- means ‘to be pregnant’. In Crimean Tatar Turkish, however, *içli* is attested with the meaning ‘spiteful, resentful’. Also, the word *için*, meaning ‘among them, with each other’, which has been attested since Old Uighur Turkic, is used in Turkish as a reduplication in the form ‘için için’ with the meaning ‘secretly, from the heart’. This study will examine the word ‘iç’ (meaning ‘inside’), which has been used since Old Turkic in its root form and in many derivatives, and which has acquired broad meanings and metaphorical uses, comparing its derivatives such as ‘içlen-, içli, için’ etc. with historical Turkish dialects and contemporary Turkish dialects.
Key Words: Old Turkic, için, içlen-, içlig

Р. И. Фахрутдинова

Репрезентация фольклорных образов в поэме Г. Тукая «Шурале» и одноименном балете Ф. Яруллина

Мифологические представления поволжских татар находят свое отражение в фольклорном творчестве, являющимся первоосновой для поэтических и музыкальных произведений татарских деятелей культуры. В 1907 году классик татарской литературы Габдулла Тукай создал поэму «Шурале», которая спустя тридцать четыре года легла в основу либретто к одноименному первому татарскому балету композитора Фарида Яруллина и балетмейстера Леонида Якобсона. В данной работе использованы источники, воспоминания авторов и труды исследователей: Г. Сагди, Я. Коблова, К. Насыри, М. Элиаде, Н. Воробьева, А. Загидуллина, Г. Хисамутдинова.

Труды вышеперечисленных авторов дают достаточное представление об одном из самых многочисленных тюркоязычных народов России, их культурном наследии и системе религиозно–мифологических воззрений, а также об иных возможных конструктах мифологического сознания, применительных к татарской культуре.

Учитывая имеющийся рост этнического самосознания, наиболее верным и возможным представляется обращение к произведениям татарских классиков прошлого тысячелетия. В фокусе настоящего исследования, цель которого — выявление характерных особенностей фольклорных образов в поэме и балете «Шурале», находятся мифологические представления поволжских татар. Уникальность и самобытность, присущие художественным методам Тукая и Яруллина, позволяют проанализировать трансформацию традиционных образов и их репрезентацию в рамках культуры XX столетия — времени нового, в некоторых отношениях авангардного языка.

Литература:

1. Сагди, Г. История татарской литературы: учеб. пособие. — Казань: Татгосиздат, 1926. — 220 с.
2. Коблов, Я., Насыри, К. Мифология казанских татар. — Казань: «Смена», 2021. — 136 с.
3. Элиаде, М. Аспекты мифа. //Пер. с фр. В. Большакова. — М.: «Инвест - ППП», СТ «ППП», 1996. — 240 с.
4. Якобсон, Л. Моя работа над «Шурале» // Письма Новерру. Воспоминания и эссе. — N-Y.: Hermitage Publishers, 2001. — С. 33–97. — 507 с.
5. Тукай, Г. Шурале. — М.: ДЕТГИЗ, 1946. — 16 с.
6. Воробьев, Н. И., Загидуллин, А. А., Хисамутдинов Г.М. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. — М.: Наука, 1967. — 538 с.

Аннотация: настоящей статьей автор поднимает важную проблему понимания репрезентации образов татарского фольклора в художественных произведениях XX века на примере поэмы Г. Тукая «Шурале» и одноименного балета Ф. Яруллина. Актуальность данность статьи обусловлена проблемой изучения художественных методов поэзии и балета с единой иконографией. Цель исследования: выявить характерные особенности фольклорных образов в произведениях Г. Тукая и Ф. Яруллина.

Ключевые слова: татарский фольклор; мифология поволжских татар; татарская поэзия, татарский балет; образ Шурале

R. I. Fakhrutdinova

Representation of the Folklore Patterns in G. Tuqay's Poem “Shurale” and F. Yarullin's Ballet of the Same Name

Annotation: in the article, the author raises the problem of representation of the Tatar folklore’s patterns in the artistic works of the 20th century using the example of G.Toqay’s poem Shurale and F. Yarullin’s ballet of the same name. The relevance of the article derives from the problem of studying the poetry and ballet’s artistic methods with the same iconography. The aim of the research is to determine typical features of the folklore patterns in the works of G.Toqay and F.Yarullin.

Keywords: Tatar folklore; Tatar mythology of the Volga Region; Tatar poetry; tatar ballet; the image of Shurale

Б. Дж. Гайипназарова

Методика преподавания в вузах: традиции и инновации в педагогическом процессе

Методика преподавания в вузах представляет собой совокупность принципов, методов и форм организации учебного процесса, направленных на эффективное освоение студентами учебного материала. Сегодня высшее образование стоит перед задачей развития образовательных стандартов, что требует пересмотра традиционных подходов и внедрения инновационных методов, способствующих более глубокому усвоению знаний и развитию самостоятельного мышления студентов. [6: 23] В статье рассматриваются традиционные и инновационные подходы к преподаванию, а также ключевые проблемы и перспективы педагогической практики в вузах.

Традиционные методы преподавания, такие как **лекции** и **семинары**, остаются основными в образовательном процессе. Лекция позволяет преподавателю передать теоретические знания студентам, но часто она ограничивает активное участие студентов. Для повышения эффективности обучения используется **семинар**, в котором студенты могут проявить свою активность, участвуя в обсуждениях и презентациях, что способствует развитию критического мышления. [5: 60] Однако важным аспектом остается соблюдение баланса между лекционной и семинарской формой обучения.

Другим традиционным методом является **проблемное обучение**, которое ориентировано на активное вовлечение студентов в процесс поиска решения учебных задач. Этот метод помогает развивать у студентов аналитические способности и умение работать с реальной информацией, что актуально для многих дисциплин, в том числе гуманитарных и естественных наук. [8: 118]

Современные подходы в методике преподавания - методы активного обучения, такие как **кейс-метод** и **метод проектов**, становятся все более популярными в вузах. Кейс-метод, разработанный в бизнес-образовании, позволяет студентам работать с реальными ситуациями и разрабатывать решения для практических задач. [4: 50] Этот метод развивает у студентов способность анализировать и систематизировать информацию, а также применять теоретические знания на практике.

Метод проектов в свою очередь помогает развивать командные навыки и инициирует студентов к самостоятельной исследовательской деятельности. Он позволяет не только углубленно изучать теоретические аспекты предмета, но и учит студентов работать в реальных условиях, решать задачи, связанные с практическим применением знаний. [7: 89]

Преподаватель в высшем учебном заведении не только передает знания, но и формирует у студентов важнейшие навыки, такие как способность к самостоятельному обучению, критическое осмысление информации и эффективная коммуникация. Это требует от преподавателя **педагогического мастерства**, которое включает в себя не только знания по предмету, но и умение адаптировать различные методы обучения под нужды студентов. [1: 45]

Педагогическое мастерство также включает умение **оценивать достижения студентов**, использовать разнообразные формы контроля и оценки. Важно, чтобы оценка была не только итоговой, но и поддерживающей, формирующей, дающей студенту возможности для развития и исправления ошибок. [3: 132]

Вместе с внедрением новых методов преподавания существуют и определенные проблемы. Одна из них — это **низкая мотивация студентов**, особенно в дисциплинах, не связанных напрямую с их будущей профессиональной деятельностью. В таких случаях преподаватель должен создавать мотивирующую атмосферу, объяснять важность изучаемого материала для будущей карьеры студентов.

Кроме того, одной из серьезных проблем является **гетерогенность группы студентов**: каждый студент обладает разным уровнем знаний, навыков и подходов к обучению. Это требует от преподавателя гибкости в использовании различных методов и форм обучения.

Будущее методики преподавания в вузах связано с **персонализированным подходом**, который позволяет учитывать индивидуальные особенности студентов. Это требует от преподавателей постоянного совершенствования своих методов, освоения новых форм взаимодействия со студентами и умения сочетать традиционные и инновационные подходы. [2: 56]

Важно также отметить, что развитие педагогического мастерства преподавателей связано с **постоянным профессиональным развитием**. Это включает в себя как обучение новым методам преподавания, так и осознание важности развития **социальных и коммуникативных навыков** студентов, а также способность к саморефлексии и осознанию эффективности своего педагогического подхода.

Методика преподавания в вузах представляет собой многогранный процесс, в котором традиционные методы переплетаются с инновационными подходами. Преподавание должно быть не только направлено на передачу знаний, но и на развитие у студентов навыков, которые будут полезны в их будущей профессиональной деятельности. Важно, чтобы преподаватели были гибкими в применении разных методов, постоянно развивали свои педагогические и личностные качества, создавая тем самым качественную образовательную среду для своих студентов.

Литературы:

1. Кузнецова, Т. А. (2020). *Оценка образовательных достижений студентов* (с. 45-56). Журнал “Педагогическое мастерство”, 7(2), 45-56.
2. Михайлова, Т. Н. (2022). *Подготовка преподавателей к современной образовательной практике* (с. 56-68). М.: Просвещение.
3. Орлова, А. П. (2022). *Мотивация студентов в образовательном процессе* (с. 132-145). Санкт-Петербург: Лань.
4. Петрова, А. С. (2022). *Кейс-метод как средство активизации учебного процесса в вузах* (с. 50-65). Журнал «Педагогика и психология образования», 10(3), 50–65.
5. Рубина, В. С. (2021). *Традиционные и инновационные методы преподавания в вузах* (с. 60-75). Санкт-Петербург: Речь.
6. Савельева, И. И. (2019). *Методика преподавания в высших учебных заведениях* (с. 23-45). Москва: Академия.
7. Смирнова, Н. И. (2021). *Проектная методика преподавания в вузах* (с. 89-101). М.: Научный мир.
8. Чеснокова, И. В. (2020). *Методы активного обучения в высшем образовании* (с. 118-132). М.: Высшая школа.

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные и инновационные подходы к преподаванию, а также ключевые проблемы и перспективы педагогической практики в вузах. Методика преподавания в вузах представляет собой совокупность принципов, методов и форм организации учебного процесса, направленных на эффективное освоение студентами учебного материала. Высшее образование требует пересмотра традиционных подходов и внедрения инновационных методов, способствующих более глубокому усвоению знаний и развитию самостоятельного мышления студентов.

Традиционные методы преподавания, такие как лекции и семинары, остаются основными в образовательном процессе. Современные подходы в методике преподавания, такие как кейс-метод и метод проектов, становятся все более популярными в вузах.

Ключевые слова: методика, преподавание, развитие, педагогическая практика, исследовательская деятельность.

B. J. Gayypnazarova

Teaching methodology in universities: traditions and innovations in the pedagogical process

Abstract. The article examines traditional and innovative approaches to teaching, as well as key problems and prospects for pedagogical practice in universities. Teaching methods in universities are a set of principles, methods and forms of organizing the educational process aimed at effective mastering of educational material by students. Higher education requires a revision of traditional approaches and the introduction of innovative methods that promote deeper acquisition of knowledge and the development of independent thinking in students. Traditional teaching methods, such as lectures and seminars, remain the main ones in the educational process. Modern approaches to teaching methods, such as the case method and the project method, are becoming increasingly popular in universities.

Keywords: methodology, teaching, development, teaching practice, research activities.

Г. А. Гундогдыева

Семантические особенности туркменских фразеологизмов с числительными и их эквиваленты в персидском языке (на примере фразеологизмов с числительным три)

G. A. Gundogdyyeva

Semantic features of Turkmen phraseological units with numerals and their equivalents in the Persian language (based on the example of phraseological units with the numeral three)

В настоящее время в Туркменистане большое внимание уделяется научной и образовательной системе страны, в том числе изучению иностранных языков. В этом направлении ведется программная работа на основе «Концепции совершенствования обучения иностранным языкам в Туркменистане», утвержденной в 2017 году. Это особенно важно при преподавании и изучении иностранных языков на высоком уровне, что является наиболее надежным средством установления дружественных отношений между различными государствами мира.

Изучение родного языка в сопоставлении с иностранными языками, выявление в них лексического и семантического сходства и особенностей является одним из важных вопросов процесса углубления знаний в области проблем языкознания. Кроме того, оно также расширяет кругозор, помогает лучше понимать и уважать культуру народа изучаемого языка.

Фразеологизмы, пословицы и поговорки являются частью каждого языка. Они передают народную мудрость от поколения к поколению. Каждое новое поколение добавляет в язык что-то новое, например, новые слова, новые выражения, которые активно используясь среди народа, превращаются в устойчивые фразеологические выражения, пословицы и поговорки. Таким образом язык продолжает своё существование, развивается и совершенствуется.

Числа играют важную роль во фразеологии туркменского и персидского языков. Нередки случаи, когда они используются в переносном, а не в количественном смысле. Фразеологизмы, содержащие числа, характеризуются многозначностью по сравнению с фразеологизмами, принадлежащими к другим группам.

В представлении разных народов некоторые числа считаются «счастливыми», «магическими». Именно поэтому их часто используют в сказках, легендах и пословицах. Некоторые учёные отмечают, что к таким числам относятся три, семь, девять, сорок, а другие – один, два, три, четыре, семь. О специфических особенностях этих чисел в туркменском языке подчеркивали в своих научных трудах такие туркменские ученые как М. Абдрахманова [1. 2. 3], О. Назаров [5], М. Пенджиев [6].

Объектом сопоставительного исследования настоящей работы являются фразеологизмы с числительным три. Число три – одно из «счастливых» и «священных» чисел у представителей туркменского и иранского народов. Оно часто встречается во фразеологизмах обоих языков, а также в пословицах, ставших устойчивыми словосочетаниями. О. Назаров в своей работе отмечает, что числительное три в составе фразеологизмов выступает то в значении «много», то в значении «мало» [5: 93]. Например, фразеологизм туркменского языка мыхманынкы уч гун, уч гунден сон гочгун (дословный перевод: “у гостя три дня, после трёх дней переезжай”) [6: 202] синонимичен фразеологизму;мехман та همانتاسه п языка се руз азиз аст(дословный перевод: “гость дорог три дня”). В обоих языках этот фразеологизм употребляется в значении «ценить уважение и почет дома, в котором гостишь» или «знать меру».

Также в ходе сопоставительного анализа были обнаружены случаи, когда в одном из фразеологизмов, используемых в качестве синонимов в исследуемых языках, использовано число три, а в другом – число два или слово двойной с тем же значением. Например, в туркменском языке есть устойчивое выражение гоша келлели (дословный перевод: “двуглавый”), которое часто употребляется в разговорной речи для обозначения человека с яйцевидной большой головой. В персидском языке его синоним سهکله (секалле; дословный перевод: “три головы”).

Эквивалент туркменского фразеологизма уч адимликде (дословный перевод: “в трёх шагах”) используется в персидском языке с употреблением числа два в виде دردوقدمی (dar do gadami; дословный перевод: “в двух шагах”). Стоит отметить, что в туркменском варианте

данного фразеологизма, как и в персидском, иногда вместо числительного три употребляется числительное два, например, ики адимликде (дословный перевод: “в двух шагах”). Данные фразеологизмы в обоих языках обозначают «очень близкое расстояние».

Туркменский фразеологизм даш гулакдан эшитмек (дословный перевод: “услышать от дальнего уха”) имеющий значение «слышать от других», «слышать краем уха» по составу отличается от его персидского
эквивалента ازشخصثالث (аз шахсе салес; дословный перевод: “от третьего лица”), но по значению он совершенно идентичен. Как видно из примеров, в составе туркменского фразеологизма нет числительного, но во фразеологизме с таким же значением на персидском языке используется числительное три.

Фразеологизм учден сон пуч (дословный перевод: “после трех
попыток – бесполезно”), используемый у туркмен в случаях, когда задание
(или игра) не удаётся после трех попыток в персидском языке используется в виде تاسهنشودبازينشود (та се нашавад бази нашавад; дословный
перевод: “пока не будет трех не будет игры”) и хотя они отличаются по
своим компонентам, но сохраняют определенное семантическое сходство.

В ходе исследования были также выявлены данные языковые
стредства, возникшие на базе с числительным три, которые используются в одном из исследуемых языков, но эквиваленты которых в другом языке до сих пор не обнаружены. Например, туркменские фразеологизмы уч гоз уч ерден (дословный перевод: “три глаза из трёх мест”), используется в
значении «направить взгляд на кого-либо», уч таган аягы болмак (дословный перевод: “быть трёхногим”), употребляется в случае, когда
человек пытаясь угодить многим людям, оказывается в неудобной3ситуации, попадает в неприятную, трудную ситуацию или же в значении «быть перегруженным различными заботами», уч йувлан есга донмек (дословный перевод: “превратиться в триждый вымытый кусок материала”), означает «побледнеть от страха или от плохих новостей», «потерять цвет лица”, узенниден уч гечмек (дословный перевод: “пройти трижды через кольцевую верёвку”) используется в значении «не иметь возможности избежать сказанного», «подлизываться».

Среди иранцев существует поверье, что «каждая двойка превращается в три», то есть после каждого зла следует добро. Фразеологизм, который передаёт это значение используется в форме
يكيكمه،دوتاغمه،سهتا
:йеки каме, до та гаме, се та хатержаме; дословный перевод (خاترجمه
“один маленький, две штуки печали, три штуки – уверенности и мира») [4:36]

В персидском языке, когда речь идёт о неоднозначных, двусмысленных словах используется фразеологизм حرفهايسهپهلو (харфхайе сепахлу; дословный перевод: “трёхсторонние буквы”). В ходе исследования было выявлено, что последний фразеологизм также используется иранцами в виде пословицы, причём в пословице цифры, как утверждается, указывают на количество детей в семье, то есть «один ребёнок – мало, два ребёнка – горе, а три ребёнка – душевный покой».

Как видно из приведенных примеров, почти во всех семантически схожих фразеологизмах двух языков присутствует один о тот же главный компонент, то есть числительное три. И даже несмотря на то, что в некоторых вышеприведенных фразеологизмах исследуемых языков происходит опущение главного компонента, то есть не используется число три, тем не менее, их можно включить в группу эквивалентов, потому что, во первых, они семантически схожи, а во вторых, главными компонентами являются числительные. Данные фразеологизмы демонстрируют богатство туркменского и персидского языков и уникальность каждого из них

Необходимо также отметить, что число три часто встречается в обычаях, традициях, фольклоре, сказках и легендах многих народов мира, в том числе туркменских и иранских. Например, во многих национальных
играх есть три условия или три попытки, у царя три сына или три дочери, у царя или его дочери три условия, свадебная церемония длится три дня и три ночи и т. д.

В данной работе представлена лишь часть эквивалентных
фразеологизмов данной группы, которые были выявлены в результате
сопоставительного анализа туркменских и персидских фразеологизмов.

Несмотря на то, что упомянутые языки относятся к разным языковым семьям, в них, тем не менее, существует немало эквивалентных фразеологизмов, чрезвычайно близких по лексико-семантическому строю.

Каждый язык хранит в себе особое видение мира. Поэтому изучение фразеологизмов родного языка в сопоставлении с фразеологизмами иностранных языков развивает мышление, обогащает кругозор, а также открывает человеку путь к новым знаниям.

Литература:

1. Абдрахманова, М. Роль числительных в семантике устойчивых сочетаний в туркменском языке // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ.наук. – 1968. – № 6. – С. 79-83.
2. Абдрахманова, М. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: дис.... канд. филол. наук: 10.661. – А., 1971. – 228 с.
3. Абдрахманова, М. К вопросу о лексических вариантах устойчивых словосочетаний в туркменском языке // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ.наук. – 1971. – № 6. – С. 59-64.
4. Ахмади М., Карампур Р., Фарсадманеш С. Специфика чисел от 1 до 10 во фразеологизмах русского и персидского языков // Молодий вчений, 2014. – №10 (13) (2). – С. 33-37.
55. Назаров, О. Фразеологизмы с числительными в русском и туркменском языках // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ.наук. – 1972. – № 5. – С. 92-95.
6. Penjiýew, M. Häzirki zaman türkmen dilinde sanlar. – Çärjew, 1962. –560 s.

М. О. Илмурадова

Семантическое сходство пословиц в туркменском и арабском языках

M. O. Ilmyradova

Semantic similarities of proverbs in the Turkmen and Arabic languages

В современную эпоху формирования человеческого общества, в роли средства коммуникации и о материальных, социальных, духовных богатствах и культурных успехах большое внимание уделяется на вопросы по развитию языка как образование и запоминающийся склад. Афористический разум каждого народа, в том числе пословицы, конструкции, обозначенные поговорками, служат не только для выражения символов, образов и примеров при общении, но и обхватывает подбор логических методов. Можно увидеть, что некоторые фразеологические и афористические словосочетания связаны с психологией и реальными жизненными условиями того или иного народа. Они, другими словами, отражают этническое состояние всего мира.

Если так взять, фонд пословиц каждого народа – это не только случайное собрание удачно высказанных словосочетаний, он ещё образует сложную и последовательную логическую систему, направленную к нормам, которые формировались за века, даже за тысячелетия. Она в концентрированном, эффективном и точном положении означает многовековой жизненный разум, социально-этнические идеалы и философские взгляды, дает неповторимый отблеск и манеру, связанные с национальными, историческими и культурными обычаями.

Еще следует отметить, что арабы означают понятие «пословица» словами «حكم» (хикемун) – «мудрости», «نوادر» (навадирун) – «редкости, диковинки, необычные истории», «فرائد» (фараидун) – «перлы, уникальные истории». Афористические, фразеологические выражения и пословицы обозначаются также терминами «قول» (кавлун) – «высказывание, цитаты», «وعز» (вагзун) – «завет, поучение, совет».

Ознаменованные языковые обороты, появление нескольких таких широких лексико-семантических выражений, обилие словосочетаний свидетельствует тому, что арабы, а также туркмены не видят разницу между фразеологическими и афористическими пословицами, выражениями и словосочетаниями.

Между разными видами пословиц и поговорок разных народов можно увидеть сходство по содержанию, а иногда даже по форме.

Лексический состав пословиц и поговорок свойственные тому или иному народу, охватывают национально-специфическую действительность. С другой стороны, в пословицах и

поговорках можно найти отражение общечеловеческих нравственных ценностей, которые могут стать основой взаимопонимания между представителями разных культур.

История формирования туркменских народных пословиц берут истоки с древних времен. Но определить, когда каждая из них образовалась по отдельности очень сложно. Но, несмотря на это пословицы, возникшие в связи известной книгой «Авеста», написанной на туркменских землях, а позже распространенные по всему свету связаны с огнепоклонничеством, зоолатрией. Некоторые ученые подчеркнули в своих работах, что эти религии существовали ещё долго до принятия ислама туркменами. Но с уверенностью можем сказать, что попавшие в «Дивани лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари, и другие туркменско-огузские писания, в эпосах «Огузнама», «Горкут ата», «Гёроглы», также на народные дестаны, на известное произведение «Кутадгу билик» («Благодатное знание») Юсуфа Хасс Хаджиб Баласагуни, на страницы сводных рукописей Несими, Навои, Физули, Юнус Эмре, Байрам хана, Андалиба, Азади, Гайиби, Махтумкули и пословицы других мастеров словесности достигшие до нас в письменной форме возникли в древние времена. Конечно, любому читателю, прочитавшему оригинальный образец, легко будет заметить, что он становился все более отточенным, украшенным, чем он был в своей первоначальной форме. На самом деле, кажется, что ни одна пословица не дошла до нас в том виде, в котором она первоначально была сформирована. Потому что мы верим, что признаки, свойственные для поэтического фольклора любого народа, такие как отточенность и украшенность не отступила от народных пословиц с самых первых дней её формирования.

А также отточенность по-своему влияет на то, чтобы сделать любое произведение более творчески ясной, более понятной и более тонкой. А украшение, в свою очередь, может оказать положительное воздействие на читателя, обеспечивая духовную поддержку и на долго остаются в памяти. Основываясь на своем происхождении и полезности, пословицы которые они выполняют, по сути раскрывают мировоззрение всех слоев населения в целом. Иными словами, в фольклоре практически невозможно найти вопрос, который не касался бы темы о жизни человека и быта, а также о природном и животном мире. Точнее сказать, пословицы – это зеркальное наследие человеческого разума, как с точки зрения Родины, так и времени, они вечно живут в сердцах людей. Основная причина этого в том, что народные пословицы являются наиболее укоренившимися представлениями о богатом жизненном опыте людей на протяжении веков, и мы вынуждены обращаться к ним, хотим мы того или нет.

Увеличение численности арабских стран служит причиной увеличения численности диалектов. По этой причине существует несколько разновидностей арабских пословиц, имеющие одно и то же значение. Хотя и пословицы различаются по тематике, но каждая из них имеет разное значение. Туркменские и арабские пословицы можно разделить по тематике на следующие виды: добро и зло, верования, благочестие, отважность, трусливость, щедрость, милосердность, гостеприимность, жадность, любовь, дружба, семья, дом, соседство, слово, язык, речь, истина, разум, невежество и др.

Ум и разум – это большое богатство. Ум украшает каждого человека. Само общение с умным человеком – это приятное дело. К умному человеку обращаются за советом, его уважают, ценят по достоинству. Глупого человека сторонятся, избегают, потому что общение с такими людьми не только может навредить, но и может навлечь опастность на человека. Такого рода пословицы используются для того чтобы показать, что человеческий разум по сравнению с другими его качествами ценится больше.

В арабском языке:

"إنَّ الجمالُ العقْلِ و آلأدَبِ" (Иннал джамалул акли вал адаби) – «Истиная красота – красота ума и воспитания» (ливанский вариант).

جَمالٌ(джамалун) – красота, миловидность

أدَبٌ(адабун) – 1. Литература; 2. Воспитание, воспитанность; вежливость, учтивость, приличие

"العَقِلْ زينةٌ و مَحْرُومَتُهُ حزِينَةٌ" (Ал акил зийнит ва махруматуху хазинатун) – «Ум украшает, а его отсутствие огорчает» (сирийский вариант).

مَحْرُومَتُهُ(махруматуху) (разг.) тж. حِرْمانٌ(хирманун) – 1. Лишение; 2. Отлучение, отрешение;

حَرَمَ, يحْرِمُ, حِرْمانٌ(хирманун, яхриму, харама) – 1. Лишать, отказывать (в ч.-л.); 2. Запрещать; 3. Отлучать, отрешать [5:161-162].

В туркменском языке:

“Akylyň bahasy bolmaz, terbiýäniň çägi” (Аклын бахасы болмаз, тербиянин чаги), “Akyl başdan çykar, altyn - daşdan” (Акыл башдан чыкар, алтын - дашдан) [3:66]. (Эквивалент на русском языке: “Умный с полуслова понимает” [2:12]).

В арабском и туркменском языке, есть такие пословицы в которых говорится что нужно совершать добрые деяния, но не делать их на вид другим, поэтому нельзя часто упоминать о совершенной доброте. Потому что хорошие поступки не делают для того чтобы хвастаться.

В арабском языке:

"اِللّيْ ما يَقُولْ آلحَقْ يْروحْ لَقْ" (Илли ма йякул алхакку йярух лак) – «Тот, кто не говорит правду, начинает много болтать» (иорданский вариант)

أَلَّذي, أَلَّتي = اِللّيْ (илли, эллези, эллети) – тот (та), кто, который

يَبْدأ = يروحْ(ярух = йябда) – он начинает

لَقَّ, يَلُقُّ, لَقٌّ(лакка, иялакка, лаккун) – трясти, трепать [5:124]

В туркменском языке:

“Ýalançy yzyndan ýetdirýänçä ýaňrar” (Яланчы ызындан йетдирйянча янграр) [3:565]. (Эквивалент на русском языке: “Врать не устать было б кому слушать” [7:163]).

С самих ранних времен развития человечества пословицы служили совершенствованию и воспитания человеческой нравственности. Пословицы по своим значениям велики и сильны, потому что они вбирают в себя многолетнюю мудрость и жизненный опыт народа, впитывают нравственные пути наших предков, объединяют глубину мысли, смысла, живости и жизненной силы. Пословицы являются ценным источником для изучения его социальных связей, истории, языка, обычаев, политических и экономических условий, борьбы и мировоззрения трудолюбивых людей за свою свободу. Потому что народные пословицы, которые непосредственно связаны с жизнью, возникают в исторических обстоятельствах. По этой структуре они отличаются от других видов словесного искусства своей национальностью, глубиной смысла, интеллектуальностью и прекрасным примером умения в нескольких словах передать широкий смысл.

Литература:

1. Gurbanguly Berdimuhamedow. Paýhas çeşmesi. – Aşgabat, 2016.
2. Gündogdyýewa G. Halk paýhasynyň genji-hazynasy. – Aşgabat: Ylym, 2021.
3. Türkmen halk nakyllary. – Aşgabat, 2005.
4. Türkmen nakyllary we atalar sözi. – Aşgabat, 1983.
5. Кухарева Е.В. Словарь арабских пословиц и поговорок. – Москва, 2008.
6. Максудов У.О. Арабские пословицы и поговорки: Возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Литературоведение. – 2012. №1. – с. 102-109
7. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля. – Москва: Русский язык медиа 2006.

Камалова Шахназ Новруз кызы

Точное место могилы профессора Александра Касимовича Казем Бека

Sh. N. Kamalova

The exact location of prof. Alexander Kasimovich Kazem Bek's grave

Точное место могилы профессора Александра Касимовича Казем Бека Александр Касимович (Мирза Мухаммед Али) Казем Бек (1802-1870) – выдающийся ученый-востоковед, основоположник и патриарх российского востоковедения XIX в., первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, крупнейший и видный тюрколог, иранист, арабист и исламовед - умер 27 ноября (9 декабря) 1870 в Санкт Петербурге. В документах указано, что Мирза Казим-бей был похоронен на Павловском кладбище. Павловское кладбище в XX веке пережило несколько разгромов. Первые перезахоронения начались в 20-30-е годы, когда старые склепы и места тех семей, которые бежали от революции, захватывали другие. В первую очередь это относилось к захоронениям лютеран. Во время Великой Отечественной войны стоявшие в Павловске испанские войска превратили кладбище в «каменоломню», где добывались «раритеты» - ценные памятники снимались и переправлялись в Испанию. После освобождения Павловска в 1944 году часть неувезенных памятников была свалена у входа на кладбище (подготовлена к

вывозу). На свои места они не вернулись, были перелицованы и попали на другие участки. Очередная компания, когда уничтожали непосещаемые захоронения была в начале 60-х годов. Сейчас сохранившиеся старые памятники можно пересчитать по пальцам.

Памятник на могиле Казем-Бека не сохранился. В нашем докладе мы предоставим информацию о местонахождении могилы Казым Бека.

В 1912-1913 годах вышло издание: Великий князь Николай Михайлович. Петербургский некрополь (Т. 1-4. - СПб., 1912). Согласно нему, на Павловском городском кладбище были похоронены рядом 11 человек, находящихся в родственных отношениях. Один из них Казем-Бек, Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович), тайный советник, русский востоковед, родился 22 июля 1802 года, скончался 27 ноября 1870 года.

Согласно книге, Казем-Бек был похоронен рядом со своей женой, Прасковьей Александровной Казем-Бек, рождённой Костливцевой, которая родилась 1 ноября 1815 года и скончалась 25 ноября 1854 года. Также рядом с ними похоронен их сын, Борис Александрович Казем-Бек, родившийся 22 февраля 1846 года и скончавшийся 19 июня 1853 года.

М. А. Козинцев

Восточный кризис 1875–1878 гг. в архивном наследии Е.М. Тимаева. Анализ «ноты Андраши» (1875)

M. A. Kozintcev

The Great Eastern Crisis of 1875–1878 as Reflected in Evgeny M. Timaev's Archival Documents: Analysis of the "Andrássy Note" (1875)

Евгений Матвеевич Тимаев (1838–1907) — русский дипломат, в течение 1860-х годов служивший в Румелийском эйалете Османской империи: секретарь консульства в Битоле, затем вице-консул в Призрене. В источниках имеются сведения о его службе вплоть до 1869 г., когда он фактически бросил дела и вернулся в Россию. Не известно практически ничего о его служебной деятельности после этого периода. Вместе с тем, изучение материалов Е. М. Тимаева, отложившихся в Архиве востоковедов ИВР РАН, позволяет отчасти пролить свет на его дальнейшую биографию. Ценным источником выступают черновые записки, содержащие конспект и анализ «ноты Андраши». Авторы ноты — австро-венгерский министр иностранных дел Дьюла Андраши-старший (1823–1890) и русский посол в Вене Е. П. Новиков (1826–1903) — стремились предложить мирный путь урегулирования назревшего в 1875 г. Восточного кризиса, а именно, умиротворения восстания в Боснии и Герцеговине. Осуществить задуманное предполагалось путем активного проведения в жизнь реформ танзимата, в частности, наведения порядка в налоговой сфере (отмены откупной системы) и запрета дискриминации христиан по религиозному признаку. Недостатки ноты, вследствие которых она не была принята, подробно изложены и проанализированы Е. М. Тимаевым в записках, датированных февралем 1876 г. В тексте нет никаких указаний на то, для кого они составлены. Вместе с тем, само наличие данных документов позволяет говорить о том, что Е. М. Тимаев, даже удалившись от дипломатической работы, не утратил интереса к ситуации на Балканах и продолжал следить за событиями, происходившими в международных отношениях.

Д. Э. Леонтьев, А. А. Максимов

Чувашская ойконимия: опыт количественного изучения

D. E. Leontyev, A. A. Maksimov

Chuvash oikonymy: an experience of quantitative study

Работа представляет собой первое количественное изучение чувашской ойконимии. Авторами рассматриваются исключительно чувашские названия чувашских же населенных пунктов республики, кодифицированные в официальных документах. Статистика чувашской ойконимии необходима для введения в научный обиход объективных показателей. Работа призвана стать основой нового качественного исследования чувашской топонимии.

В ходе работы исключались названия городов и современные наслоения, включающие такие названия, как *Волга, Егоркино, Екатериновка, Сосновка, Харитоновка,* а также советизмы типа *Калининкасси, Ленинкасси.*

Общее количество рассмотренных ойконимов — 1754. Данный показатель стремится к генеральной совокупности. Но в любом случае результаты подсчетов следует признать относительными.

Уникальных названий — 1332. Безвариантных ойконимов — 1305, двувариантных — 416, трехвариантных — 30, четырехвариантных — три.

Востребованные топоформанты: *-касси* — 393 *(Атайкасси, Йӳçкасси, Крентейкасси); -кас* — 99 *(Анаткас, Вăрманкас, Шăнкас); -анар / -енер / -нар / -нер* — 70 *(Васнар, Вĕренер, Тапанар)*, *-лăх / -лĕх* – 27 *(Хырлăх, Шăмалăх, Юмалăх), -вăш / -вĕш* — 12 *(Кушлавăш, Курнавăш).*

Топонимическая номенклатура включает в себя следующие лексические единицы: *çĕн(ĕ)* ‘новый’ — 107 раз; *ял / ялĕ / яль / ел* ‘селение’ — 82; *кив(ĕ)* ‘старый’ — 71; *пуç* ‘исток реки’ — 68; *уй / ой* ‘поле’ — 52; *вăрман* ‘лес’ — 43; *çырма / çырми* ‘овраг’ — 43; *кĕçĕн* ‘младший’ — 37; *анат / анатри* ‘нижний’ — 35; *мăн(ă)* ‘большой’ — 35; *тури* ‘верхний’ — 31; *хура* ‘черный’ — 30; *ушкăн(ĕ)* ‘группа’ — 24; *малти* ‘передний’ — 23; *аслă* ‘главный’ — 20; *пĕчĕк* ‘малый’ — 19; *хир* ‘поле’ — 17; *кайри* ‘задний’ — 16; *вар* ‘овраг’ — 14; *пӳрт* ‘дом’ — 13; *вăта(м)* ‘средний’ — 15; *хирти* ‘полевой’, *хĕрри* ‘берег’, *туçи* ‘нагорный’ по десять; *улăх* ‘луг’, *килт(ĕ)*, *çурт* ‘здание’ по восемь; *ту* ‘гора’, *кӳл(ĕ)* ‘озеро’, *çут* ‘склон’, *çӳлти* ‘верхний’ по семь; *вăрăм* ‘длинный’, *çыр* ‘берег’ по шесть; *пысăк* ‘большой’, *пасар* ‘рынок’ по четыре; *улăх* ‘луг’, *тип* ‘сухой’, *начар* ‘плохой’ по три; *сала* ‘русское село’, *пыр* ‘устье’, *лутра* ‘низкий’, *лапри* ‘низинный’, *каç* ‘мост, переход’ по два; *аялти* ‘низовой’ — один.

Популярные названия: *Çĕньял* (новое село) — 27; *Анаткас* (нижнее село) — 21; *Вăрманкас* (лесное село) — 20; *Шăхаль* (шейх Али) — 16; *Уйкас* (село в поле) — 15; *Юнтапа* — 12; *Турхан* (тархан) — 11; *Вăрманкасси* (лесное село); *Туçа, Туçи* (нагорное село), *Шуркасси, Чăрăшкасси* (еловое село), *Чурачăк* — по десять раз, *Сĕнтĕр* — девять; *Явăш* — восемь; *Ирçе, Ишек, Мăрат, Патăрьел* (село богатырей), *Тăрăн, Хыркасси* (сосновое село) — по семь раз, *Вăтакас* (серединное село), *Енĕш, Кушкă, Упакасси* (медвежье село), *Шетмĕ, Ялтăра* по шесть раз.

Представляется, что ойконимикон является уникальным слоем чувашской лексики, в современных условиях нуждающийся в защите.

Данный слой топонимов более других придает специфичность лингвистическому ландшафту Чувашской Республики.

Важным следует признать изучение чувашской ойконимии диаспорных групп.

М. М. Мамян

Эпоха Ибрахима Калына во внешней политике Турции

M. M. Mamyan

The era of Ibrahim Kalin in Turkish foreign policy

Конституционный референдум, состоявшийся в Турции 16 апреля 2017 года, предопределил и стал важным историческим стартом для дальнейшего хода развития государственности страны. [Uzun, Nisan 2018:2] Если до этого мы видели Турцию с действующей парламентской системой правления, то ей на смену пришла президентская модель, ведущую роль в которой занял президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Этот переход не только изменил структуру власти, но и сформировал такую модель управления, где личности приобрели доминирующее положение, влияние президента стало первостепенным, а соответствующие министерства уступили свое место кадровым изменениям. Стратегия Эрдогана основывалась на правильной кадровой преемственности и сочетании профессионального потенциала, поскольку выбранные им специалисты были не только лучшими в своей области, но и способны сплотиться в политическую команду и формировать внешнюю и внутреннюю политику страны. Примечательно, что правительство Эрдогана во многих отношениях оказалось сильнее, чем отдельные министерства. Эти новые действующие лица, отличавшиеся высокой профессиональной подготовленностью и политической лояльностью, стали ключевыми игроками. В то же время в турецкой политической динамике постоянную роль играли теневые фигуры и

эксперты, которые, в свою очередь, формировали эрдоганский административный режим. Их особенностью было то, что эти личности играли значительную роль при принятии внутренних решений, однако не были видны на публичной арене. Такая политика работы позволила создать систему управления, основанную как на институциональном контроле, так и на возможностях личных связей.

Одной из таких фигур является Ибрагим Калын, который, будучи специалистом по политическому исламу, профессором, постепенно превратился в одного из близких людей Эрдогана. Профессиональные знания и аналитические способности Калына позволили ему занять важные посты в турецкой системе управления, став не только формирователем внешней политики, но и одной из идеологических опор института президентства. В настоящее время, будучи главой Национальной разведывательной организации Турции (MIT), он со временем сумел благодаря сочетанию профессиональных знаний достичь того, что рассматривается как одна из интересных и закрытых фигур в сегодняшнем политическом составе Турции. А то, как обстоятельство его бытия исламоведом сформировало его политическую позицию, взгляды и действия, мы поймем в ходе этого тезиса.

Конституционный референдум 2017 года утвердил 18 поправок к Конституции Турции, коренным образом реструктурировав правительство. [Coşkun 2017:4]

Эти изменения упразднили пост премьер-министра, систему кабинета министров, требующую утверждения парламентом, и исполнительная власть перешла к президенту. Президент получил право назначать вице-президентов, министров и высокопоставленных чиновников без одобрения парламента, издавать указы, имеющие силу закона, объявлять чрезвычайное положение и осуществлять больший контроль над судебной системой. Новая система также изменила отношения между законодательной и исполнительной властью.

После установления президентской системы традиционная роль Министерства иностранных дел (МИД) стала относительно ограниченной. Ранее действовавший с определенной институциональной автономией, МИД сегодня в основном функционирует под руководством президентского дворца, выполняя более исполнительную, нежели стратегическую роль.

В условиях президентской системы принятие решений в области внешней политики стало значительно более централизованным. Президент теперь напрямую контролирует формирование внешней политики с уменьшенными институциональными ограничениями. Хотя Министерство иностранных дел продолжает служить первичным дипломатическим аппаратом, его роль сместилась больше в сторону реализации политики, а не ее формирования. Эта централизация позволила быстрее реагировать на международные события, но также вызвала озабоченность по поводу снижения роли традиционного дипломатического анализа и институциональной памяти в формировании политики. Внешнеполитические решения, которые ранее требовали широких консультаций с различными ветвями власти, теперь могут приниматься более односторонне.

Министерство иностранных дел Турции - институт с давними традициями профессионализма и преемственности - претерпело значительные изменения, адаптируясь к президентской системе. Сохраняя свой операционный опыт, министерство теперь действует скорее как исполнительный орган, а не как независимый институт, формирующий политику. Эта переориентация потребовала организационных корректировок, включая новые структуры отчетности, реорганизацию отделов и изменение дипломатических протоколов. Карьерные дипломаты, привыкшие к определенной автономии в представлении турецких интересов за рубежом, теперь действуют в более директивных рамках. [Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Tarihçesi]

Лица, занимающие посты на турецком внешнеполитическом поле, выбираются не случайно. Они имеют достаточно долгий научный и дипломатический путь, благодаря которому становятся известными не только в Турции, но и в мировой политике. Такие личности в основном занимают посты министра иностранных дел, а затем и главы национальной разведывательной организации. В последние годы такими интересными кадрами были Мевлют Чавушоглу, Хакан Фыдан, Ибрагим Калын и другие.

Одной из новых заметных фигур турецкого правительства был Ибрагим Калын, который 5 июня 2023 года был назначен главой Службы национальной разведки (MIT) и сменил Хакана Фыдана, а тот, в свою очередь, занял пост министра иностранных дел. [BBC news Türkçe:2023]

Калын является учеником отца турецкой дипломатии Ахмета Давутоглу, и не случайно также то обстоятельство, что своим учителем политической мысли он видит именно Давутоглу. Занимал ряд государственных должностей — от создания Фонда политических, экономических и общественных исследований (SETA), советника премьер-министра и президента до главы национальной разведки.

Ко всему этому 54-летний Калын успел стать автором ряда книг, которые в основном касаются политического ислама, восприятий и роли в обществе. Например, его книга «İslâm ve Batı» («Ислам и Запад»), где исламоведческие анализы стали основой политики. Он выдвигает несколько тезисов, где критикует тезис о «столкновении цивилизаций», говоря, что на самом деле проблема не в столкновении цивилизаций, а в противоречии политических интересов, которое идеологически представляется как религиозный конфликт. Калын объясняет, что Запад очень часто видит в исламе угрозу или как культуру, которой можно подчинить. Через эту книгу Калын делает несколько важных выводов: что ислам и Запад не обречены на вечную вражду, и что Турция является двусторонним мостом, связывающим исламский мир и Запад, что уже предопределяет его политическую позицию. Идеи, сформированные в этой книге, впоследствии стали основой политики Калына, а именно: представлять Турцию как цивилизационного игрока и миротворца, защищать не только государственный интерес, но и исламское достоинство, и, что интересно, говорить в международной политике не только о борьбе, но и о сосуществовании цивилизаций.

У Калына есть статьи, формирующие и раскрывающие внешнюю политику Турции, одна из которых носит название «Мягкая сила и публичная дипломатия». Власть, основанная на «ценностях», объясняет, насколько страна считается привлекательной и достойной для других, чтобы ее брали в пример. Легитимное принятие политики страны другими также определяет способность мягкой силы этой страны. Вторым важным фактором является публичная дипломатия, которая как инструмент стратегической коммуникации включает в себя «понимание, информирование и влияние на общество». Деятельность публичной дипломатии осуществляется в двух основных рамках: «от государства к обществу» и «от общества к обществу». Деятельность государства, направленная на общественность, объяснить обществу политику и деятельность государства с применением официальных инструментов и путей. Публичная дипломатия предполагает эффективное представление миру новой «Турецкой истории». Содержание этой деятельности определяет построение нового политического и социального воображения, проистекающего из демократических основ страны, ее истории и географии. Глубина внешней политики Турции находится в прямой корреляции с трансформацией, и это накопление превращается в стратегическую ценность. [Kalın,2011]

В качестве резюме следует подчеркнуть, что Калын часто отмечает, что после политической карьеры у него есть большое желание вернуться в университет в качестве ученого и продолжить преподавательскую деятельность. Однако в таких сложных геополитических условиях это желание Калына вряд ли осуществится в ближайшее время. Учитывая, что турецкие власти приняли на себя «посредническую роль» в разрешении ряда конфликтов, а также инициировали активную политику по нормализации отношений с соседними странами, служебные обязанности Калына и его профессиональный опыт, несомненно, будут иметь ключевое значение на пути реализации обозначенного Анкарой курса.

Пытаясь подвести итог этому отчету, мы приходим к следующим выводам, что:

- Внутриполитическое развитие, конституционные изменения и расширение полномочий президента напрямую повлияли на централизацию принятия внешнеполитических решений.
- Внешнеполитические стратегии в Турции формируются в результате научного анализа, доктринальной аргументации и привлечения экспертного сообщества, что свидетельствует о высоком уровне научной проработки. Научная проработанность внешней политики Турции, с одной стороны, выражается в ученых, а с другой — в сочетании теории и практического опыта, что создает устойчивую и обоснованную основу для принятия политических решений.

- Внешнеполитическая стратегия демонстрирует системную преемственность. Эта преемственность обеспечивается как идеологическим видением, так и соответствующей кадровой последовательностью.
- Наличие внешнеполитических деятелей, таких лидеров, как Давутоглу, Фыдан, Калын, свидетельствует о том, что Турция имеет цепочку кадров с государственным мышлением, которые обеспечивают сохранение институциональной памяти.

М. Л. Папазян
Символ 16 тюркских государств в политической культуре Турции
M. L. Papazyan
Symbol of 16 Turkish states in the political culture of Turkey

Государства используют символы, чтобы сделать свои правления видимыми и зримыми. Эти символы в виде гербов, флагов, подписей и протоколов показывают власть и силу правителей.

Каждый политический символ – это самобытный, неповторимый и оригинальный «конденсат» значений и смыслов. [Бабайцев 2011: 30]

Символы в руках власти становятся средством распространения идеологии. Через них политические силы представляют свои ценности (например, свободу, независимость, силу, единство) и передают их обществу.

Учитывая важность и актуальность данной темы, мы посчитали необходимым изучить президентский флаг Турции и изображенное на нем солнце, которое окружено 16 звездами.

При проведении исследования мы стремились раскрыть первоначальное значение флага и то, как он впоследствии приобрел новые значения и теперь используется властями как средство пропаганды пантюркизма.

Еще в прошлом каждое государство тюркского происхождения имело свой отдельный символ, имевщие очень большое и уникальное значение для этого государства.

На протяжении всей истории Турецкой Республики такие символы, как звезда, солнце и луна, всегда использовались на флагах и знаменах в качестве символов суверенитета. [Озтюрк 2015: 95]

После образования Турецкой Республики была предпринята попытка создания нового символа.

На начальном этапе существования Турецкой Республики кемалистская идеология постепенно трансформировалась в «гражданскую религию» («тюркизм»), в основе которой лежало поклонение «тюркской расе» — великой, древней и непобедимой. [Исаев 2019]

Однако абстрактные понятия были не очень понятны подавляющему большинству малообразованного населения.

Первое использование нынешней президентской печати относится 1922 году. Об этом говорится в описании печати в альбоме Музея Ататюрка в Аныткабире. Согласно традиции, Мустафа Кемаль использовал эту первую известную печать в своей машине во время поездки в Измир в 1922 году.

Президентская печать напоминает флаг, использовавшийся в период правления Явуза Султана Селима, с изображением Зульфикара (меча со стальным лезвием) в центре и мотивом из 16 сияющих звёзд и солнца, похожим на современный. Изначально она не имела чёткого значения, и лишь в 1960-х годах её значение стало обсуждаться.

Несмотря на отсутствие какой-либо информации, документов или доказательств относительно значения солнца и 16 звезд, изображенных на президентской печати в эпоху Ататюрка, в 1960-х годах были проведены исследования, основанные на предположениях, что звезды символизируют 16 тюркских государств, а солнце — Турецкую Республику.

Споры о количестве звёзд продолжаются до сих пор. Многие исследователи считают, что на самом деле тюркских государств было гораздо больше, чем 16, и эти споры набрали обороты, особенно в 1980-х годах.

В число этих 16 государств входят также те, где только правители или только народ имели тюркское происхождение.

Тюркские названия империй:

1. Империя Великих Гуннов (204 г. до н.э. - 216 г.н.э.)
2. Империя Западных Гуннов (48-216 гг.)
3. Европейская Империя Гуннов (375-469 гг.)
4. Эфталиты - Империя белых гуннов (420-552 гг.)
5. Тюркский Каганат (552-745 гг.)
6. Аварский Каганат (565-835.)
7. Хазарский Каганат (651-983 гг.)
8. Уйгурский Каганат (745-1368 гг.)
9. Караханидское Государство (940-1040 гг.)
10. Газневидское Государство (962-1183 гг.)
11. Великая Сельджукская Империя (1040-1157 гг.)
12. Империя Хорезмшахов (1097-1231 гг.)
13. Государство "Золотая Орда" (1236-1502 гг.)
14. Великая Империя Тимуридов (1368-1501 гг.)
15. Империя Бабуридов (Великих Моголов) (1526-1858 гг.)
16. Османская Империя (1299-1922 гг.)

Возникновение 16 тюркских государств, их перечень и форма их флагов стали обсуждаться в 1969 году после того, как типография «Аджанс-Тюрк» выпустила альбом под названием «16 тюркских государств и их флаги».

Аналогичные дебаты возобновились в 1981 году по поводу календаря, охватывающего 16 турецких государств, к столетию со дня рождения Ататюрка. [Озтюрк 2015: 94]

Однако история президентского флага восходит к более раннему времени. То, что первый аналог нынешнего президентского флага использовался ещё в 1922 году на автомобиле Ататюрка — причём в тот период Турецкая республика, которая, как утверждается, символизирует солнце, ещё не было создано, — а также то, что знамя, похожее на президентский флаг, экспонируется в Топкапы и относится к эпохе султана Явуза Селима, сводит на нет тот смысл, который стремятся приписывать звёздам на флаге. [Озтюрк 2015: 94]

В настоящее время президентская власть представлена флагом. Флаг определён в разделе «Специальные флаги» Закона о флаге Турции. [Resmi Gazete, номер 3708].Президентский флаг представляет собой изображение солнца, окружённого 16 звёздами, и расположен в левом верхнем углу флага Турции, символизируя могущество государства.Важнее тот факт, что современная Турция позиционирует себя в качестве продолжателя традиций тюркской государственности (почётный караул президента Турции, в свою очередь, состоит из 16 солдат, одетых в средневековые костюмы). и, таким образом, сама является символом «вечного» тюркского государства, вне пространства и времени. [Исаев 2019]

Сейчас этот символ активно использует президент Реджеп Тайип Эрдоган. Впервые в 2015 году, приветствуя президента Палестины, 16 солдат появились в костюмах, соответствующих средневековым воинам. После этого они стали частью церемонии приветствия. Более того, в настоящее время этот символ приобрёл гораздо более масштабное и глубокое значение, чем прежде. При Эрдогане президентский флаг стал не только символом государственной власти, но и идеологическим инструментом, активно ассоциируемым с пантюркизмом.

На встречах с Организации тюркских государств Реджеп Тайип Эрдоган выступает именно под этим символом, создавая смысл о том, что Турция — «государство-мать». Через флаг президент Турции представляет прошлое не как ряд отдельных исторических государств, а как единую тюркскую историю, вершиной которой является Турция.

Наконец, посредством флага Реджеп Тайип Эрдоган создает символическую связь своей власти не только с историческим наследием Кемаля Ататюрка, но и с более широким тюркским миром.

Это идеологическая перестройка турецкой идентичности. Она подкрепляет центральный тезис пропаганды правящей партии Справедливости и развития (ПСР): Турция — не просто национальное государство, а «держава с великой исторической миссией».

Литература

1. Бабайцев, А.В. Значения и смыслы политических символов. [Электронный документ]. 06.12.2010 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-ismysl-politicheskih-simvolov (Проверено 13.09.25)
2. Исаев, А. Символы внешней политики Турции**.** [Электронный документ]. 19.05.2019 – URL: https://interaffairs.ru/news/show/22524 (Проверено 11.09.25)
3. Ekinci, E.B. Cumhurbaşkanlığı forsundaki 16 yıldız neyi ifade ediyor? [Электронный документ]. 02.02.2015 – URL: https://www.turkiyegazetesi.com.tr/kose-yazilari/prof-dr-ekrem-bugraekinci/cumhurbaskanligi-forsundaki-16-yildiz-neyi-ifade-ediyor-584639 (Проверено 12.09.25)
4. Resmi Gazete 14.09.1937, Sayı 3708 https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/3708.pdf (Проверено 12.09.25)
5. Öztürk, E. Cumhurbaşkanliği forsu ve 16 türk devleti tartişmasi [Электронный документ]. Осень 2015 – URL: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/623877 (Проверено 14.09.25)

Г. Р. Муттасимова

Лексические соответствия в татарском и турецком переводах романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день»

G. R. Mugtasimova

Lexical correspondences in the Tatar and Turkish translations of Ch. Aitmatov's novel «And a day lasts longer than a century»

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению переводов лексических особенностей романа Ч. Айтматова "И дольше века длится день" на татарский и турецкий языки.

Несмотря на общность рассматриваемых языков, следует учитывать, что каждый из них отражает особенности национальной культуры, истории, менталитета, быта народа, мировидения, понимание которых может вызвать трудности у носителей других языков. В этом отношении актуальным представляется изучение особенностей мировосприятия различными этносами, отраженного в лексическом пласте языка.

Взаимодействие культур может протекать в самых различных сферах: образование, бизнес, спорт, межличностное общение и пр., каждая из которых обладает определенными особенностями. При этом основным средством сообщения культурных парадигм представляется перевод. Именно переведенный текст является той призмой, через которую реципиент воспринимает не только эстетические достоинства художественного произведения, но и пытается разглядеть другую культурную сферу – другую психологию поведения, особенности мышления, восприятие окружающей действительности и пр., возможно, совершенно незнакомые и не вполне понятные для него явления и феномены.

Каждый язык в той или иной степени отличается друг от друга. В результате и такие смысловые единицы, как слово и устойчивое словосочетание, в исходном и переводном языке различаются. Важное место в переводоведении занимает вопрос о межъязыковых лексических соответствиях.

История художественного перевода в тюркских языках уходит корнями в далекие века. Тюркские народы издавна интересовались историей, культурой, литературой друг друга. Так появились различные переводы.

С этой точки зрения большой интерес для теории и практики перевода представляет анализ передачи романа Чингиза Айтматова «И дольше больше века длится день» на татарский и турецкий языки.

Творчество Чингиза Айтматова представляет собой весьма интересный материал для исследований во многих аспектах.

Чингиз Айтматов – выдающийся писатель, оставивший огромное литературное наследие. Его произведения переведены на многие языки мира, изданы и по сей день продолжают издаваться большими тиражами. Произведения писателя переведены на 176 языков в 127 странах мира и изданы тиражом более 80 миллионов экземпляров.

Произведения Ч. Айтматова встречаются с родным языком матери в 1962 году. В том же году повесть писателя «Джамиля» была издана на татарском языке под названием «Җәмилә». Перевел с киргизского языка произведение крупнейший ученый-востоковед, историк-исследователь, археограф-изыскатель, источниковед-текстолог, популяризатор письменного наследия тюркских народов, талантливый писатель М.Г. Усманов. Через три года в Казани была издана более объемная книга Ч. Айтматова на татарском языке. В 1976 году был издан еще один сборник Ч. Айтматова. В 1990 году вышел роман «И дольше века длится день». Как известно, романы, повести и рассказы Ч. Айтматова получили новую жизнь в кинофильмах, на сценах многих театров мира. Есть и татарские спектакли, постановки, созданные на основе произведений писателя.

В Турции литератор получил известность благодаря роману «Тополек мой в красной косынке». Фильм с одноименным названием, снятый по произведению Ч. Айтматова относится к числу классических кинолент в Турции. При этом его произведения можно назвать одними из самых читаемых в Турции.

Далее мы рассмотрим способы передачи лексико-семантических особенностей романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день» в татарском и турецком переводах.

Одним из способов достижения полной эквивалентности между источником и переводом является транслитерация. Этот метод активно используют переводчики. Транслитерация – это перевод буквенного состава иноязычного слова на язык перевода. Этот метод во многих случаях является единственным успешным вариантом при переводе лексики. Давайте посмотрим на примеры: *Ах, **Сарала**, ах, старина, мой славный конь, неужто жизнь так прекрасна, что даже в свой последний срок любить так можно?... – Ah, **Сарала, Сарала**, иске дустым, җан шәригым, гомернең ахырында да шулай сөю мөмкин булгач, тормыш шулчаклы ук гүзәл микәнни соң?!. – Ah **Sarala**, benim koca atım, yol arkadaşım!*

Еще один метод, помогающий добиться полной эквивалентности, – калькирование. Способ калькирования позволяют перенести в переводящий язык реалию при максимально верном сохранении семантического содержания, но далеко не всегда без утраты колорита. Например: *Детеныш у **Белоголовой** – черноголовый, крошечный, с малюсенькими темными горбиками – народился всего полторы недели назад – **Акбашның** атна ярым гына элек туган ул ботые бик кечкенә, башындагы йоны кара, күзгә чак күренеп торган өркәчләре дә кара төстә иде. - **Akbaş'ın** yavrusu henüz birbuçuk hafta önce doğmuştu.*

Среди лексических трансформаций, использованных переводчиками есть такие приемы, как генерализация, конкретизация, исключение, компенсация. Хотя это случается редко, переводчики прибегают к этому методу, чтобы точно передать смысл и сделать перевод понятным для читателя.

Подводя итог, можно сказать, что переводчики стараются придать каждой лексической единице в романе эквивалент в переводе, при отсутствии эквивалента применяют методы трансформации без ущерба для смысла.

N. N. Matiyeva

Türk ve İngiliz halk edebiyatı üzerine karşılaştırmalı bir inceleme

Edebiyat, bir milletin duygu, düşünce ve hayal dünyasını şekillendiren en önemli kültürel unsurlardan biridir. Halk edebiyatı ise bu kültürel birikimin halk arasında doğmuş ve yaşatılmış temsil eder. Her milletin kendine özgü halk edebiyatı ürünleri olsa da, evrensel değerler üzerinde gelişen benzerlikler de dikkat çeker. Türk ve İngiliz halkları farklı coğrafyalarda yaşamış, farklı tarihsel süreçlerden geçmiş olsalar da, sözlü edebiyat yoluyla benzer işlevleri yerine getirmiştir.

Anonim halk edebiyatı, yazarı belli olmayan, nesilden nesle sözlü olarak aktarılan ve halkın ortak malı haline gelen edebi ürünleri kapsar. Bu ürünler sadece birer edebi değer değil, aynı zamanda toplumsal hafızanın ve kültürel mirasın taşıyıcılarıdır. Türkiye ve İngiltere gibi iki farklı coğrafyada gelişmiş olan bu edebiyat türleri, hem kendi iç dinamiklerine sahiptir hem de çeşitli yönlerden karşılaştırılabilir
benzerlikler ve farklar içerir.

Anonim halk edebiyatının en temel özelliği, eserlerin bireysel değil kolektif bir üretim süreciyle ortaya çıkmasıdır. Bu metinlerin ilk yaratıcıları zamanla unutulmuş, ancak eserler halk arasında yayılırken çeşitli biçimsel ve içeriksel değişimlere uğrayarak bugüne kadar ulaşmıştır. Sabit bir metin yapısına sahip olmayan bu ürünler, içinde bulundukları dönemin sosyal, kültürel ve ekonomik koşullarına göre sürekli olarak yeniden şekillenmiştir. [1:50]

Her iki ülkede de anonim halk edebiyatı; masallar, ninniler, destanlar, şarkılar, atasözleri gibi türleri kapsar. Bu türlerin en önemli işlevi, kültürel değerleri, gelenek ve görenekleri, toplumun ortak hafızasını yeni kuşaklara aktarmaktır.

Anonim halk şiiri türleri arasında en yaygın olanlardan biri ninnilerdir. Türk halk edebiyatında "ninni", İngiliz halk kültüründe ise "lullaby" olarak adlandırılan bu şiirler, annelerin çocuklarını uyutmak için söyledikleri melodik ezgilerdir. Hem duygusal hem de işlevsel bir yapıya sahip olan bu türler, bireyin edebi kültürle ilk karşılaştığı andır.

Türk ninnisi:

Ninni derim beşiğine
Hızır gelsin eşiğine
Melekler nurdan yapsın
Yavrum gül döşeğini [2:78]

İngiliz ninnisi (lullaby):

Hush, little baby, don’t say a word,
Papa’s gonna buy you a mockingbird.
And if that mockingbird won’t sing,
Mama’s gonna buy you a diamond ring.[4:88]

Bu örneklerde de görüldüğü üzere, her iki kültürde de anne figürü, sevgi ve güven duygusunu dile getirirken aynı zamanda çocuğa kültürel bir aidiyet aşılamaktadır.

Anonim halk edebiyatının en etkili türlerinden biri olan destanlar, toplumun geçmişte yaşadığı büyük olayları, kahramanlıkları ve değeri mitolojik ya da fantastik bir biçimde anlatır. Türk destanları arasında "Ergenekon Destanı", "Alp Er Tunga Destanı" ve "Oğuz Kaan Destanı" gibi eserler öne çıkarken; İngiliz kültüründe en bilinen epik anlatı "Beowulf" destanıdır.

Beowulf, büyük canavarlara karşı savaşan cesur bir kahramanın hikayesini anlatır. Tıpkı Türk destanlarında olduğu gibi bu eserde de doğaüstü güçler, kahramanlık, sadakat ve onur gibi değerler öne çıkar. Türk destanlarında "bozkurt", "at" ve "ışık" gibi mitolojik semboller ön plandayken, İngiliz destanlarında "ejderha", "kılıç" ve "orman" gibi figürler öne çıkar. Bu destanlar, sadece tarihi olayların aktarımı değil, aynı zamanda toplumların hayal gücünü, inanç sistemini ve dünya görüşünü de yansıtır. Her iki kültürde de destanlar, milli kimşiğin inşasında önemli bir rol üstlenmiştir.

Atasözler, toplumların uzun yıllar süren yaşam deneyimlerinden süzülen, öğüt verici, kısa ve özlü sözlerdir. Hem Türk hem de İngiliz halk edebiyatında atasözleri; ahlaki değerleri, toplumsal normları ve kültürel kodları yansıtır.

Türk atasözü: "Ayağını yorganına göre uzat."

İngilizce karşılığı: "Cut your coat according to your cloth."[3:56]

İngiliz atasözü: "Don't count your chickens before they hatch." [3:68]

Türkçe karşılığı: "Dereyi görmeden paçayı sıvama."

Bu örnekler, halk bilgilerinin evrensel olabileceğini ve farklı toplumların benzer düşünsel yapılar geliştirebildiğini göstermektedir.

Masallar her iki halkın anonim edebiyatında önemli bir yer tutar. Türk masalları "Bir varmış bir yokmuş..." gibi kalıplaşmış sözlerle başlarken; İngiliz masalları da "Once upon a time..." kalıbıyla anlatılmaya başlanır. Her iki kültürde de masallar çoğunlukla iyilerin kazandığı, kötülerin cezalandırıldığı adil ve mutlu bir sona ulaşır.

Türk masal örnekleri:

"Keloğlan", "Akıllı kız" ve "Tembel çocuk".

İngiliz masal örnekleri

"Jack and the beanstalk", "Goldilocks and the three bears" ve "The three little pigs".

Masallar, hem eğlendirici hem de eğitici bir işleve sahiptir. Toplumun değerlerini, hayal gücünü ve geleneklerini çocuklara aktarır. Ayrıca karakterler üzerinden ideal insan tipi modellenir.

Anonim halk edebiyatının en belirgin özelliği sadelik ve doğallıktır. Türk halk şiirinde hece ölçüsü, yarım uyak ve tekrarlar dikkat çekerken, İngiliz halk şiirlerinde kafiyeli ve ritmik yapı ön plandadır. Dört dizelik kıtalar, klasik İngiliz şiirinde yaygın olarak kullanılır.

Her iki halkta da sözlü edebiyat müzik eşliğinde yaşatılmıştır. Türk halk şairleri "saz" ile şiir söylerken; İngiliz halk ozanları "lyre" ya da "harp" gibi çalgılarla performanslarını sunmuştur. Bu durum halk şiirinin hem bir müzik türü hem de bir hikaye anlatım biçimi olarak işlev görmesini sağlamıştır.

Türk halk anlatılarında doğa, hayvanlar, rüyalar ve dini semboller sıkça yer alırken; İngiliz anlatılarında ormanlar, periler, cadılar ve büyülü nesneler öne çıkar. Örneğin Türk masallarında "kurt" ya da "beyaz at" gibi simgeler kullanılırken, İngiliz masallarında "magic mirror" (sihirli ayna) ve ya "enchanted forest" (biyili orman) gibi motifler vardır. Bu da anlatıların coğrafya ve inanç sistemlerine göre nasıl farklılaştığını gösterir.

Günümüzde Türk ve İngiliz anonim halk edebiyatı, modern edebiyat, sinema, televizyon, tiyatro ve müzik gibi alanlara ilham vermeye devam etmektedir. Türkiyede halk hikayeleri televizyon dizilerine ve filmlere uyarlanırken, İngilterede Shakespeare gibi yazarların eserlerinde halk efsanelerinden esinlendiği görülür. Bu da gösteriyor ki anonim halk edebiyatı, yalnızca geçmişin bir ürünü değil, aynı zamanda geleceğe yön veren bir kültürel hazinedir.

Sonuç olarak, farklı tarihsel ve kültürel koşullarda gelişmiş olsalar da, Türk ve İngiliz anonim halk edebiyatları, insanlığın ortak duygularını, ihtiyaçlarını ve hayallerini yansıtan önemli miraslardır. Bu edebi türler, yalnızca geçmişi anlamamıza değil, geleceği inşa etmemize de katkı sağlamaktadır.

Kaynakça:

1. Özdemir, N. (2010). Halk Edebiyatına Giriş. Grafikler Yayınları.
2. Dundes, A. (2007). International Folkloristics. Rowman& Littlefield.
3. Briggs, K. (1970). A Dictionary of British Folk-Tales in the English Language. Routledge.
4. Kasabalı, S. (2019). Türk halk edebiyatı ve İngiliz Folkloru Üzerine Karşılaştırmalı Bir Bakış., Uluslararası Türkoloji Araştırmaları
dergisi, 4(1), 88-102.

N. N. Matiyeva

A comparative study of Turkish and English anonymous folk literature

Abstract. This work presents a comparative study of Turkish and English anonymous folk literature, focusing on their thematic, structural, and cultural similarities and differences. Despite the geographic and historical distance between the two cultures, both share a strong tradition of oral storytelling, rich in symbolic meaning and shaped by collective memory. The study explores key genres such as lullabies, epics, proverbs, folk songs, and fairy tales, examining how these forms function in both societies to transmit cultural values, and moral lessons, and social norms across generations. This work demonstrates that anonymous folk literature serves not only as a mirror of each society's worldview but also as a bridge connecting different cultures through shared themes such as justice, bravery, and the triumph of good over evil.

Keywords: literature, genres, culture, epics, anonymous folk literature.

Н. Н. Мятиева

Сравнительное исследование турецкого и английского фольклора

Аннотация. В данной работе представлено сравнительное исследование турецкой и английской анонимной народной литературы с акцентом на их тематических, структурных и культурных сходствах и различиях. Несмотря на географическую и историческую дистанцию между двумя культурами, обе культуры разделяют сильную традицию устного повествования, богатую символическим значением и сформированную коллективной памятью. В исследовании рассматриваются ключевые жанры, такие как колыбельные, эпосы, пословицы, народные песни и

сказки, а также рассматривается, как эти формы функционируют в обоих обществах, передавая культурные ценности, моральные уроки и социальные нормы из поколения в поколение. Работа показывает, что анонимная народная литература служит не только зеркалом мировоззрения каждого общества, но и мостом, соединяющим различные культуры через общие темы, такие как справедливость, храбрость и торжество добра над злом.

Ключевые слова: литература, жанры, культура, эпосы, анонимной народной литературы.

А. Б. Наджафов

Аллегория в творчестве Сеида Азима Ширван

В статье исследуются аллегорические произведения Сеида Азима Ширвани – видного представителя азербайджанской литературы XIX века, знаменитого просветителя и сатирика. В результате исследования установлено, что большинство его аллегорических произведений вошли в учебник для детей под названием «Рабиул-этфаль». Поэтому язык аллегорических произведений автора проще, чем в других его произведениях, написанных в классическом стиле. Аллегории, большинство из которых относятся к жанру басня, написаны в более игровых формах системы стихосложения аруз, что облегчает запоминание детьми. Чтобы привлечь внимание юных читателей, в аллегориях используются яркие художественные образы и выразительные средства. В своих аллегорических произведениях поэт-просветитель призывает детей быть осторожными, не поддаваться обману, быть скромными, ценить дружбу, а также, когда появляется возможность, косвенно выражает своё отношение к проблемам своего времени. Это сделало аллегории С.А. Ширвани интересными для всех поколений.

Ключевые слова: аллегория, басня, просвещение, дидактика, детская литература

A. B. Najafov

Allegory in the work of Seyid Azim Shirvani

The article examines the allegorical works of Seyid Azim Shirvani, a prominent representative of 19th-century Azerbaijani literature, a great enlightener and satirist. As a result of the research, it is determined that most of the author's allegorical works were included in the textbook "Rabiul-atfal" written for children. Therefore, the language of the author's allegorical works is simpler than his other works written in the classical style. Most of the allegories, which are in the genre of fable, are written in more playful forms of the aruz meter to facilitate children's memorization. In order to attract the interest of young readers, colorful artistic depictions and means of expression were used in the allegories. In his allegorical works, the enlightener poet calls on children to be careful, not to be deceived, to be modest, to value friendship, and, when appropriate, implicitly expresses his attitude to the problems of his time. This has made S.A. Shirvani's allegories interesting for all generations.

Keywords: allegory, fable, enlightenment, didactics, children's literature

А. Г. Наджафова

Стихи Анны Ахматовой в переводах азербайджанских поэтов

В статье дается общий обзор истории переводов произведений Анны Андреевны Ахматовой, яркой представительницы русской поэзии Серебряного века, на азербайджанский язык. Установлено, что азербайджанские поэты обращались к творчеству А.А. Ахматовой еще при ее жизни. Хотя с момента первого перевода произведений поэтессы на азербайджанский язык прошло почти восемьдесят лет, интерес азербайджанского читателя к ее наследию не ослабевает. Поэтому в азербайджанской отечественной прессе время от времени публикуются новые варианты произведений А.А. Ахматовой. Среди поэтов, переводивших ее стихи, есть и выдающиеся азербайджанские писатели – председатель Союза писателей Азербайджана Анар, и всемирно известные авторы, такие как народный писатель Азербайджана Камал Абдулла.

Листая сборники русской поэзии, изданные на азербайджанском языке в постсоветский период, национальную прессу, особенно литературные газеты и журналы, мы видим, что

произведения А.А. Ахматовой переводили не только поэты, работавшие в столице Азербайджана – Баку, но и в регионах Азербайджана. Иногда переводы поэтов, живших в регионах, звучат более естественно и ближе к оригиналу. Интерес к наследию А.А. Ахматовой переводчики объясняют её национальными корнями (принадлежностью ее к роду татарских ханов) и невольным присутствием тюркского духа в её творчестве.

Ключевые слова: поэзия, Анна Ахматова, художественный перевод, литературные связи.

A. G. Najafova

Anna Axmatova's poems in translations of Azerbaijan poets

The article provides a general overview of the history of the translation of works by Anna Andreyevna Akhmatova, a prominent representative of Russian poetry of the Silver Age, into the Azerbaijani language. It is established that Azerbaijani poets turned to A.A. Akhmatova's works even during her lifetime. Although almost eighty years have passed since the first translation of the poet's works into Azerbaijani, the Azerbaijani reader's interest in her heritage does not diminish. Therefore, new versions of A.A. Akhmatova's works are published in the Azerbaijani native press from time to time. Among the poets who have translated her poems are prominent Azerbaijani writers – Anar, the chairman of the Azerbaijan Writers' Union, and world-famous authors such as Kamal Abdulla, the People's Writer of Azerbaijan. When we look through the anthologies of Russian poetry published in Azerbaijani in the post-Soviet period, the national press, especially literary newspapers and literary magazines, we see that not only poets active in the capital Baku, but also in the regions of Azerbaijan, translated A.A. Akhmatova's works. Sometimes the translations of poets living in the regions are more natural and sounder closer to the original. Translators explain this interest in A.A. Akhmatova's heritage with her national roots (representative of the Tatar Khan family) and the involuntary Turkish spirit living in her work.

Keywords: poetry, Anna Akhmatova, literary translation, literary relations

A. A. Непесова

Изучение словообразовательного гнезда в в современном туркменском языке на примере слово “suw”

A. A. Nepesova

Study of word-formation nest in the modern Turkmen language using the example of the word “suw”

Причина, по которой словообразование занимает в языковой картине мира доминирующую позицию, заключается в том, что оно «является надежной основой категоризации мира, выделения наиболее важных для человека категорий» [1:65]. Интересной представляется точка зрения Т.И. Вендиной, полагающей, что «словообразование открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [2:41].

В последнее время в лингвистике проявляется интерес к словообразованию. Следует отметить, что в туркменской лингвистике изучение словообразовательных гнезд - явление новое, поэтому в работах, посвященных данной тематике, в первую очередь, определена система терминов.

Сам термин «словообразовательное гнездо» в туркменском языке передается как *söz ýasalyş öýjügi*, где *söz ýasalyş* - словообразование, а *öýjük* - гнездо.

Вот некоторые другие термины: словообразовательная пара - *söz ýasalyş jübüdi*, словообразовательная цепочка – *söz ýasalyş zynjyry*, звено - *halka*, структура словообразовательного гнезда - *söz ýasalyş öýjüginiň gurluşy*, цепи слов - *söz zynjyrlary*, разветвленные словообразовательные гнезда - *şahalanan söz ýasalyş öýjükleri*, сложные

словообразовательные гнезда - *çylşyrymly söz ýasalyş öýjükleri*, простые словообразовательные гнезда - *sada söz ýasalyş öýjükleri*, словообразовательные гнезда сложной структуры - *çylşyrymly gurluşly söz ýasalyş öýjükleri*, уровень производности - *ýasaýjylyk derejesi*, структурные разновидности словообразовательных гнезд - *söz ýasalyş öýjükleriniň gurluş görnüşleri*, ядро словообразовательного гнезда - *söz ýasalyş öýjüginiň merkezi* и т. д. [3:101].

Рассмотрим особенности СГ с вершиной *suw* в туркменском языке. Известно, что в семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей человека - от витальных до социальных и культурологических. Эта информация нередко бывает выражена имплицитно и может «расшифровываться» лишь путем этимологической реконструкции слова. Однако чаще всего она представлена эксплицитно, как, например, в сложном слове, которое всегда показывает наличие связи между обозначенными явлениями, объектами действительности.

Вершина словообразовательного гнезда - *suw* - является одним из древнейших и семантически сложных архетипов. это слово не изменив своей первоначальной формы, есть не только в туркменском языке, но и в других тюркских языках, например: на азербайджанском, турецком *su*, казахском, татарском су, киргизском суу, узбекском suv.

Производные, образованные от него, включают так или иначе в себя ту систему значений, которая сформировалась за тысячелетие существования слова. В композитах проявляется цель словосложения: все, на чем останавливается взор человека, что привлекает его внимание, что входит в сферу его деятельности, получает в языке четкое выражение.

Сложное словообразовательное гнездо с вершиной «*suw»* туркменском можно назвать концептом и рассматривать его как «многомерное образование, имеющее слоистую структуру, понятийную основу, внутреннее строение, дистрибутивные свойства, валентностные связи и культурологические особенности».

Разветвленность словообразовательного гнезда с вершиной *suw*, наличие в составе данного гнезда лингвоспецифических лексем и лексем, значения которых имеют особую важность, а также сложных слов – все это подтверждает аксиологическую значимость воды в национальном сознании туркменского народа.

Литература

1. Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
2. *Борисенкова Л.М.* Словообразование немецкого языка в когнитивном рассмотрении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология. 2008. № 4(2). С. 64–66.
3. *Таганова М.А.* Изучение словообразовательных гнезд в туркменском языке. Актуальные вопросы Тюркологических Исследований Санкт-Петербург 2016.

О. И. Гулиев

Вопросы азербайджанской истории на основе материалов личного архива Наримана Нариманова

В статье рассматриваются материалы из личного архива видного государственного и культурного деятеля, занимающего важное место в истории общественно-политической мысли Азербайджана, Наримана Нариманова, хранящиеся в Институте рукописей имени Мухаммеда Физули Национальной Академии Наук Азербайджана. Установлено, что значительную часть документально-информационных ресурсов личного фонда Н. Нариманова составляют автографы автора, большинство из которых непосредственно или косвенно связано с историей Азербайджана.

Произведения из личного фонда Н. Нариманова, его публицистические статьи исторической значимости и авторские тексты выступлений наглядно демонстрируют глубокое знание автором азербайджанской истории и позволяют представить себе его роль в истории страны.

Документы из личного архива Н. Нариманова отражают не только исторический портрет краткого периода его руководства Азербайджаном, но и дают возможность проследить историю азербайджано-российских отношений, начиная с XVIII века.

Ознакомившись с документально-информационным ресурсом, включенным в Фонд № 18 Института рукописей, можно увидеть общую картину проблем, с которыми сталкивался Азербайджан в сложных историко-политических условиях начала XX века, понять причину заблуждений национально настроенной интеллигенции.

Ключевые слова: Нариман Нариманов, история Азербайджана, личный архив, документ, анализ.

O. İ. Guliyev

Azerbaijan historical issues in the materials of Nariman Narimanov's personal archive

The article reviews the materials from the personal archive of Nariman Narimanov, a prominent statesman and cultural figure who holds an important place in the history of Azerbaijani public and political thought, preserved at the Institute of Manuscripts named after Mahammad Fuzuli of the Azerbaijan National Academy of Sciences, from the perspective of studying the history of Azerbaijan. It was determined that a large part of the document-information resource preserved in N.Narimanov's personal fund consists of the author's autographs, and most of these manuscripts are directly or indirectly related to the history of Azerbaijan.

The manuscripts of N.Narimanov's historical works in his personal fund, autograph copies of his historically significant publicistic articles and speeches reveal the author's deep knowledge of Azerbaijani history and allow us to imagine the role he played in the country's history.

The documents from N.Narimanov's personal archive allow us to trace not only the historical picture of the short period of his leadership of Azerbaijan, but also the history of Azerbaijani-Russian relations starting from the 18th century. By closely familiarizing yourself with the document-information resource included in the fund No. 18 at the Institute of Manuscripts, one can see the general picture of the problems Azerbaijan faced in the complex historical and political conditions that existed at the beginning of the 20th century and understand the reason for the deception of national-spirited intellectuals.

Keywords: Nariman Narimanov, Azerbaijani history, personal archive, document, analysis

Список использованной литературы:

1. 1908-1913 гг. Канцелярия главного наместника. Специальный отдел // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 27.

2. Аббасова, О. Участие и роль Н. Нариманова в Генуэзской конференции // *История, человек и общество*, – 2022, № 2 (35), – с. 71–80.

3. Нам нужно отправиться на Кавказ? // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 9. – 16 л.

4. Ахмед, Д. Как мы перешли на латинскую графику? [Электронный ресурс] / URL: https://manera.az/index.php?newsid=1140

5. Гусейнов, Х. Нариман Нариманов: единство национального духа и политического мышления // *Философия и социально-политические науки*, – 2010, № 2, – с. 18-40.

6. Падение халифата – важный исторический факт // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 192.

7. Два плода философии // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 10. – 3 л.

8. Наместник Кавказа хотел уничтожить рукопись пьесы «Надир-шах» // Üç nöqtə, 21 сентября 2018, № 163 (4320), с. 10.

9. Ганиев, Х. Г. История Азербайджана (с древнейших времён до первых десятилетий XXI в.) учебник для вузов / Х. Г. Ганиев. — Баку: «Элм ве Техсил», 2019. – 499 с.

10. Мамедова, М.М. Описание архива Наримана Нариманова / М. М. Мамедова. – Баку: Элм ве Техсил, 2012. – 131 с.

11. Надир-шах // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 5. – 2 л.

12. Надир-шах // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 24, опись 600. – 2 тетради.

13. О прохождении цензуры пьесы «Надир-шах» // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 37. – 6 л.

14.Нариманов, Н. Избранные произведения / сост. и предисл. Т. Ахмедов. – Баку: Лидер, – 2004. – 496 с.

15. Нариманов, Н. Избранные произведения / сост. и предисл. Т. Ахмедов. – Баку: Элм, – 2020. – 493 с.

16. Письмо Насиба бека Юсифбейли // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 18. – 18 л.

17. О конференции мира // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 14, 28. – 16 л.

18. Упразднение халифата – важнейший исторический факт // Личный архивный фонд Института рукописей им. М. Физули НАНА, фонд № 18, опись 192. – 3 л.

О. А. Нурыева, Г. А. Колатова

Словосочетания в языке эпоса «Горкут ата», компоненты которых связаны согласованием

Эпос “Горкут ата” является ранним письменным памятником, вобравшим в себя языковые нормы, действовавшие издревле в языке огузских туркмен. Изучение такой наименьшей синтаксической единицы, как словосечетание, дает богатый материал в плане изучения туркменского языка раннего средневековья.

В туркменском языке согласование происходит между подлежащим и сказуемым, а также, если в изафетных конструкциях атрибутивное слово стоит в какой-то личной форме, то определяемое слово и атрибутивное согласуются в личной форме.

Словосочетания, компоненты которых синтаксически связаны путем согласования, в туркменском языкознании иными словами называются словосочетаниями принадлежности. В словосочетаниях принадлежности компоненты взаимно связаны друг с другом. Грамматическая форма первого компонента связана с грамматической формой второго компонента, и он (первый компонент) принимает форму родительного падежа по требованию главного компонента, а грамматическая форма второго – главного компонента зависима от грамматической формы первого компонента, принимая форму принадлежности.

В языке эпоса “Горкут ата” довольно-таки часто употребляются словосочетания, синтаксически связанные путем согласования. В таких конструкциях второй компонент словосочетания принимает во многих случаях личную форму III лица, а первый компонент словосочетания выражается формой родительного падежа с аффиксом и без него. Компоненты словосочетаний, синтаксически связанные путем согласования, согласуются в личной форме, а согласование их по числам не всегда соблюдается. В данных конструкциях форма первого компонента, выраженного именем существительным, и форма второго компонента, тоже выраженного именем существительным, согласуется (Aruz ogly ‘сын Аруза’).

В исследуемом нами письменном памятнике встречаются словосочетания, синтаксически связанные путем согласования, первый компонент которых выражен формой родительного падежа с аффиксом, а второй личной формой. *Gyzyň atyny* geçdi (ДГ,52). ‘Опередил коня девушки’.

В словосочетаниях, компоненты которых связаны путем согласования, выступают конструкции в которых зависимый компонент находится в форме родительного падежа без аффикса, а главный член принимает форму определенного лица. К примеру:
Şimdi *gy:zlar ýa:nyna* warmak istär (ДГ,69). ‘Сейчас захочет пойти к девушкам’.

В исследуемом письменном памятнике, имеющем словосочетания, первый компонент которых выступает в форме родительного падежа с аффиксом и без него, второй компонент, имеющий личную форму, с первым компонентом, выступающим в функции определения связывается пояснительным определением. К примеру: *Beg ba:bamyň*, *gadyn enemiň sowgaty* (ДГ,60). ‘Подарок женщины-матери моей, отца-бека’.

1. Первый компонент словосочетания, выраженное местоимением синтаксически связывающийся путем согласования, имеет пояснительное определение. В исследуемом письменном памятнике пояснительное слово, в основном, выражается указательным местоимением. К примеру: *Ol* kyrk na:merd *babaňyň ýo:ldaşlary* babaňy tutdylar (ДГ,27). ‘Эти сорок малодушных друзей отца твоего его поймали’.

2. К первому компоненту словосочетания, связующемуся путем согласования, относится пояснительное слово, выраженное числительным: *Ýedi biň kaftanynyň a:rdy* ýyrtyjytlu (ДГ,31). ‘Зад его семи тысяч кафтанов порван’.
3. Первый определительный компонент словосочетания, связующийся с главным путем согласования, выражается собственными именами или именами, обозначающими географические названия. Например: *Türküstanyň diregi* (ДГ,68). ‘Опора Туркестана’.
4. В словосочетаниях, компоненты которых связываются путем согласования, определяемый – главный член обозначает часть целого. К примеру: *Düwäniň agzyn* ýedi ýerden ba:glaň! (ДГ,106). ‘Рот верблюда привяжите в семи местах’.

Согласование компонентов словосочетания в языке эпоса “Горкут ата” аналогично согласованию компонентов словосочетаний, имеющихся в современном туркменском языке.

Условные сокращения

ДГ – Книга деда Горкута. – Ашхабад, 1995.

На примере языка письменного памятника “Горкут ата” в статье анализируется один из видов связи словосочетаний – согласование. При согласовании компонентов словосочетания зависимый первый компонент выражается формой родительного падажа с аффиксом и без него, а главное слово принимает личную форму. В таких синтаксических конструкциях к первому компоненту может быть привязано пояснительное слово. Оно, связывающееся с первым компонентом словосочетания, выражается в исследуемом письменном памятнике местоимением, числительным. Помимо этого, первый определительный компонент словосочетания, связующийся с главным путем согласования, может выражаться собственными именами, или именами, обозначающими географические названия. Также в словосочетаниях, встречающихся в языке “Горкут ата”, компоненты которых связаны путем согласования, определяемый – главный член обозначает часть целого.

Анализируя словосочетания в языке эпоса “Горкут ата”, компоненты которых связаны путем согласования, дает возможность прийти к выводу, что данный письменный источник вобрал в себя языковые нормы, действовавшие издревле в языке огузских туркмен.

Ключевые слова: эпос “Горкут ата”, вид связи – согласование

O. A. Nuriyeva, G. A. Kolatova

Word combination in the language of the epic “Gorkut ata”, the components of which are connected by coordination

Using the example of the language of the written monument “Gorkut ata”, the article analyzes one of the types of communication of word combinations – coordination. When the components of the word combination are coordinated, the dependent first component is expressed in the form of the genitive case with and without an affix, and the main word takes a personal form. In such syntactic constructions, an explanatory word can be attached to the first component. It, which is associated with the first component of the phrase, is expressed in the studied written monument by a pronoun, a numeral. In addition, the first determinative component of the word combination, which is connected with the main way of agreement, can be expressed by proper names, or names denoting geographical names. Also, in the word combinations found in the “Gorkut Ata” language, the components of which are connected by agreement, the main term defined means a part of the whole.

Analyzing the word combinations in the language of the epic “Gorkut Ata”, the components of which are connected by coordination, makes it possible to conclude that this written source incorporated the linguistic norms that have been in force since ancient times in the language of the Oguz Turkmens.

Keywords: epic “Gorkut ata”, type of communication – coordination

А. В. Образцов, А. С. Сулейманова
Новая «Дуэль» Намыка Кемаля

A. V. Obraztsov, A. S. Suleimanova
New "Duel" by Namık Kemal

Намык Кемаль опубликовал в газете «Хадика» (Сад) №21 от 11 декабря 1288 (1871-72) / 10 шевваля 1289 (1872-73) статью под заголовком «Дуэль» без авторской подписи, в которой автор, с некоторой симпатией, объясняет этот европейский обычай, как способ доказательства своей правоты и/или состоятельности.

Авторы доклада анализировали данную статью, как пример «культурного импорта». Известно, что культурный импорт часто, особенно в безусловно инокультурном пространстве, осуществляется не путем заимствования, а через рецепцию, т.е. через присвоение и приспособление данным обществом социологических и культурных форм, возникших в другой стране или в другую эпоху через адаптацию и смену контекста, что связано с приобретением новых функций и возникновением новых ассоциаций у, казалось бы, устоявшихся моделей и знаков [3: 13]. Иными словами, любой «текст» – или любая другая творческая работа – не просто пассивно воспринимаются аудиторией, а интерпретируются читателем или зрителем, исходя из его культурного уровня и жизненного опыта. В сущности, значение текста не зарождается внутри самого текста, а создаётся в рамках отношений между текстом и читателем.

В настоящем докладе авторы анализируют уже другую статью на эту же тему, поскольку Намык Кемаль повторно вернулся к теме дуэли, причем снова на страницах газеты «Хадика» в № 31 от 25 декабря 1872/ канун-и эввель 1288 / 24 шевваля 1289.

Любопытно, что «Дуэль» №2 не содержит никаких указаний на то, что это продолжение дискуссии, и не содержит никаких очевидных ссылок на предшествующую публикацию.

Общая оценка явления остается не без симпатий автора, однако, стремясь подкрепить свою точку зрения, Намык Кемаль призывает в единомышленники целую вереницу имен, а именно: Леона Дюги (1859-1928), Жана де Лабрюйера (1645-1696), Жан-Жака Руссо (1712-1778), Огюста Конта (1798-1857), Густава Блока (1848-1923), Марка Порция Катона (234 до н.э. – 149 до н.э.) либо Марка Порция Катона «Младшего» (95 до н.э. – 46 до н.э.) (неизвестно, кого именно имел ввиду Намык Кемаль), Эмиля де Жирардена (1806-1884). Следует отметить, что два имени из списка турецкого просветителя идентифицировать пока не удалось: Massander и Lostalu.

Однако общие выводы напрашиваются сами собой:

- В среде турецких просветителей доминировала интеллектуальная галломания, причем некритического свойства – равными авторитетами и значительные философы, и бульварные журналисты.
- Иные философские школы, от античной (упоминание Катона явно имеет вторичный характер) до современной английской, выпадали из актуальной повестки, если вообще были в границах интеллектуального горизонта. Равно исламская мысль оставалась вне внимания и осмысления.

Литература:

1. Namık Kemal. Düello Osmanlı Modernleşmesinin Meseleleri. Bütün Makaleleri. – C.1. – İst.: Dergah Yay., 2005. – S. 567-570.
2. Желтяков А.Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729-1908 гг.). – М.: Наука, 1972. – 318 с.
3. Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 576 с.
4. Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы. (Турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.). – М.: Наука, 1967. – 132 с.

Н. И. Пантыкина

Фразеологизмы с компонентом «радость» в турецком языке

Фразеологизмы являются неотъемлемой и органичной частью как языковой системы, так и культуры. Также их еще называют фразеологическим оборотом, речевым оборотом, под которым понимают устойчивое сочетание слов, характерное только для данного языка, значение которого не определяется значением входящих в него слов, взятых отдельно. То есть слова, входящие в состав фразеологизмов, в большей или меньшей степени теряют свое собственное лексическое значение, поэтому фразеологическая единица используется как целое, готовое словосочетание [1]. Сочетание значения входящих в него слов представляет собой лексическое значение всего фразеологизма. Исходя из этого, определение роли фразеологизмов, а также выявление закономерностей их функционирования в речи и процессов образования в языке являются главными проблемами, которые служат предметом научного исследования ученых.

По нашему мнению, фразеологизмы с разными эмоциями в языковом сознании отражает их связь с культурой и языком. Ведь они являются категориальной единицей языка, важными элементами языковой картины мира, становясь результатом ее уникальной истории и традиций. Несомненно, исследование в данной области углубляют наше понимание не только ментальных процессов, но и культурных особенностей, формирующих выражение и восприятие эмоций в различных языках и культурах. В процессе обучения языку изучение фразеологизмов становится хорошим фундаментом для развития коммуникативных навыков у студентов, повышения их культурной грамотности и общего уровня владения языком. Мы считаем, что на сегодняшний день актуальным вопросом является рассмотрение фразеологизмов с эмоциями в турецком языке, которые придают речи выразительность и эмоциональность с помощью своей образности [2]. Также они в дальнейшем помогают лучше понять национально-культурную специфику речевого поведения турецкого общества и коммуникативное поведение представителей турецкой культуры более подробно. Исходя из этого, **цель** статьи заключается в том, чтобы проанализировать фразеологизмы с компонентом «радость» в турецком языке.

Для начала следует определить понятие фразеологизма. С разных точек зрения лингвистами трактуется фразеологизм, однако, нам близка позиция В.Н. Телия, которая отмечает, что «это общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [3: 43].

В нашем исследования мы рассмотрим некоторые примеры фразеологизмов с компонентом «радость» в турецком языке, которые как можно точно отражают национально-культурные особенности турецкого общества.

Фразеологизмы, связанные с радостью и счастьем, в турецком языке воплощаются в ярких образах, подчеркивающих ощущение легкости и невесомости. Например, это мы можем наблюдать в выражениях «*ayakların yerden kesilmesi*» (оторвать ноги от земли), «*kanada kalkmak*» (подниматься к небу, парить, взлетать), «*bastığı yeri bilmemek*» – «земли под собой (под ногами) не чуять» – так говорят об очень довольном, обрадованном человеке [4].

Нами были выявлены примеры фразеологизмов в турецком языке, связанных с образами небес. В турецком языке «*başı göğe ermek*» (быть на седьмом небе от счастья) и «*göklere çıkmak*» (подниматься к небу, парить) используются для выражения крайнего счастья [4].

Стоит подчеркнуть, что в турецком языке существуют фразы, отражающие метафорические образы солнца и дня, которые служат основой для выражения различных аспектов радости, счастья и удовлетворения в жизни. Например, «*gün doğmak*» (восходит солнце) – «улыбнуться от счастья». Фразеологизм «*gün doğmak*» указывает на радостный, светлый момент, ассоциируемый с восходом солнца, который приводит к улыбке и улучшению настроения [4]. Мы понимаем, что в данном примере выражается идея наслаждения счастливыми моментами, а также испытывается большая радость и удовлетворение.

Также радость человека можно понять по физиогномике, то есть каким образом мысли и чувства отражаются на внешности. Примером может послужить выражение «*gözü gönlü açılmak*» (глаз и душа открываются) –развеселиться, повеселиться. То есть, радость возникла в ответ на

какое-то приятное событие или возникшей мысли. Фраза «*gözlerin içi gülmek*» буквально переводится как глаза смеются внутри; этот образ используется для описания глаз, которые «светятся» радостью и счастьем. Фразеологизм указывает на то, что внутренняя радость человека отражается в его глазах, которые приобретают светлый и радостный вид. «*Ağızı kulaklarında olmak*» (рот до ушей) прекрасно описывает состояние крайней радости и восторга, когда человек испытывает такое глубокое счастье, что его улыбка становится настолько широкой, что кажется, будто рот достигает ушей. «*Zembereği boşanmak*» переводится как «расхохотаться» (завод у часов кончился) – это выражение указывает на громкий и внезапный смех, ассоциируемый с остановкой механизма или завода часов. «*Ağzının tadı yerine gelmek*» дословно можно перевести как «иметь хороший вкус во рту», то есть имеет значение – снова быть счастливым, быть в хорошем настроении [4].

Фразеологические единицы, определяющие эмоцию радости в турецком языке, часто связаны с образом души и сердца. Примером может послужить фразеологизм «*cana can katmak*», который в турецком языке буквально переводится как добавить к душе душу. Это выражение используется для описания действия радовать или приносить радость кому-либо. Оно подчеркивает идею того, что что-то или кто-то, привнося в жизнь человека что-то дополнительное или особенное, увеличивает или укрепляет его душевное благополучие и состояние радости. Фразеологическое выражение «*gönlünü hoş etmek*» (радость для сердца) в турецком языке переводится как «порадовать». Фразеологизм «*gönül okşamak*» (гладить сердце) – «радовать»; используется для описания действия, которое приносит радость или утешение. «*İçi gülmek*» буквально переводится как «смеяться внутри», а метафорически означает «ликовать» или «радоваться в душе». «*Yüreği ferahlamak / serinlemek*» в турецком языке буквально переводится как «сердце охладилось» или «сердце успокоилось». Метафорически фраза означает «повеселеть», «успокоиться» или «отлегло от сердца». Фразеологическая единица «*içi içine sığmamak*» в турецком языке переводится как «не находить себе места», буквально означая «душа в душе не умещается». Это выражение используется для описания чрезвычайной радости или восторга, когда эмоции человека настолько сильны, что его сердце кажется готовым выпрыгнуть из груди [4].

Таким образом, после анализа нескольких примеров мы обнаружили, что турецкий язык богат разнообразными фразеологическими единицами, которые точно и красочно передают различные аспекты человеческих эмоций. Несомненно то, что в турецком языке также прослеживается богатство образов и метафор, используемых для передачи эмоциональных состояний. Так, фразеологизмы с компонентом «радость» включают различные значения и ассоциации, такие как: парение в воздухе, образ небес, образ солнца и дня, взгляд, блеск в глазах, образ души и сердца, тем самым доказывая многоплановость и многосторонность изучаемого явления. Поэтому мы полагаем, что данная работа станет полезной для дополнительных сравнительных исследований между различными языковыми и культурными группами, а также повысит мотивацию у студентов изучать не только язык, но и культуру выбранного ими языка.

Литература:

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
2. Пантыкина Н.И. Фразеологизмы с анималистическим компонентом в турецком языке Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. Серия «Филологические науки». № 3(119) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер. А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ, 2024. – С. 64–70.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996 – 288 с.
4. Dağpınar, A. Tıpkı ve benzer Türk-İngiliz İngiliz-Türk Atasözleri ve Deyimler / A. Dağpınar. – Ankara, 1998. – 551 s.

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию фразеологизмов с компонентом «радость» в турецком языке. Автор отмечает, что изучение такой области углубляют понимание не только ментальных процессов, но и культурных особенностей, формирующих выражение и восприятие эмоций в различных языках и культурах. В статье рассматриваются примеры турецких фразеологизмов с отражением эмоции «радость» и объясняются их значения на русский язык.

Ключевые слова: фразеологизмы, радость, эмоция, турецкий язык, национально-культурная специфика.

N. I. Pantykina

Phraseological units with the “joy” component in the Turkish language

Abstract. This work is devoted to the study of phraseological units with the component “joy” in the Turkish language. The author notes that studying this field deepens the understanding of not only mental processes, but also cultural characteristics that shape the expression and perception of emotions in various languages and cultures. In the article the examples of Turkish phraseological units reflecting the emotion “joy” and explanations of their meaning in Russian are examined.

Key words: phraseological units, joy, emotion, Turkish, national and cultural specifics.

А. М. Первушин

Генрих Фридрих фон Диц: первый прусский тюрколог, дипломат, библиофил и член суфийского братства

A. M. Pervushin

Heinrich Friedrich von Diez: the first Prussian Turkologist, diplomat, bibliophile and member of the Sufi brotherhood

Генрих Фридрих фон Диц (1751–1817) вошел в историю не только, как дипломат, подписавший османско-прусский союз 1790 г., не только как первый прусский туркофил, но и как талантливый востоковед-самоучка, коллекционер восточных рукописей. Настоящая статья представляет собой попытку познакомить отечественного читателя с некоторыми методами и гипотезами этого ученого и через призму эго-документов осветить некоторые ключевые этапы его биографии, связанные с шестилетним пребыванием во главе прусской миссии в Константинополе (1784–1790).

В русскоязычной научной литературе Г. Ф. фон Диц известен как основатель так называемого «коркудоведения» благодаря тому, что первым среди европейских тюркологов перевел часть огузского эпоса «Китаби деде Коркуд» («Басат убивает Тепегеза») и издал его со своим комментарием, проведя сравнение с «Одиссеей» Гомера. Прочие его заслуги в области востоковедения до недавнего времени незаслуженно оставались в тени.

Настоящей статьей в научный оборот вводятся отрывки из переписок прусского востоковеда со своими коллегами Х. В. фон Домом и О. Г. Тиксеном, в которых фон Диц на основе собранного в османской столице материала: обличает некоторые европейские стереотипы о турках, акцентирует значение османского языка как «ключа к тайнам» турецкого народа и рисует комплексный образ турецкой культуры. Немаловажна также дружба пруссака с шейхом ордена Мевлеви Нуманом аль-Ускюдари, которая сделала Генриха полноценным членом суфийского братства. Это подтверждают письма фон Дицу от дервишей Мевлеви и факт того, что один из них уже в конце XVIII в. вместе с отозванным прусским дипломатом прибыл в Берлин с целью получения образования.

Исследование наследия таких незаурядных ученых, как Г. Ф. фон Диц, которые не были изначально интегрированы в институциональный академический мир и начали осваивать язык и культуру во время своего пребывания на Востоке, может внести важный вклад в изучение образа Востока и истории прусского и европейского востоковедения конца XVIII – начала XIX в. Хотя сегодня имя Генриха Фридриха фон Дица мало кому известно, его след в культуре не может быть утерян. Его эмпирический, даже, грубо говоря, культурно-антропологический подход к интерпретации турецкой культуры через турецкий язык и прямое наблюдение явился своеобразным «ноу-хау» своего времени.

Е. Ю. Попова, А. С. Аврутина

Сравнение функций деепричастий в агглютинативных языках (на материале якутского и телугу языков)

Деепричастия входят в категорию вторичной репрезентации глагола и представляют собой форму глагола, обозначающую действие, воспринимаемое как обстоятельство [1: 171]. Категория деепричастия требует детального рассмотрения на материале агглютинативных (в частности, тюркских) языков, поскольку в этих языках деепричастия выделяются наиболее отчетливо и представлены более широко, чем во многих индоевропейских языках [1: 169]. Сравнение функциональных особенностей деепричастий в различных языках агглютинативного типа позволит выделить их наиболее общие черты и в дальнейшем использовать понятийно-терминологический аппарат, разработанный на материале тюркских языков, для анализа грамматики менее изученных агглютинативных языков, таких как телугу.

В данной работе рассматриваются особенности функционирования деепричастий в агглютинативных языках на примере языка телугу в сравнении с типологически схожим якутским языком. Цель данной работы – выяснить, обнаруживают ли деепричастия в языке телугу те же функциональные особенности, что и деепричастия в якутском языке. В качестве основы для сравнения взята статья Н. А. Матушкиной «К вопросу о функциональных особенностях тюркских деепричастий (на материале якутского языка)» [2: 65].

Н. А. Матушкина отмечает, что принятое в отечественной лингвистике понимание деепричастия как формы глагола, которая обозначает «второстепенное» или «добавочное» по отношению к предикату действие, не подходит для тюркских деепричастий [2: 65]. На примере якутского языка автор показывает, что с помощью деепричастий обычно передаётся последовательность действий, из которых ни одно не является второстепенным по отношению к ситуации, выраженной предикатом [2: 65].

Следовательно, деепричастиями следует считать формы глагола, представляющие действие как различные обстоятельства (места, времени, условия и др.)

Отсюда автор приходит к выводу о том, что деепричастиями следует считать и формы глагола, которые в якутском языке обычно относят к условному наклонению глагола [2: 66].

В языке телугу существуют деепричастия, которые передают последовательность действий.

Так же, как и в якутском языке, такие деепричастия не несут «второстепенного» или «добавочного» значения, а просто перечисляют действия одно за другим.

В телугу нет отдельных форм условного наклонения, но есть условные деепричастия, которые могут обозначать как реальное, так и нереальное условие [3: 186].

Далее Н. А. Матушкина пишет, что в якутском языке САФ с послелогами имеет значение обстоятельства, т. е. функционально близки к деепричастиям [2: 67].

В грамматике телугу до сих пор не выделены субстантивно-адъективные формы глагола, но причастия также могут употребляться с послелогами и иметь значение обстоятельства [3: 246]. Такая особенность функционирования, безусловно, сближает их с субстантивно-адъективными формами глагола.

Затем Н. А. Матушкина перечисляет общие функциональные особенности тюркских деепричастий [2: 67]. Из них стоит привести четыре особенности, которые присущи и деепричастиям телугу:

1) Деепричастия могут иметь отдельный субъект, не совпадающий с субъектом уточняемого действия [2: 67].

2) Деепричастные формы входят в состав аналитических образований с акционсартивными обозначениями, где деепричастие сочетается с глаголом-модификатором [2: 68].

3) Деепричастие в удвоенном виде передает образ действия: многократность, повторяемость, продолжительность, интенсивность [2: 69].

4) Деепричастия обладают широким значением, могут выражать одновременность, разновременность, имеют разные значения, определяемые по контексту [2: 70].

Эти функциональные особенности деепричастий проявляются в языке телугу следующим образом:

1) В телугу так же, как и в тюркских языках, деепричастия могут иметь субъект, не совпадающий с субъектом уточняемого действия [3: 197]. Деепричастные обороты в телугу

играют ту же роль, что и придаточные предложения в других языках, и таких примеров очень много.

2) В телугу также часто встречаются аналитические образования с деепричастиями. Деепричастие настоящего времени в сочетании с глаголом *uṇḍu* – «быть» образует длительный вид. Длительный вид с эмфатической частицей, следующей после деепричастия, имеет значение длительного способа действия.

3) В телугу деепричастия встречаются в удвоенном виде для передачи повторяющегося или длительного действия, а также дистрибутивного значения.

4) Деепричастия в телугу так же, как и в якутском, обладают широким значением и могут выражать не только своё изначальное, грамматическое значение, но и другие значения в зависимости от контекста.

В некоторых примерах изначальное значение предшествования в деепричастии прошедшего времени может быть ослаблено или отсутствовать. В таких примерах деепричастие выражает значение образа действия.

Таким образом, деепричастия в языке телугу имеют те же особенности функционирования, что и в якутском языке. Это подтверждает общность строевых особенностей агглютинативных языков вне зависимости от их родства. Данный вывод позволяет применять терминологию, принятую для описания грамматики тюркских языков, при исследовании деепричастий языка телугу, так как он также является агглютинативным и обнаруживает те же особенности.

Литература:

1. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. — 320 с.
2. Матушкина, Н. А. К вопросу о функциональных особенностях тюркских деепричастий (на материале якутского языка) // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербурского государственного университета / Сб. статей под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. — СПб.: СПбГУ, 2016. — С. 65-72.
3. Krishnamurti B., Gwynn J.P.L. The Grammar of Modern Telugu. — New Delhi: Oxford University Press, 1985. — 433 p.

Аннотация: Деепричастия в агглютинативных языках имеют более широкий спектр функционирования, чем во многих европейских языках, и требуют более детального рассмотрения на базе понятийно-терминологического аппарата, разработанного для тюркских языков. В данной работе рассматриваются особенности функционирования деепричастий в агглютинативных языках на примере языка телугу в сравнении с типологически схожим якутским языком. Цель данной работы – выяснить, обнаруживают ли деепричастия в языке телугу те же функциональные особенности, что и деепричастия в якутском языке. В качестве основы для сравнения взята статья Н. А. Матушкиной «К вопросу о функциональных особенностях тюркских деепричастий (на материале якутского языка)».

Ключевые слова: якутский, телугу, деепричастие, глагол, агглютинативные языки

E. Y. Popova, A. S. Avrutina

Comparison of the functions of adverbial participles in agglutinative languages (based on the Yakut and Telugu languages)

Abstract: Adverbial participles in agglutinative languages have a wider range of functioning than in many European languages and require more detailed consideration on the basis of the conceptual and terminological apparatus developed for Turkic languages. This paper examines the features of the functioning of adverbial participles in agglutinative languages using the example of the Telugu language in comparison with the typologically similar Yakut language. The purpose of this paper is to find out whether adverbial participles in Telugu exhibit the same functional features as adverbial participles in Yakut. The article by N. A. Matushkina “On the issue of functional features of Turkic participles (based on the Yakut language)” was taken as the basis for comparison.

Keywords: Yakut, Telugu, participle, verb, agglutinative languages

Г. Д. Рыззакова
Изучение модальных слов
G. J. Ryzzakowa
Studying modal words

Категория модальности принадлежит к числу одной из самых сложных и противоречивых проблем современной лингвистики, не получившей пока однозначной интерпретации. На протяжении многих лет изучения этой категории в отечественном и зарубежном языковедении исследователями накоплен богатый научный материал. Актуальность такого явления как модальность отчасти вызвана тем, что в каждом языке она имеет свой репертуар специфических средств выражения, присущих данному конкретному языку.

Еще полвека тому назад профессор Башкирского государственного университета Леонид Михайлович Васильев писал, что “категорией модальности и модальными словами занимались многие ученые… И все же единство мнений по этим вопросам еще не достигнуто» [1: 55]

К настоящему времени проведено много работ по анализу модальных слов, категории модальности, изучению связанных с ней актуальных вопросов и их научному обоснованию, накоплен огромный научный материал. Категория модальности – одна из самых сложных и противоречивых тем в современной лингвистике, которая до сих пор не имеет однозначного и однозначного подхода.

В русском языкознании разработкой проблем категории модальности и средств ее выражения занимались такие ученые, как А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, В.В.Виноградов, В.З.Панфилов, Г.А.Золотова, Т.М.Ломтева, О.Л.Кочеткова и другие. Они выявили и научно обосновали семантический объем категории модальности, ее языковой уровень и различные способы выражения ее коммуникативной функции. Существуют разные подходы к определению семантического объема категории модальности, ее лингвистического статуса, коммуникативной функции [9:47].

Впервые академик В. В. Виноградов выделил модальные слова в самостоятельную часть речи [2: 3]

В тюркологии интерес к проблеме модальности возник ещё в древности, и по этому вопросу существует множество работ, в которых выдвигаются различные точки зрения. Особую популярность он приобрел в середине прошлого столетия и занял прочное место в современных исследованиях А.Н.Кононов, Н.А.Баскаков, Н.К.Дмитриев, А.А.Юлдашев, Н.К.Агазаде, З.А.Будагова, Д.Г.Тумашева, М.З.Закиев, М.В.Зайнуллин, Ф.М.Хисамова, Ф.Ю.Юсупов, Ч.М.Харисова, Р.Г.Минниахметов, И.Ф.Хайруллина и др.

В тюркологии модальные слова впервые были выделены из других групп слов Н. К. Дмитриевым. [4: 131]

Модалные слова суть отдельные слова, функционально соответствующие частицам, выражающим волеизъявление говорящего или отношение к действительности, к сообщениям о каких-либо фактах, устанавливаемые самим говорящим. Модалные слова по своему происхождению связаны с различными частями речи. [6: 336]

В последние годы языковеды все чаще рассматривают модальность как функционально-семантическую категорию. Базовым понятием данной концепции является функционально-семантическое поле, что позволяет рассматривать модальные значения не как иерархически выстроенные непересекающиеся уровни, но как диффузные и прозрачные пласты, семантически, лексически и грамматически взаимодействующие на основе их языковых функций [8: 8].

Многие тюркологи так или иначе касаются данной проблемы, однако до сих пор нет единого понятия категории модальности, лингвисты трактуют ее сущность по-разному.

Только в последние годы модальные слова стали представлять как тип вспомогательных слов. [3: 363]. По своему происхождению и распространению модальные слова, как и другие вспомогательные слова, первоначально были образованы от слов, имевших самостоятельные лексические значения.

Многие модальные слова образовались от знаменательных тюркских слов путем утраты ими лексического значения. Некоторые модальные слова являются иноязычными, заимствованными из арабо-персидских языков. Некоторые модальные слова, особенно

иноязычного происхождение, являются общими для большинства тюркских языков. Например, модальные слова ***belki*** *“наверно, может быть”* употребляется с незначительными фонетическими изменениями или без изменений в туркменском, азербайджанском, турецком, узбекском и других языках. Однако в каждом из тюркских языков имеются свои модальные слова. Например, широко употребляемые в туркменском языке модальные слова ***ýeri*** “ну”, ***beri*** “ведь”, ***hawa*** “да” не встречаются в азербайджанском, турецком, татарском, казахском и других языках. Или наоборот, в туркменском литературном языке не употребляется модальные слова, имеющиеся в узбекском языке (*чунончи, нахоТ, халбуки)* [6: 337], в турецком языке (tipki, evet) [7: 351-354], в татарском языке *(бәс, ни һаяТь, янәсе, хәер)* [10: 303-304], в казахском языке (*Тәрізі, әТине*) [5: 7-8] и др.

Несмотря на это, можно отметить, что существуют спорные вопросы, связанные с модальными словами. Исходя из этих взглядов, модальные слова обоснованно рассматривать как тип вспомогательных слов. В семантическом отношении модальные слова не имеют самостоятельного лексического значения, а служат для придания дополнительного смысла значению слова или фразы или для указания отношения говорящего к выражаемой идее. В этом отношении они похожи на небольшие фрагменты, но отличаются от них по словоформе. Морфологически модальные слова не имеют собственных суффиксов, от них не образуются новые слова, и нет особых словоопределяющих суффиксов, характеризующих их. При анализе с точки зрения синтаксической функции некоторые модальные слова являются сказуемыми, но не могут быть другими членами предложения. Большинство модальных слов не являются самостоятельными членами предложения. Синтезируя в определенном отношении последние достижения лингвистической мысли, приходим к выводу: проблема изучения категории модальности органически связана с целым рядом сложных и до конца еще не исследованных проблем (язык и мышление, суждение и предложение, объективная и субъективная модальность, модальность и предикативность и др.)

Литература:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. — С. 55.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове – М.: Высшая школа, 1986. — С. 3.
3. Грамматика туркменского языка, ч 1. Фонетика и морфология // Ашхабад. 1970. 363 sah. Кекилова Дж. Модалные слова в современном туркменском языке. // Автограф. канд. дис Ашхабад, 1970.
4. Дмитриев Н.К Грамматика башкирского языка . М-Л, 1948. — С. 131.
5. Жанпеисов. В. Н. Модалные слова современном казахском языке. // Автограф.канд.дис. Алма-Ата, 1958. — С. 7-8.
6. Кононов. А.Н, Грамматика современного узбекского литературного языка. // Изв-во АН СССР” М, –Л., 1960. — С. 336-337
7. Кононов. А.Н, Грамматика современного турецкого литературного языка. М, –Л., 1956. — С. 351-354.
8. Подручная Л.Ю. Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора (функционально-семантический анализ): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Ю.Подручная. – Калининград, 2010. — С. 23.
9. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. — С. 397.
10. Хангилдин. Б.Н. ТаТар Теле граммаТикасы // Казань, 1959 — С. 303-304.

П. А. Сахаров

Политика турецких властей в отношении суфизма в начале республиканского периода

В начале республиканского периода суфизм переживал сложные времена. Мустафа Кемаль Ататюрк провозгласил светское государство, в связи с чем религиозные сообщества утратили былое влияние на общественно-политическую жизнь страны.

В частности, этому способствовали секуляризационные реформы первого президента Турецкой Республики. В 1925 году был принят закон №677, который запретил деятельность любых суфийских объединений, а также предписывал закрыть все мавзолеи и обители, структурно относящиеся к суфийским братствам [4:2-3]. Мустафа Кемаль считал, что суфизм способствует отсталости необразованного турецкого общества. Братства ушли в подполье и сохранили свое влияние в других странах, некогда провинциях Османской империи, например, в Албании (бекташи).

В 1920-е гг. суфийские братства стали удобной мишенью нападок для деятелей секуляристского движения – они считались не просто отсталыми, а политически реакционными и опасными. Несмотря на то, что многие суфийские ордены в Турции были тесно связаны с турецкой культурой и не вымещали ее какой-либо другой, они воспринимались как угроза светскому режиму Ататюрка. Секуляристы считали, что любые элементы религии должны были попасть под запрет, и даже самые либеральные в отношении к социальным и религиозным проблемам суфийские ордены, такие как бекташи, не избежали этой участи. По закону, принятому Великим национальным собранием Турецкой Республики в 1925 году было принято решение о закрытии всех текке и завие [1: 84]. Было запрещено иметь должность и выполнять функции шейхов, баба, сейитов, муршитов, деде, челеби и халифе. Распространение идей о невидимом мире также попало под запрет. Все гробницы, в которых покоились шейхи, были закрыты для поклонения. Для любого, кто осмелился нарушить этот закон, предусматривалось наказание в виде не менее трех месяцев тюрьмы и не менее пятидесяти лир штрафа. Позже был принят другой закон, гласивший о том, что все предметы в текке, в частности свечи, мечи, настенные картины, чаши для подаяний, музыкальные инструменты, должны быть переданы в Этнографический музей в Анкаре [5: 1012].

Несмотря на запреты, некоторые ордена, такие как накшбандийа и кадирийа, продолжали тайные собрания. Вскоре после принятия секуляристского закона накшбандийский шейх Саид поднял восстание в Курдистане, закончившееся подавлением и казнью его лидера. Под влиянием проводимой турецким правительством ограничивающей внутренней политики суфии стали объединяться с курдами, которых также тревожила судьба своего общества, оказавшегося без автономии в составе националистического турецкого государства. Накшбандийцы и кадириты были непокорны центральному правительству. Они сформировали сеть, которая распространилась по всей территории, где проживали курды. Турецкие власти обозначали союз суфиев и курдов как разбойников, так как они не подчинялись властям и жили по своим законам. Накшбандийа и кадирийа внесли значительный вклад в сплочение курдского населения: они обеспечили организационную структуру, которая была продиктована воспитанием единого национального самосознания всех курдов вне зависимости от рода и племени. Именно мистики-суфии побудили племена преодолеть свои внутренние распри и действовать сообща, сражаясь за национальную независимость.

Современник восстания, исламский богослов-мистик Саид Нурси, прежде был решительным противником оккупации османских земель европейскими державами, симпатизировал освободительному движению Мустафы Кемаля и был приглашен последним в Анкару в 1922 году. Вскоре он поссорился с Ататюрком из-за разницы взглядов в вопросе религии в новой Турции. После подавления восстания в 1925 году Саида Нурси отправили в ссылку в западную часть Турции на волне репрессий в отношении лиц курдского происхождения.

Это изгнание стало поворотным моментом в его жизни; он окончательно отошел от прямого участия в политике и посвятил остаток своей жизни толкованию и проповедованию Корана. Саид Нурси не выступал с открытой критикой в отношении проводимой Мустафой Кемалем религиозной политики и не пропагандировал идею исламского государства как альтернативы. Точно так же он потерял всякий интерес к курдскому национализму, хотя он не боялся называть себя «Саиди Курди» в годы, когда все курдское было запрещено. Кемалистская

пресса изображала Нурси опасным реакционером, угрозой светскому конституционному порядку в Турции, поэтому его часто вызывали в суд вплоть до конца жизни.

Саид Нурси считается основателем движения «Нур», одного из первых и самых заметных исламских возрожденческих движений в турецком Курдистане. Оно имело тесные связи с орденом Накшбандийа. В Турции это движение определяется как Нурджулук, а его последователей называют Нурджулар, что значит последователи Нура, то есть божественного света. Это название происходит от объемных трудов Саида Нурси, в совокупности известных как Рисал-е Нур (Трактат о божественном свете) [2: 267]. Благодаря написанным трудам Саид Нурси приобрел широкую известность не только в суфийских кругах, но и во многих слоях общества. Последователи Саида Нурси стали называть его великим святым и верили, что он мог появляться в разных местах одновременно и совершать чудеса. Саид Нурси считался одним из наиболее авторитетных толкователей Корана своего времени, чем привлекал народные массы.

Турецкая интеллигенция 1920-х гг. считала, что движение «Нур» несет опасность для светского республиканского режима. По этой причине зачастую документально-фактическая информация по нему несет протурецкий и антисуфийский характер. Современный турецкий исследователь Мардин Шериф отмечает следующее: «Можно ожидать, что успех религиозного лидера, подобного Саиду Нурси, вызвал бы любопытство среди тех, кто вел кампанию против него, и что они предприняли бы попытку разгадать границы хитросплетений влияния Саида Нурси. Однако такие враждебные, лживые, ненадежные и эксплуататорские описания не отвечают этой потребности» [3: 2].

Суфизм в начале республиканского периода претерпевал деструктивные изменения. В 1920-е гг. он был юридически запрещен, а многие суфии того времени были вынуждены покинуть Турцию и переселиться в другие страны. Другая часть представителей суфизма осталась в стране и начала бороться с правительством Мустафы Кемаля Ататюрка, проводившего секуляристскую политику в Турции. Как итог, суфизм проиграл борьбу и ушел в подполье, тщательно скрывая свою деятельность от официальных властей. Это привело к сокращению доли религиозного населения в стране, а также способствовало усилению светскости, особенно в крупных городах.

Литература:

1. Birge J.K. The Bektashi Order of Dervishes, 350 p.
2. Bruinessen, M. van. Agha, Shaikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan, 373 p.
3. Mardin Ş. Modern Türkiye'de Din ve Toplumsal Değişim, 399 s.
4. Official Gazette (Takvim-i Vekayi), № 243, 13. Aralık 1925
5. Resmi Gazete, No. 243. Kanunlarımız, vol. 2

Аннотация: Статья посвящена исследованию положения суфизма в начальный период существования Турецкой Республики. Провозглашение светского государства и проведение радикальных секуляризационных реформ привели к системному преследованию суфийских братств, которые воспринимались новой властью как оплот исламской оппозиции и политическая угроза светскому режиму. Суфийские движения и организации попадали под принятый в 1925 году закон №677 и были замешаны в судебных разбирательствах. Из-за запрета суфийских собраний представители орденов были вынуждены найти способы подстроиться под новые правила, сопротивляться или эмигрировать. Несмотря на официальный запрет властей, суфизм смог сохраниться на территории Турции и продолжил играть важную роль в социально-религиозной жизни части турецкого общества.

Ключевые слова: суфизм, Турция, секуляризация, закон №677, суфийские ордены.

P. A. Sakharov

The Turkish Government's Policy towards Sufism at the Beginning of the Republican Period

Abstract: The article is devoted to the study of the situation of Sufism in the initial period of the Turkish Republic. The proclamation of a secular state and the implementation of radical secularization reforms led to the systematic persecution of Sufi brotherhoods, which were perceived by the new government as a stronghold of the Islamic opposition and a political threat to the secular regime. Sufi

movements and organizations fell under Law No. 677 adopted in 1925 and were involved in legal proceedings. Due to the ban on Sufi gatherings, representatives of the orders were forced to find ways to adapt to the new rules, resist or emigrate. Despite the official ban by the authorities, Sufism was able to survive in Turkey and continued to play an important role in the socio-religious life of part of Turkish society.

Keywords: Sufism, Turkey, secularization, Law No. 677, Sufi orders.

С. Н. Ахмадова

Первый исследователь турок-ахыска, известный учёный Севиль Пириева Караман

В монографии Севиль Приевой «Турки-ахыска в Азербайджане (историческая и социально-культурная жизнь)», изданной в 2005 году издательством «Элм», рассматривается депортация в 1944 году турок-ахыска, одного из древнейших тюркских этносов, с их исторической родины – Ахыски, расположенной на территории Грузинской ССР, – в республики Казахстана и Средней Азии, ссыльная жизнь населения на этих территориях и их последующее оправдание. Это первая исследовательская работа в данной области. Учитывая, что турки-ахыска проживают в Азербайджане и по сей день, и что с момента их переселения прошло около 50 лет, в нашей исторической литературе, за исключением монографии, представленной С. Пириевой, отсутствуют научные работы, посвящённые этому этносу. Поэтому представленную работу можно считать первым шагом в этом направлении. Другим положительным аспектом работы, о которой мы говорим, является то, что депортация турок-ахыска с их исторических земель в ноябре 1944 года пришлась на 60-летний период. Этот факт сам по себе подтверждает, что представленная монография имеет как историческое, так и политическое значение. Действительно, автор работы, С. Пириева, не родилась в Ахыске. Как и тысячи представителей этой великой родины, она родилась в Казахстане в семье сосланных. Как и другие ахыска, жившие в изгнании с отцом, матерью и родственниками, ежедневно переносившие её бесчисленные страдания, автор книги также жила тоской по Родине-Ахыске. Однако, как и все ахыска, изгнанные в результате неписаных несправедливостей истории и коварной политики государств против народов, семье Пириевых не было позволено вернуться на эту землю.

Ключевые слова: турки-ахыска, учёный, писатель, Севиль, патриот

S. N. Ahmadova

Prominent scholar Sevil Karaman Piriyeva, first researcher of ahiska Turks

Sevil Priyeva's monograph "Ahiska Turks in Azerbaijan (historical, social and cultural life)" published in 2005 by "Elm" publishing house is dealt with the deportation of Ahiska Turks, the old Turkish ethnic groups from their historical homeland Ahiska located on the territory of the Georgian SSR to Kazakhstan and Central Asian republics, exile life of the population in these areas and the later acquittal of women. Considering that the Ahiska Turks lived in Azerbaijan today and it has been approximately 50 years since their settlement, there is no scientific work in our historical literature on this ethnos, apart from the monograph presented by S. Pirieva. That is why the presented work can be considered the first step in this field.

Another positive aspect of the work we mentioned is about the a period of 60 years of the exile of Ahiska Turks from their historical lands. This fact itself confirms that the presented monograph has historical and political significance. It is true, the author of the work, S. Piriyeva, did not see Ahiska and like thousands of representatives of this great country, she was born in exile in Kazakhstan. The author of the book, like other Ahisks who lived in exile with their father, mother and relatives, endured thousands of suffering every day, also lived longing for the Ahiska-Motherland. However, as a result of the unwritten laws of history and the insidious policies of the states against the people, the Piriyev family was not allowed to return to these lands.

Keywords: Ahiska Turks, scholar writer, Sevil, patriotism.

S. N. Ahmadova

Ahıska Türklerinin ilk aaraştırmacısı, bilim insanı Sevil Piriteva Karaman

İnsanlığın küresel sorunlarını, doğa ilişkilerini ve bu konulardaki endişeleri bünyesinde barındırıyor. Azerbaycan edebiyatında insan ve zaman, tarih ve kimlik, bireyin kaderi, insan sevinci ve trajedileri büyük bir hassasiyetle bilimsel ifadesini bulmaktadır.

Bu anlamda bağımsız Azerbaycan devletinin bu gününde de onurlu imzaların değerli örnekleri bulunmaktadır. Ahıskalı Sevil Piriyeva, özverili ve aktif toplumsal konumuyla filolojimizde özel bir yeri olan aydın kadınlardan biridir.

Sevil Piriyeva 1968 yılında Kazakistan'da Ahıska Türk ziyalı ailesinde dünyaya geldi. Babası Allahverdi Piriyev eğitimci, bilim insanı, Azerbaycan "Vektör" İlim Merkezinin fahri doktoru olmuş. Annesi Aspinzalı Anakız Dursunkızı Piriyeva'da eğitimli insan olmuş. Ve bu şahıslar diğer evlatlarıyla birlikte Sevil'i de kitap okumaya, kültürlü olmaya, vatanseverliğe yönelik terbiyelemişler.

Sevil hanım 1988 yılında Kazakistan'ın Türkistan şehirinde İbray Alınsarin Pedagoji Okulundan mezun olup sınıf öğretmenliği diplomasını aldı. Kendisi eğitim gördüğü lisede 1988 yılından itibaren öğretmenlik görevine başladı. 1997 yılında Bakü Slav Üniversitesi'nden mezun oldu. 1998-2006 yıllarında Azerbaycan Milli İlimler Akademisi'nde araştırmacı görevinde çalıştı. Aynı zamanda Azerbaycanın Haçmaz ilçesinde T.Bayramov lisesinde 1901-2006 yıllar aralığında hocalık yaptı. 2006 yılında "Azerbaycan'da Yaşayan Ahıska Türklerinin Sosyal Medeni Hayat Tarihi" konulu doktora tezini yaptı. Ve 34 sene lise ve üniversitelerde hocalık yaptı.

Sevil Hoca ondan fazla eser ve monografi, 50'den fazla bilimsel makale, gazete, rapor ve tezin yazarıdır. Ayrıca birçok yabancı ülkede Sevil Piriyeva Karaman'ın araştırmaları prestijli dergilerde yayınlandı. Sevil Piriyeva, Azerbaycan Yazarlar Birliği'nin yanı sıra Kazakistan, Azerbaycan ve Türkiye'deki birçok dergi ve uluslararası kuruluşun yayın kurulu üyesidir. Araştırmacı bilim insanı, bilimsel araştırmaları nedeniyle Türkiye, Kazakistan, Rusya ve Azerbaycan'ın bilim ve edebiyat kuruluşları tarafından birçok kez ödüllendirilmiştir. Sevil Piriyeva, Hoca Ahmed Yesevi'nin "Türk Tarihindeki Yeri" adlı 392 sayfalık eserini Kazakçadan Türkçe'ye çevirdi. Yazar Ahmet GÖKSAN'IN yazdığı "Bir Demet Yaşam". (Kıbrıs Türkünün Onur Mücadelesinden Yakın Dönem Kıbrıs Tarihi) eserin 6. ve 7. cildlerinin editörüdür [2, s.392].

Sevil Priyeva'nın 2005 yılında "Elm" yayınevi tarafından yayınlanan "Ahıska Türkleri Azerbaycan'da (tarihi, sosyo-kültürel yaşamı)" başlıklı monografisinde, özel çalışma gerektiren önemli bir sorunun araştırılmasına adandığını ve modern açısından uygun olduğunu söyleyebiliriz. Yazar daha sonra 1989 Fergana olaylarını, buna sebep olan nedenleri ve Ahıska halkının soykırımına ilişkin meseleleri, nüfusun Azerbaycan'a yeniden göç etmesini ve cumhuriyetin 46 ilçesinde bir yerleşim birimine yerleşmesini anlatmıştır. Monografinin ikinci bölümü "Ahıska Türklerinin Yaşam Tarzı" başlığını taşımaktadır. Burada Azerbaycan'a yerleşen Ahıska halkının yörelerde tarım, bahçecilik, pamukçuluk, hayvancılık ve diğer ekonomik alanlarda faaliyet göstermesi, bu alandaki başarıları, bölgenin gelişmesi gibi gerçekler ortaya çıkmaktadır.

Anahtar kelimeler: Ahıska Türk, bilim insanı, Sevil, Vatansever.

Kaynaklar:

1. Erşu, M. Yaratıcı Laboratuvarı (Şığarmaşılık laboratoriyası) / M.Erşu. – Nur-Sultan, – 2020. – 268s.
2. Göksan, A. Bir Demet Yaşam-VI / A.Göksan. – Motif matbaacılık, – 2020. – 392 s.
3. Piriyev, A. Türk dünyası ve Ata yurdum Ahıska / A.Piriyev., S.Piriyeva. – Bakü: Tuna, – 2003. – 298 s.
4. Piriyeva, S. Ahıska Türkleri Azerbaycan'da (tarihi, sosyo-kültürel hayat) / S.Piriyeva. – Bakü: Elm, – 2005. – 264 s.
5. Piriyeva, S. Ahıska Türkleri sürgünde / S.Piriyeva. – Bakü: ASİA FAKT, – 2003. – 30 s.
6. Piriyeva, S. Ahıska Türklerinin Ansiklopedisi / S.Piriyeva. – Şımkent: Kitap, – 2009. – 224 s.
7. Piriyeva, S. Ata yurdum Ahıska / S.Piriyeva., A.Piriyev. – Bakü: Mütercim, – 2001. – 256 s.

С. Таш

Пространственно-временная организация и судьба героя: хронотопический анализ рассказа Айфер Тунч «Случай с Азиз-беем»

Аннотация: В рассказе современной турецкой писательницы Айфер Тунч «Случай с Азиз-беем» (Aziz Bey Hadisesi) хронотоп является важнейшим структурным элементом повествования, определяющим судьбу героя и формирующим композицию и направление рассказа. На протяжении всего текста пространственные и временные элементы сгущаются и уплотняются, формируя художественные основы повествования и удерживая его в целостности. В нашей работе мы рассматриваем рассказ Айфер Тунч через призму хронотопа М. Бахтина и анализируем, как различные хронотопы формируют повествование.

Ключевые слова: Бахтин, хронотоп, встреча, дорога, Айфер Тунч.

S. Taş

Spatial-Temporal Organization and the Protagonist's Fate: A Chronotopic Analysis of Ayfer Tunc's Story The Aziz Bey Phenomenon

Abstract: In the story The Aziz Bey Phenomenon by the contemporary Turkish writer Ayfer Tunc, the chronotope functions as a crucial structural element of the narrative, determining the fate of the protagonist and shaping the composition and direction of the story. Throughout the text, spatial and temporal elements become increasingly condensed and intensified, forming the artistic foundations of the narrative and preserving its unity. In our study, we examine Ayfer Tunc's story through the lens of M. Bakhtin's concept of the chronotope and analyze how different chronotopes shape the narrative.

Keywords: Bakhtin, chronotope, encounter, road, Ayfer Tunc.

В.А. Селиванова

Кофе как часть национальной культуры турок

В современном мире кофе является одним из самых популярных напитков. Изготавливают его из плодов различных кофейных деревьев, которые растут на территории стран Латинской Америки, Африки и Азии. Это объясняет то, почему вкус кофе во всём мире такой разнообразный и уникальный. Ведь та богатая история, которой обладает данный напиток, оказала влияние на весь мир, но на культуру Турции в особенности. Именно там кофе стал не просто напитком, а особенным элементом культуры, символом гостеприимства, средством коммуникации и даже частью определённых ритуалов.

Турецкий кофе, со своим особым методом приготовления, помола и жарки зёрен, воспринимается не только, как уникальный продукт, но и как один из самых узнаваемых символов страны. Это одна их тех многочисленных вещей, которая заставляет людей из разных уголков земного шара съезжаться в одно место, знакомиться с культурной идентичностью страны и получать удовольствие от неповторимого аромата. Ценность, которую несёт в себе история турецкого кофе, настолько велика и значима, что сам напиток был признан объектом нематериального наследия ЮНЕСКО.

Издавна, ещё со времён Османской империи, кофе являлся важной и неотъемлемой частью ежедневной трапезы турок-османов. Употребление кофе в Турции на постоянной основе – это не просто способ насладиться несравнимым вкусом перемолотых кофейных зёрен, это целый «кофейный» ритуал, который несёт в себе дух истории великой империи и предков, которые проживали на её территории.

Литература

1. Базили К. М. Босфор и новые очерки Константинополя Том 1 // Санкт-Петербург. Типография Н. Греча 1836. - 312 с

2. Morris J. Coffee: a global history // Reaction Books Ltd. Unit 32, Waterside 44–48 Wharf Road London NI 7UK, UK, 2019. – 213 с.

3. Ayvazoğlu B. Turkish coffee culture // trans. Melis Şeyhun. / Ankara: Ministry of Culture and Tourism, 2011. – 160 c.
4. Орлов С.А. Турецкий язык : практикум устной речи = Dinleme, okuma, konuşma: Alıştırmalı başlangıç aşaması : учеб. пособие. Уровень A1-A2 /; отв. ред. А.В. Штанов. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России ; каф. языков стран Ближнего и Среднего Востока. — М. : МГИМО-Университет, 2014. — 170 с.
5. Birsen Yılmaz, Turkish cultural heritage: a cup of coffee [Электронный ресурс]URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352618117301841?via%3Dihub
6. Türk toplum hayatında yaşatılan kahve ve kahvehane kültürü [Электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/sa/Downloads/TÜRK_TOPLUM_HAYATINDA_YAŞATILAN

Аннотация: Доклад посвящён анализу появления кофе на просторах Османской империи и о вынужденных запретах на его распространение в определённые периоды истории**.** Также особое внимание уделяется его роли в современной жизни турок, в сохранённых традициях и обычаях.
Ключевые слова: Турецкий кофе, Османская империя, способы приготовления, традиция, кахвехане, свадебный ритуал, гадание.

V. A. Selivanova
Coffee as an element of Turkish national culture

Abstract: The report is devoted to the analysis of the emergence of coffee in the territories of the Ottoman Empire and the forced bans on its distribution during certain periods of history. Special attention is also paid to its role in the modern life of Turks, in preserved traditions and customs.
Keywords: Turkish coffee, Ottoman Empire, brewing methods, tradition, kahvehane (coffeehouse), wedding ritual, fortune-telling.

С.А. Шачнева
Тюркские версии легенд об Иосифе Прекрасном: «Юсуф и Зелиха» Шеййада Хамзы и «Кысса-и Юсуф» Кул Гали
S. A. Shachneva
Turkic versions of the legends about Joseph the Beautiful: "Yusuf and Zelikha" by Shayyad Hamza and "Kissa-i Yusuf" by Kul Gali

Легенда об Иосифе Прекрасном - один из самых почитаемых сюжетов в Священном Писании, послуживший вдохновением для многих поэтов, из-за чего довольно тяжело найти человека, который был бы незнаком с этой историей, будь то ее библейская или кораническая версия. Особенно широко легенда распространилась на Востоке, где насчитывается более семидесяти произведений различных авторов, в основе которых лежит сюжет сказания.

Кул Гали и Шеййад Хамза, взявшиеся за интерпретацию этого сюжета, создали произведения «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») и «Юсуф и Зелиха» соответственно и тем самым внесли огромный вклад в дальнейшее развитие тюркской литературы. Кул Гали стал первым, кто создал именно тюркскую версию легенды, из-за чего считается основоположником булгарско-татарской письменной литературы. При описании сюжетных поворотов, отношений между героями, внешности персонажей, Кул Гали и Шеййад Хамза оперируют различными литературными клише, эпитетами, традиционными метафорами и другими средствами художественной выразительности.

Несмотря на религиозность текстов и их каноническую основу, особое место уделяется фольклорным элементам, которые проявляются в описании природных явлений, т.н. сказочных формул. Интересными также представляются появление первых контуров характеров у эпических героев архаической легенды и возможность наблюдать за их развитием в течение всего повествования.

Произведения Шеййада Хамзы и Кул Гали, созданные на основе ветхозаветной легенды об Иосифе Прекрасном, представляют интерес не только как варианты литературных интерпретаций

сюжета, но и как самодостаточные произведения, в которые авторам удалось включить, несмотря на эстетику тождества, присущую средневековой литературе, собственные трактовки легенды.

Список источников и литературы

1. Юсуф и Зелиха. Шеййад Хамза. / Введ., пер. с тур. и примеч. Н. А. Аникеевой. – М. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – 157 с.
2. Лексико-семантические и стилистические особенности поэмы XIII в. «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, Кузьмина Х. Х. // Автореферат диссертации. Казанский государственный университет, Казань, 1998. – 20 с.
3. «Кысса-и Йусуф» Али и «Йусуф и Зулейха» - Филология и история тюркских народов Шаййада Хамзы (Тезисы докладов), Тагирджанов А. Т. // Ленинград, 1967. – 218 с.
4. Поэма «Кысса-и Йусуф Кул ‘Али, Н. Ш. Хисамов // Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, Казанский филиал, Издательство «Наука», Москва, 1979. – 241 с.

Л.А. Шамина

Тувинский синтаксис в текстах на латинской графике как источник исторической памяти народа и культурного наследия Тувы

L. A. Shamina

Tuvan syntax in Latin script texts as a source of historical memory of the people and cultural heritage of Tuva

Несмотря на многочисленность публикаций, касающихся вопросов грамматикализации различных лексических, грамматических и синтаксических элементов в тюркологии, практически отсутствуют исследования по этой проблеме в тувиноведении. Хотя вопросы синтаксиса сложного предложения в тувинском языке получили разрешение в ряде работ исследователей-тувиноведов, специальных же исследований структуры, семантики и их функционирования, создание классификационных схем для простого предложения в тувиноведении пока недостаточно. Не получили пока должного освещения синтаксические структуры, представленные в ранних тувинских текстах на латинской графике.

Мы в докладе рассматриваем вопросы синтаксиса бипредикативных конструкций (БПК) тувинского языка, решая общую задачу исследования полифункциональных и функциональных форм глагола как основы типологии тюркского синтаксиса.

В центре нашего внимания будут структуры, выявленные нами в текстах на латинской графике.

Л.О. Шеметова

К истории суфизма в Турции: Орден Мевлеви”

L. O. Shemetova

On the History of Sufism in Turkey: The Mevlevi Order

Исследовательская задача: Всестороннее исследование исторического пути, духовных практик, культурного и политического влияния ордена Мевлеви от момента его основания до современности.

Суфийские ордены (тарикаты) сыграли огромную роль в духовной, социальной и политической жизни мусульманского мира. Среди них особое место занимает орден Мевлеви, также известный как "орден вращающихся дервишей". Ни один мистик ислама так хорошо не известен на Западе, как Джеляледдин Руми, называемый его последователями Маулана, «Наш господин» (в турецком произношении Мевляна), или Маулави. Вдохновленный им орден Мевлеви, известный на Западе как орден Вращающихся дервишей, рано привлек к себе внимание европейцев, посещавших Османскую империю.

Историческое развитие ордена демонстрирует его удивительную способность адаптироваться к меняющимся условиям. Сформировавшись в эпоху монгольских завоеваний, когда Конья стала убежищем для тюркских племен и мусульманских ученых, орден изначально

сочетал несколько культурных традиций. Фигура самого Руми, прошедшего путь от богослова, получившего традиционное религиозное образование до мистика под влиянием Шамсаддина Тебризи, стала символическим отражением этой трансформации. "Маснави" выполнило роль проводника мистического течения ислама, а ритуалы у гробницы основателя заложили основы дальнейшего широкого распространения ордена.

Ф.Ш. Сибагатов

Восточные поэтические традиции в творчестве Ш. Бабича

Шайхзада Мухаметзакирович Бабич (1895–1919) – поэт, классик башкирской литературы. Он оставил богатое и содержательное поэтическое наследие: его эпиграммы, пародии, стихотворные сатиры, оды, элегии, песни и стихотворные обращения и послания, басни, баллады и поэмы оказали огромное влияние на духовную культуру народа. Профессор Ю.В. Псянчин свое время отметил, что известный ученый-тюрколог, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Дмитриев вел в Московском государственном университете спецкурс по творчеству поэта, а другой востоковед, доктор филологических наук Галина Благова называла его величайшим поэтом тюркского мира начала XX века [2].

Шайхзада Бабич пришел в литературу, вдохновленный идеями просветительства. Стихотворение «Халҡым өсөн» (1914; «Для народа»), выразило его программные устремления. При жизни поэта был издан всего лишь один его сборник стихов в Оренбурге под названием «Йәш Башҡортостан. Зәңгәр йырҙар» (1918; «Синие песни. Молодой Башкортостан»).

Баллада «Ҡандала» (1916; «Клоп»), поэма «Газазил» (1916), цикл эпиграмм «Китабеннас» стали заметным явлением во всей тюркоязычной литературе. Поэт высоко поднял культуру и технику стиха, успешно использовал в своем творчестве традиции башкирских народных песен и кубаиров, также часто обращается к коранические и послекоранические легендам, произведениям классиков восточной литературы. Творчески переработанные, они получали новую смысловую нагрузку.

В поэме «Газазил» ощущается влияние послекоранических преданий. Эту мысль подкрепляет тот факт, что здесь главного героя произведения зовут Газазил, а не Иблис.

В поэме заметно хорошее знание автором суфизма и суфийской литературы, «Шахнаме» Фирдоуси.

По мнению автора, первый на земле грех начинается не от плодов запрещенного плода, как в Коране, а от волосинок бороды и усов Иблиса. Он соблазнил людей рассказом об их божественном происхождении [1: 132]. По представлению суфиев, нафс рождается именно внутри человека, в его душе.

Волосинки Иблиса, попав внутрь людей, начинают влиять на их психику. Они начинают терять головы, забывают нормы этикета, их охватывает общий психоз: «Черствеет сердце в людях и звереет. / А колосок все зреет, зреет, зреет! [1: 133]

В поэме есть ряд моментов, которые могут быть не понятны современному человеку. Например, Иблис умеет виртуозно играть на скрипке. Благодаря этому таланту он смог привлечь вначале внимание людей к себе, а затем – загипнотизировать. В суре «аль-Исра» читаем, что сказал Аллах Иблису перед изгнанием: «Соблазняй из них кого можешь своим голосом» [Коран, 17: 64]. В «Тафсир аль-Багави» указывается, что в данном случае, возможно, имелось в виду песни и музыкальные инструменты.

Как известно, ислам запрещает мусульманам играть на музыкальных инструментах. Только суфии в своей практике активно использовали их. Таким образом, отчасти игра Иблиса на скрипке воспринимается как выступление против норм ислама, своего рода демарш. Мы также больше склоняемся к этой версии.

Интересна авторская трактовка распространения первогреха. По мнению автора, начинается не от плодов запрещенного растения, как повествуется в коранических и послекоранических легендах, а от волосинок бороды и усов Иблиса. Он сумел соблазнить людей с рассказом об их божественном происхождении.

Услышав эти слова, каждый человек стремится съесть «волосок один» Иблиса, который, попав вовнутрь, начинает влиять на психику людей:

Войдя в нутро людей, те волоски
Вдруг стали вызревать как колоски.
А там и зерна выбились из них
И дьявольские семена зачали.
Смутили разом каждого в начале,
Ну затем взялись за них самих.
Черствеет сердце в людях и звереет.
А колосок все зреет, зреет, зреет!..
И вот в людях первый урожай:
Про честь они забыли и про совесть [1: 133].

Возможно, здесь мы видим авторскую трактовку отголоска суфийских представлений о том, что духовная сила святого (барака) может передаваться через гранат, сконцентрировавшись в одном-единственном зернышке, которое нельзя упустить. Ш.Бабич, скорее всего, используя данную суфийскую трактовку, просто поменял образ граната, который был незнаком и непонятен для башкир и татар, волоском бороды. Кроме того, мы наблюдаем схожесть образов: целое и часть (гранат – зернышко, борода – волосок). Самое главное, суфии полагали, что гранат нужно съесть обязательно целиком [9: 108].

Нашу гипотезу в некоторой степени подтверждает и тот факт, что эти образы (гранат – зернышко, борода – волосок), как например, в турецких сказках образ граната, используют в отрицательном аспекте, как один из средств испытания человека [8: 58].

В сюжетной линии, связанной с мотивом «живой воды» («абе-л хайат»), заметны отголоски влияния персидской культуры. Н.К. Дмитриев также свое время указал на наличие иранского субстрата в башкирской культуре [4]. Этот редкий сюжет в башкирской литературе, в основном встречается в народном творчестве. Самый ранний эпизод, связанный с сюжетом живой воды, отражен в башкирском эпосе «Урал-батыр».

Поэма охватывает большой промежуток времени – с мифических времен до наших дней. Коранический сюжет гармонично переплетается с авторской фантазией и элементами народного творчества. В конце поэмы лирический герой получает телеграмму:

Остолбенел я, получив со свистом
По ветру телеграмму от Иблиса:
«На Каф-тау завтра юбилей,
Приезжай как представитель от людей;
Я послал тебе гифрита – оседлай,
Обязательно на праздник приезжай!» [2, с. 142]. Этот мотив также связан с суфийской символикой и философией. По мнению Сухраварди, подъем на гору Каф «символизирует внутреннее путешествие к центру своего бытия», То есть, в конце поэмы герой хочет уяснить свой суть. Здесь мы можем привести параллель с башкирскими народными сказками, которые дополняют приведенные нами утверждения. Говорится также, что живая вода находится за горой Каф.

«На Кафе находятся волшебные страны, созданные из драгоценных материалов и населенные джинами, пери, дивами; здесь же обитают ангелы, неустанно славящие Творца, а на вершине Кафа обитает Симург (или Анка) – символ Всевышнего в персидских суфийских аллегориях» [2: 191]. Например, в произведении Ф. Аттара (1148-1220) «Мантик ат-тайр» («Беседе птиц») птицы в поисках правды летят за горы Каф к царю Симургус целью познания истины. Только непоколебимые из них, тридцать птиц, которые символизировали подлинных подвижников суфизма, несмотря ни на какие препятствия, познав самих себя, увидели бога – Симурга.

Исходя из сказанного, можно предположить, что гора Каф в мифологическом плане в некоторой степени символизирует определенный рубеж в духовном развитии личности.

Стихотворение «По случаю Курбан-байрама» (1918) основано на сюжете предания о посланнике Аллаха Ибрахиме. Произведение начинается с середины предания и все это уместилось в одну строфу:

Принеси жертву сына, ая Ибрахим,
Услышав с неба возглас Божий.
С божьим именем милосердным

Трет он шею Исмагила.

(Подстрочный перевод автора).

Дальнейшие события в стихотворении особо не отличаются от сюжета коранической легенды. Узнав о намерении отца принести его в жертву, Исма‘ил принял эту весть спокойно, даже стал успокаивать Ибрахима (см. суру «ас-Сафат» [37: 102/101-102].

Требование Аллаха принести Исма‘ила в жертву и согласие его отца безропотно исполнить это давно вызывает спор среди мусульманских богословов. Если, как сказано в Коране, Аллах всевидящий, почему он решил таким образом проверить Ибрахима?! Второй вопрос, тоже спорный, почему Ис-ма‘ила заменил молодым барашком? По мнению богословов, подобным образом указывается на гуманность ислама. Поэтому увидев чистые намерения Ибрахима, Аллах дальше не стал испытывает его. Этот сюжетный отрывок коранической легенды интерпретирован Ш. Бабичем следующим образом: Вдруг раздался глас:

«Преданный раб!

Вещает: спаси святого Исмала,

Вместо него принеси жертву,

Говорит: Ниспослали тебе ягненка.

Как видим, в данном случае авторская идея-тематика, сюжетная последовательность и художественные приемы описания в основном были подчинены сюжету коранической легенды, т.е., на первый план вышла нормативность, а не авторская индивидуальность. Это тот случай, о котором по отношению к нормативности древней и средневековой русской литературы академик Д. С. Лихачев писал: «Он (литературный эпитет - Ф. С.) слагается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий, из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению» [5: 90].

Таким образом, в творчестве Ш. Бабича отчетливо просматривается влияние восточных, арабо-тюрко-мусульманских поэтических традиций.

Литература

1. Бабич, Ш. Весенняя песнь. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1995.
2. Брагинский, В. И. Символизм в суфийского пути в «Поэме о море женщин» и мотив свадебного корабля // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, 1989.
3. В Национальной библиотеке Башкортостана прошел Межрегиональный круглый стол, посвященный Шайхзаде Бабичу. [Электронный документ]. 16.01.2025 – URL: https://bashnl.ru/novosti/37710/. (Проверено 14.09.2025)
4. Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
5. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967.
6. Лосев, А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Наука, 1957.
7. Пиотровский, М. Б. Коранические сказания. – М.: Наука,1991.
8. Стеблева, И.В. Очерки турецкой мифологии. – М.: Восточная литература, 2002.
9. Суворова, А. Мусульманские святы Южной Азии XI – XV веков. – М., 1999.

Аннотация: В статье рассматривается влияние восточных поэтических традиций на творчество Ш. Бабича. На основе произведений «Газазил» и «По случаю курбан-байрама» раскрывается влияние этих традиций на идейно-тематическое обогащение содержания произведений.

Ключевые слова: арабо-мусульманская культура, суфизм, Ш. Бабич, поэма, сюжет.

F. S. Sibagatov

Oriental poetic traditions in the works of S. Babich

Abstract: The article examines the influence of Oriental poetic traditions on the work of S. Babich. Based on the works «Gazazil» and «On the occasion of Eid al-Adha», the influence of these traditions on the ideological and thematic enrichment of the content of the works is revealed.

Key words: Arab-Muslim culture, Sufism, S. Babich, poem, plot.

Г. А. Серкина
Следы культа кейика в орнаменте турецких намазлыков
G. A. Serkina
Traces of the Keyik Cult in the Ornamentation of Turkish Namazliks

Орнаментальную композицию большинства турецких молитвенных ковров (намазлыков) образует молитвенная ниша пентагональной формы, а её треугольная часть увенчана роговидным мотивом. В этом орнаментальном мотиве проявился культ горного козла – кейика - туркменских племён. Как известно, в этногенезе современных анатолийских турок участвовали туркменские племена. Судя по этнографической литературе, среди туркмен Средней Азии по-прежнему сохраняются культ кейика, особенно среди сельских жителей. Это выражается не только в том, что вместо тканого намазлыка туркмены используют шкуру кейика, но и проявляется в разных областях апотропеической магии. В частности, рогам этого животного приписываются защитные функции. В ранних турецких коврах роговидные элементы орнамента изображались близко к оригиналу, однако с течением времени роговидный мотив приобретает всё более стилизованный вид.

Л. В. Софронова
К вопросу характеристики фразеологизмов в турецком общественно-политическом дискурсе

В настоящем докладе рассматриваются устойчивые образные выражения, используемые в средствах массовой информации в актуальных материалах по политической тематике и в речах политиков, называемые по классификации В.В.Виноградова фразеологическими сращениями и единствами [1]. Частое обращение и политиков и журналистов к идиомам обуславливает необходимость их детального исследования и его актуальность как в научном, так и практическом переводческом плане. Владение широким набором часто употребляемых в СМИ фразеологизмов во многом предопределяет точность и качество перевода.

Если рассматривать политический дискурс в прагматическом аспекте, становится очевидным тот факт, что политики прибегают к ярким образам, осуществляя манипулятивные стратегии, зиждущиеся во многом на эмоциональном воздействии на аудиторию, так как экспрессивность. эмоциональность, прецедентность и оценочность являются характерными чертами фразеологизмов.

Будучи эмоционально окрашенными по своей сути, образные устойчивые выражения несут в себе оценочный компонент, реализующийся в соответствующем контексте. По мнению Н.И. Клушиной: «Оценочность в публицистике неразрывно связана с выбором номинации, так как номинация в воздействующей речи очень редко бывает нейтральной. Выбор точного слова, способного подтвердить или опровергнуть определенную идею, способного самому стать идеей, — важнейшая задача публициста. Публицистическая номинация включает в себя часть знаний об объекте, которая, будучи воспринятой адресатом, перерабатывается его сознанием и становится частью его индивидуальной картины мира» [2: 69]. К фразеологизмам в общественно-политическом дискурсе прибегают в большинстве случаев при реализации таких стратегий как: «свой-чужой», «дискредитация оппонента», «нападение» и т.д., поэтому наиболее частотными являются идиомы с отрицательной коннотацией, например: *zil takıp oynamak* (потирать руки от радости), *üç maymun oynamak* (игнорировать; делать вид, что ничего не происходит), *dört dolanmak* (лезть из кожи вон, чтобы достичь своей цели), *cirit atmak* (распоясаться; хозяйничать), а положительная оценка заключается в таких выражениях как: *ellerini taşın altına koymak* (приложить все свои силы)*, şeytanın bacağını kırmak* (положить конец череде неудач) и т.д.

Фразеологизмы *düğmeye basmak* (дать старт; запустить процесс), *ayrı bir parantez açmak* (уделить особое место), *ipuçları barındırmak (vermek)* (дать ключ к разгадке, решению проблемы) можно классифицировать как нейтрально окрашенные, так как они, как правило, играют исключительно акцентирующую роль, внося стилистическое разнообразие в текст, и только в некоторых случаях усиливают положительную коннотацию высказывания. Стоит обратить внимание и на явную прецедентность, проявляющуюся в новом использовании таких фразеологизмов, как *şeytanın bacağını kırmak* (спорт), *ipuçları barındırmak* (наука), пришедших в

политическую коммуникацию из других областей. Тем самым авторскому утверждению придается особая окраска, выделяющая мысль политика или журналиста употреблением устойчивого выражения в непривычном контексте.

Заметим, что некоторые идиомы, присутствующие в современном языке СМИ, имеют недавнюю историю происхождения и не фигурируют в словарях, изданных во второй половине XX века (*üç maymun oynamak, dört dolanmak, elin üstünde tutmak*). Гипотетически можно предположить, что выражение *elin üstünde tutmak* (*досл*. держать на руке), в переносном смысле имеющее значение «пестовать, взращивать, нянчиться», восходит к обороту, отраженному в словаре поговорок Омера Асыма Аксоя *elinden tutmak* (*досл.* держать за руку) [4: 634], значение которого трактуется автором словаря как «способствовать продвижению кого-либо». В выступлении президента Эрдогана эта идиома озвучена в нижеприведенном контексте [5]:

«Некоторые наши союзники прямо пестуют такие организации, как РПК и ОНС, проводящие этнические чистки, вооружающие детей, вынуждающие людей эмигрировать».

‘Etnik temizlik uygulayan, çocukları silah altına alan, insanları göçe icbar eden PKK, YPG gibi örgütler bazı müttefiklerimiz tarafından adeta el üstünde tutuluyor’.

Фразеологизм *dört dolanmak* употреблялся как ранее, так и в современном языке, в значении «метаться, искать выход из затруднительного положения», но в сочетании с другими глаголами *dolaşmak/dönmek*. На это указывает турецко-русский словарь 1977 года издания [3: 247]. Такие словосочетания как *düğmeye basmak* (*досл.* нажать на кнопку), *ayrı bir parantez açmak* (*досл.* открыть скобки) фигурируют в вышеуказанном словаре в своем прямом значении. Тем самым можем заключить, что эти выражения стали фразеологизмами в наши дни, приобретя переносное значение.

Литература

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке//Избранные труды. Лексикология и лексикография. ─ М., 1977. ─ С.140-161.
2. Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Мир русского слова. ─ 2008. ─ №4. ─ С.67-70.
3. Турецко-русский словарь//А.Н.Баскаков и др. ─ М.: Русский язык, 1977.
4. Aksoy, Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. Deyimler Sözlüğü. ─ Cilt 2. ─ Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1984.
5. Erdoğan, Recep Tayyip. G-20 Zirvesi Nedeniyle Bulunduğu Osaka’da Düzenlediği Basın Toplantısında Yaptıkları Konuşma.29.06.2019. URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/106887/g-20-zirvesi-nedeniyle-bulundugu-osaka-da-duzenledigi-basin-toplantisinda-yaptiklari-konusma (Проверено 04.09.2025)

Аннотация: В представленном докладе выделяются такие характерные черты фразеологизмов, употребляемых в турецком общественно-политическом дискурсе, как экспрессивность. эмоциональность, прецедентность и оценочность. Рассматриваются примеры турецких фразеологизмов с отрицательной, положительной и нейтральной коннотацией. Их использование связывается с манипулятивными стратегиями, применяемыми политиками. Затрагивается вопрос прецедентного употребления фразеологизмов в других областях знания и изменения их состава и семантики в современном политическом языке.

Ключевые слова: фразеологизм, турецкий общественно-политический дискурс, прецедентность, оценочность, семантическая трансформация

L. V. Sofronova

The characteristic features of phraseological units in Turkish political discourse

Abstract: The presented report highlights such characteristic features of phraseological units used in Turkish political discourse as expressiveness, emotionality, precedent use and evaluation. It dwells on some Turkish phraseological units with negative, positive and neutral connotations. Their functions are associated with manipulative strategies applied by politicians. The precedent use of phraseological units in other spheres, structural and semantic transformation in modern political language are touched upon in the report.

Key words: phraseological unit, Turkish political discourse, precedent use, evaluation, semantic transformation

А. З. Солтанова, Н. И. Пантыкина

Особенности использования метафоры в турецкой поэзии и ее восприятие русскоязычной аудиторией

A. Z. Soltanova, N. I. Pantıkina

The intricacies of metaphorical language in Turkish poetry and how it is perceived by a Russian-speaking audience

Метафора широко используется в литературе, особенно в лирике. Она возникает из эстетической и эмоциональной потребности автора, который сознательно наделяет слова новыми значениями для выразительности, создавая образы, откликающиеся в душе читателя. Метафорический смысл рождается не сам по себе, а благодаря творческой индивидуальности автора, чье восприятие окружающей действительности служит источником новых смыслов, возникающих через сопоставление различных явлений и объектов.

По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора – это транспозиция идентифицирующей лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства.

Цель работы – рассмотреть специфику использования метафоры в турецкой поэзии, а также ее восприятие русскоязычной аудиторией.

Одним их ярких представителей турецкой литературы является Назым Хикмет. Назым Хикмет – турецкий писатель, драматург, общественный деятель. Он привнес свободный стих, обогатил язык, и интегрировал народные элементы, открыв новую эру в турецкой поэзии. Его метафоры – не просто украшения, а мощные инструменты познания, отражающие сложность человеческого бытия и борющиеся с застывшими представлениями.

Назым Хикмет долгое время жил в СССР и в его стихотворениях присутствует специфика реалий русской культуры, представления и впечатления турецкого поэта о жизненном укладе России первой половины XX в., соотношение образа Советской России, созданного турецким поэтом, с архетипами советской культуры.

В стихотворении «Московское Лето» Назым Хикмет создает образ Советской России, используя описание «bahar» (весны) и «yaz» (лета). Метафоры «Haziran yaprakları» (июньские листья) и «Moskova Yazı» (московское лето) в стихотворении символизируют живую и энергичную Россию. «Kızgın asfalt» (раскалённый асфальт), «gazoz» (газировка), «dondurma» (мороженое), «sinema salonları» (кинозалы), «Ermitaj ağaçları» (деревья Эрмитажа) и другие элементы русской реалии, помогают русскому читателю легко воспринять стихотворение. Эти элементы, используя символы, относящиеся к культуре и истории, позволяют русскоязычному читателю понять радость московского лета.

Moskova Yazı

Çıkardım üstümden ölüm fikrini
Giyindim Haziran yapraklarını bulvarlarının
Mayıs yaprakları benim için daha gençti
Bekler beni Moskova yazı
Kızgın asfaltı ve taşıyla
Gazı suyuyla ve dondurmasıyla
Terli sinema salonları ile ve yörsel ouyuncularla
Büyük futbol günlerine kaybolan taksilerle
Ve elektrikli lambalardan kâğit sandığımız
Ermitaj ağaçları
Balkonda söyleyeceğim şiirlerimle
Ve senin kısa kesilmiş saman saçlarınla
Çıkardım üstümden ölüm fikrini.

Giyindim Haziran yapraklarını bulvarlarının.

Таким образом, из-за недостаточного количества переводов с турецкого языка на русский, турецкая культура, в том числе и особенности её метафорической выразительности, часто остается загадкой для российского читателя, несмотря на растущий интерес к зарубежной литературе в России. Однако созданным турецким автором, стихотворение находит глубокий отклик в душе русского читателя благодаря универсальным образам и темам, а также узнаваемым деталям, отражающим русскую реальность.

Г. Т. Свирин
У истоков революционного творчества Назыма Хикмета
G. T. Svirin
At the origins of Nazım Hikmet's revolutionary oeuvre

Человек не рождается поэтом, и тем более, не рождается революционным поэтом. Для того, чтобы это случилось должны иметь место определённые события в жизни, определённые люди, сыгравшие свою роль в формировании поэтического мировоззрения и определённые места, оказавшие на этот процесс своё влияние. Поэтому начать разговор о формировании революционных представлений в сознании Назыма Хикмета, видимо, следует с событий, людей и мест, сыгравших особую роль для становления его личности.

Одним из событий, заставивших задуматься молодого, утончённого юношу из аристократической семьи, писавшего до этого момента в основном любовную лирику, стало поражение Османской империи в Первой мировой войне и последовавшая за этим интервенция стран-победительниц, приведших свой флот в турецкие гавани и высадивших своих солдат на турецкий берег. Можно сказать, что эти события «разбудили» Хикмета. И он начал понимать, в чём состоит его назначение – назначение поэта.

Путешествие по Анатолии способствовало появлению и новых мотивов в сознании юноши. Поэт прозрел, увидев ту бедность и нищету, в которой жил народ за пределами столицы. Именно здесь, общаясь с крестьянами, рабочими, солдатами он впервые услышал о революции в далекой северной стране, и познакомился, пока только по слухам, с тем, что станет впоследствии основой его жизни и творчества – идеями марксизма.

Одним из самых крупных впечатлений в формировании дальнейшего мировоззрения Назыма Хикмета стала Октябрьская революция 1917 года. Для него она решила всё, став переломным моментом в жизни. Впоследствии в своём творчестве поэт будет обращаться к Октябрю ещё не раз.

Но, пожалуй, одним из самых важных факторов в формировании революционного сознания Назыма Хикмета стало одно из главных последствий Октября - создание советского государства, первой в мире страны рабочих и крестьян. По сути, Советская Россия начала 1920-х годов превратилась для поэта в своеобразную «землю обетованную». Там он почувствовал себя свободным и счастливым. Именно этот период в жизни Хикмета большинство исследователей называют главным в формировании его поэтического мировоззрения.

Огромное влияние на него оказала и театральная жизнь новой России. И тогда, и много лет спустя поэт будет отзываться об этом времени с восхищением и сожалением. Там, в Советской России прошли лучшие годы его молодости. Оттуда он вернётся полный идей и с верой в грядущие революционные изменения необходимые для всего человеческого общества.

Теперь необходимо поговорить о людях в жизни поэта, которые сыграли значительную роль в его революционном становлении, в том, что он отдал свое перо делу служения революции и на всю жизнь вперед определил каноны своего творчества. Имена этих людей он не раз называл на протяжении всей своей жизни – Карл Маркс, Фридрих Энгельс, В. И. Ленин. О Марксе и Энгельсе он услышал впервые от турецких рабочих, побывавших в Германии, с Лениным при жизни последнего так и не повстречался лично. Их значение в идейном становлении поэта, в формировании революционного творчества Назыма Хикмета было огромным.

Марксизм стал идейной основой его революционного творчества, многие произведения поэта напрямую были связаны с именами и мыслями Маркса, Энгельса, и особенно Ленина.

К образам и взглядам классиков марксизма-ленинизма Назым Хикмет обращался регулярно. Особенно заметно это было именно в 1920-ые гг.

Важнейшую роль в жизни и деятельности Назыма Хикмета сыграл В. И. Ленин. Особое отношение к В. И. Ленину, как к эталону революционера и коммуниста, человеку, осуществившему Октябрьскую революцию и стоявшему у истоков государства рабочих и крестьян, Назым Хикмет пронес через всю свою жизнь. Смерть Ленина стала для Назыма Хикмета величайшим горем. Всё это и стало основными причинами, способствовавшими появлению великого революционного поэта в Турции.

Список источников и литературы

1. Брат Назым. О Назыме Хикмете рассказывают… - М.: Институт востоковедения РАН, 2002. - 209 с.
2. Назым Хикмет. Автобиография // Назым Хикмет. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Автобиография: Пер. с тур / [Вступ. слово К. Симонова; Примеч. А. Бабаева]. – М.: Худож. лит., 1974. – 496 с.
3. Назым Хикмет. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Автобиография: Пер. с тур / [Вступ. слово К. Симонова; Примеч. А. Бабаева]. – М.: Худож. лит., 1974. – 496 с.
4. Назым Хикмет. Избранное. Сост. М. К. Павлова. – М.: Просвещение, 1982.
5. Назым Хикмет. Через всю жизнь // Театральная жизнь. 1962. №4-7.
6. Колесникова Г. Г. Семь лет с Назымом Хикметом. - Ижевск, 1999. - 460 с.
7. Мехмет Перинчек. Тайные страницы российско-турецкой дипломатии по архивным материалам: от Сулеймана Великолепного до Назыма Хикмета. - М.: Маска, 2019. - 452 с.
8. Бабаев А.А. Назым Хикмет. Жизнь и творчество / АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1975. - 380 с.
9. Меликов Т. Д. Назым Хикмет и новая поэзия Турции. - М.: Наука, 1987. – 198 с.

М.В. Сыроваткина

От Османской империи к Турецкой Республике: биографический путь Джеляля Баяра

Махмуд Джеляль Баяр (1883–1986) — ключевая фигура в истории современной Турции. Его биография охватывает период от кризиса Османской империи до становления многопартийной системы. Будучи соратником Мустафы Кемаля Ататюрка, он принимал активное участие в войне за независимость (1919–1923), организации национально-освободительных сил и формировании структур Великого национального собрания Турции. Ранние годы Баяра были связаны с опытом вынужденного переселения его семьи из Плевны в Анатолию после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Этот фактор во многом предопределил его восприятие национализма как основы государственного строительства. Получив образование в традиционной и западной системах, он рано включился в деятельность младотурков, проявив себя как организатор и политик.

В годы Первой мировой войны Баяр работал в Измире, занимая пост секретаря отделения партии «Единение и прогресс». Его деятельность включала поддержку экономической национализации, создание культурных и образовательных учреждений, а также организацию обществ национальной обороны. В этот период Баяр выступил инициатором издания журнала «Halka Doğru», направленного на формирование турецкой национальной идентичности. После оккупации Измира в 1919 г. Баяр стал одним из лидеров движения Кува-йи Миллие, занимаясь консолидацией вооружённых отрядов сопротивления и взаимодействием с региональными лидерами. Его участие в подготовке и проведении конгрессов защиты прав сыграло важную роль в мобилизации населения против иностранной интервенции.

Исследование подчёркивает, что вклад Джеляля Баяра в становление Турецкой Республики проявился не только в военной сфере, но и в институциональном и экономическом строительстве. При этом его фигура остаётся предметом противоречивых оценок: от реформатора и демократа до политика, допустившего авторитаризацию власти.

Литература
1. Дергачев В.А. Геоэкономический словарь-справочник [Текст]/В.А. Деркачев — Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2004. С. 177.
2. Ростунов, И.И. Русско-турецкая война 1877-1878 [Текст]/И.И. Ростунов. – М.: Воениздат, 1977. С. 263.
3. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. [Текст] – М.: Госполитиздат, 1952. С. 464.
4. Akşin S. Çağdaş Türkiye 1908-1980. — İstanbul: Cem Yayınevi, 1997. — S. 636.
5. Bilmez B. Galip Hoca Mahmut Celâl Bayar. – Ankara: Saypa, 1996. – S. 193.
6. Bozdağ İ. Bilinmeyen Yönleriyle Celal Bayar. – İstanbul: Emre Yayınları, 2005. – S. 192.
7. Bozdağ İ. Celal Bayar'ın Hayat Hikayesi // 100 Yaşında Celal Bayar'a Armağan / haz. M. Sarol, İ. Bozdağ. – İstanbul: Tercüman Yay., 1982. – S. 323–381.
8. Dursun D. Bayar, Celâl // TDV İslâm Ansiklopedisi. – C. 5. – İstanbul, 1992. – S. 216.
9. Gülmez N., Bilgi N. Asırlık Çınar: Celal Bayar. – C. 1. – Ankara: Berikan Yayınevi, 2022. – S. 436.
10. Şenocak B. Levant`ın yıldızı İzmir. Levantenler, Rumlar, Ermeniler ve Yahudiler. — İzmir: Tükelmat A.Ş., 2008. — S. 257.
11. Şenşekerci E. Türk Devriminde Celal Bayar. – İstanbul: Afa Basım Yayım, 2000. – S. 336.

Аннотация: Доклад посвящён анализу раннего этапа жизни и политической деятельности третьего президента Турецкой Республики Джеляля Баяра. Особое внимание уделяется его роли в национально-освободительной борьбе, становлении республиканских институтов и формировании социально-экономической политики. Исследование выявляет амбивалентность исторической оценки фигуры Баяра и актуализирует необходимость переосмысления его вклада в турецкую историю XX века.

Ключевые слова: Джеляль Баяр, Турецкая Республика, Османская империя, национально-освободительное движение, младотурки, Кува-йи Миллие.

M. V. Syrovatkina

From the Ottoman Empire to the Turkish Republic: The Biographical Journey of Celal Bayar

Abstract: The report is dedicated to the analysis of the early stage of life and political activity of the third president of the Turkish Republic, Celal Bayar. Special attention is paid to his role in the national liberation struggle, the establishment of republican institutions, and the formation of socio-economic policy. The study reveals the ambivalence of the historical assessment of Bayar's figure and actualizes the need to rethink his contribution to Turkish history of the 20th century

Keywords: Celal Bayar, Turkish Republic, Ottoman Empire, National Liberation Movement, Young Turks, Kuva-yi Milliye.

Н. Е. Тихонова

«Говорящие архивы»: сакральные места Палестины как особый объект управления в Османской империи (1517-1917)

N. E. Tikhonova.

'Speaking Archives': Sacred Sites of the Palestine as a particular subject to control in the Ottoman Empire (1517-1917)

«Говорящие архивы»: сакральные места Палестины как особый объект управления в Османской империи (1517-1917)

Окончательный разгром мамлюков в 1517 г., завершившийся присоединением сиро-палестинского региона и Египта к Османской империи, ознаменовал переход статуса халифа к османским султанам. Столь высокий статус обязывал османских правителей не только выступать

покровителями мусульман во всем мире, но и взять под свое покровительство святые места, особое место среди которых занимал и продолжает занимать Иерусалим – третий по святости город для мусульман после Мекки и Медины.

Одной из первоочередных мер, предпринятых новой османской администрацией в Иерусалиме, было укрепление и перестройка городских стен при султане Сулеймане Великолепном в 1537-1541 гг. Несмотря на то, что географическое положение города не являлось стратегически важным с военной точки зрения, сохранявшаяся память о Крестовых походах и страх перед новыми потенциальными вторжениями со стороны «крестоносцев» (европейцев-христиан), заставлял османов - которые, однако, отвоевали город не у христиан, а у других мусульман (мамлюков), - предпринимать предупредительные меры по защите города[1]. Характерно, что даже в дискурсе современных турецких властей можно встретить связывание текущего палестино-израильского конфликта с возрождением «крестоносной ментальности»[2].

400-летнее османское правление завершилось с оккупацией Палестины английскими войсками в 1917 г. Столь долгое присутствие османской администрации в регионе способствовало накоплению значительной документальной базы, касающейся, в частности, системы управления в Святой Земле. Следует, однако, отметить, что Палестина в составе Османской империи не являлась единой административной единицей и ее внутреннее устройство периодически перекраивалось на различные санджаки[3] с разным подчинением. В основном же историческая область Палестина входила в состав Сирийского вилайета[4] с подчинением местному бейлербею[5]. Иерусалим, при этом, получил статус отдельного санджака только в 1872 г.

В настоящем докладе к рассмотрению предлагаются два сборника архивных материалов, изданные Главным управлением архивов Турции с разницей в 10 лет и посвященные Палестине в составе Османской империи (1517[6] -1917 гг.). Данные сборники представляют собой коллекцию официальных документов на османском языке, которые были специально оцифрованы, транслитерированы с арабской на латинскую графику и частично переведены на английский язык. Наше внимание, при этом, будет сфокусировано на указах, касающихся непосредственно святых мест и вопросов регулирования межконфессиональных отношений в контексте пользования ими.

Вступительное слово к одному из указанных сборников («Управление христианскими конфессиями и общинами в Иерусалиме»[7]) принадлежит действующему президенту Турции Р. Т. Эрдогану, что со всей очевидностью подчеркивает политическую значимость, придаваемую подобным документам в контексте палестино-израильского конфликта. Интересно, что в данный сборник помимо документов, относящихся к османскому периоду, вошли два более ранних указа - «Указ, изданный халифом Умаром для обеспечения безопасности христиан-мелькитов и их святых мест в Иерусалиме, а также всех остальных христиан, приезжающих с визитом в эти места»[8] (636 г.), и «Высочайший указ султана Мехмеда Завоевателя о предоставлении грекам Иерусалима

---

[1] Sokolov O.A. Memory of the Crusades in the architecture of the Medieval Levant and Egypt. Manuscripta Orientalia, 2025, Vol. 31/1. P. 155.

[2] https://www.iletisim.gov.tr/turkce/yerel_basin/detay/cumhurbaskani-erdogan-parlamenterler-arasi-kudus-platformu-5-konferansina-katilarak-konusma-yapti

[3] Санджак – административная единица в Османской империи среднего уровня. Санджаки состояли из кадылыков (судебных округов), в свою очередь входя в состав вилайетов (провинций).

[4] Вилайет – самая крупная административная единица в Османской империи (провинция).

[5] Бейлербей (в Османской империи) - чиновник высокого ранга, напрямую подчинявшийся султану. Стоял во главе вилайета.

[6] В турецких источниках даты завоевания Иерусалима Османской империей разнятся – 1516 или 1517 гг. Первая дата относится к битве на Дабикском поле в декабре 1516 г., после победы в которой османский султан Селим I приехал в Газу, где получил «ключи от Палестины». Вторая – окончательный разгром мамлюков османами и присоединение Египта в 1517 г.

[7] Ünal, Uğur (2019). Kudüs'te Hristiyan mezhep ve milletlerin idaresi. İstanbul: TC Cumhurbaskanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı.

[8] Ünal, Uğur (2019). Kudüs'te Hristiyan mezhep ve Milletlerin idaresi. İstanbul: TC Cumhurbaskanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı. S. 58.

права пользоваться своими святынями и правами как прежде»[9] (1458 г.), который был издан османским султаном за 50 лет до присоединения Палестины к Османской империи.

Второй сборник «Палестина в Османских документах»[10], изданный в 2009 г., состоит из разделов, посвященных административным вопросам, здравоохранению, общественному порядку, городскому благоустройству, расселению евреев в Палестине, образованию и социальной жизни, свободе вероисповедания общин и охране культурного наследия. В отличие от первого, данный сборник не был выпущен под эгидой турецких властей, но в 2017 г. попал в заголовки турецкой прессы, будучи «случайно» замеченным на рабочем столе Р. Т. Эрдогана[11].

Вошедшие в сборники документы, с точки зрения интересующей нас темы, можно условно разделить на следующие категории:

· регулирование поведения в Святых местах;

· регулирование признанной за городскими общинами свободы вероисповедания и религиозных институтов;

· регулирование строительства и ремонта мест отправления религиозного культа не-мусульман;

· презервация и реставрация особо значимых мест поклонения и паломничества для представителей всех трех авраамических религий;

· регулирование межконфессионального взаимодействия, в частности, конфликтов касательно мест поклонения и пользования ими.

По имеющимся материалам можно проследить как защита «религиозных интересов» той или иной общины относительно определенных святых мест отражала текущую политическую конъюнктуру в империи, в частности, в контексте передачи контроля над Церковью Рождества Христова в Вифлееме между общинами. Один из подобного рода инцидентов, как известно, стал формальным поводом к началу Крымской войны (1853-1856), когда османские султаны передали ключи от данной церкви французам. Однако документы, непосредственно касающиеся данного события в рассматриваемые сборники не вошли.

Несмотря на то, что Палестина являлась отдаленной провинцией, которая, однако, стабильно приносила в казну средства за счет постоянного потока паломников как христианского и иудейского, так и мусульманского исповедания, выборка документов, специально включенных в означенные сборники, говорит об особом статусе Святой земли и расположенных в ней мест поклонения в системе управления Османской империей.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно говорить о том, что современные турецкие власти со всей серьезностью подходят к (со)хранению доставшихся им в наследство от Османской империи ценных архивов касательно управления Палестиной и расположенных там святынь, при необходимости переводя исторические данные в политическую плоскость[12]. Но несмотря на инструментализацию избранных архивных материалов в совершенно определенном ключе, представленные сборники открывают перспективы для исследования широкого круга вопросов.

Ж.Тот
Три слоя тюркских заимствований в венгерском языке

Z. Tóth
Three layers of Turkic loan words in Hungarian language

В разные времена венгерский язык подвергся различным тюркским воздействиям. С середины XIX-ого века много поколений венгерских лингвистов обращались большим интересом

[9] Ünal, Uğur (2019). Kudüs'te Hristiyan mezhep ve Milletlerin idaresi. İstanbul: TC Cumhurbaskanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı. S. 60.
[10] Sarınay, Yusuf (2009). Osmanlı belgelerinde Filistin. İstanbul: T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü.
[11] https://www.haberler.com/erdogan-in-calisma-masasindaki-osmanli-10377608-haberi/

[12] См., например: https://www.aa.com.tr/tr/dunya/israili-tedirgin-eden-osmanli-arsivleri-filistinlilerin-en-guclu-silahi/1722463#

к тюркским языкам. Популярной областью их исследований была лексическое сопоставление, искание тюркских заимствований в венгерском языке

В венгерской лингвистике принято отличать три слоя тюркских заимствований, хотя можем отметить, что подавляющее большинство тюркских заимствований происходит из эпохи так называемого обретения родины (последняя третья IX-ого века) или предыдущих его веков. Кроме этого раннего слоя обычно выделяют и средний или кыпчакский слой, который принадлежит к заимствованиям из языков, переселивших на территорию Венгрии куманов (половцев) и печенегов; а также поздний слой, который обозначает заимствований эпохи османской оккупации.

Заимствования эпохи, предыдущей завоевание Карпатского бассейна (то есть до конца IX-ого века) указывают на то, что самым важным было влияние языка, имеющего черты чувашского типа – по всей вероятности (волжско-)булгарского. Чувашский характер подтверждён в первую очередь такими фонетическими явлениями, как *ротацизм* и *ламбдаизм*. Ротацизмом является то явление, когда звук *r* тюркских слов чувашского типа поменяет звук *z* общетюркских слов, н/р венгерскому слову древнетюркского происхождения *iker* [ikɛr; ’близнецы’] в современном турецком языке соответствует *ikiz* [чув. *йĕкĕреш*]. Ламбдаизмом называется то явление, когда в тюркских словах чувашского типа появляется звук *l* вместо общетюркского *ş*.

Несколько примеров венгерских слов (по разным семантическим областям), у которых древнетюркское происхождение можно считать уверенным:

земледелие: *búza* [buːzɒ; ’пшеница’ ~ *buğday*], *árpa* [aːrpɒ; ’ячмень’ ~ тур. *arpa*; чув. *ypna*], *borsó* [borʃoː; горох ~ тур. *burçak*; чув. *нăпçа*], *eke* [ɛkɛ ’плуг’ ~ чув. *ака пуç*]

плодоводство: *alma* [ɒlmɒ; ’яблоко’ ~ тур. *elma*; чув. *улма*], *gyümölcs* [ɟymølt͡s; ’фрукт’ ~ тур. *yemiş*], *dió* [dioː; ’орех’]

скотоводство: *bika* [bikɒ; ’бык’ ~ тур. *boğa*], *ökör* [økør; ’вол’ ~ тур. *öküz*; чув. *вăкăр* ’бык’], *borjú* [borjuː; ’телёнок’ ~ тур. *buzağı*; чув. *нăру*], *disznó* [disnoː; ’свиня’ ~ др.чув. **ǰĭsnaγ*] *kos* [koʃ; ’баран’ ~ тур. *koç*], *tyúk* [cuːk; ’курица’ ~ тур. *tavuk*]

части тела: *kar* [kɒr; ’рука’], *boka* [bokɒ; ’щиколотка’], *gyomor* [ɟomor; ’желудок’]

общество, образование, религия: *sereg* [ʃɛrɛg; ’войско’ ~ осм. *çeri*; чув. *çap*], *betű* [bɛtyː; ’буква’ ~ осм. *bitik* ’письмо’], *szám* [saːm; ’число’] *kép* [keːp; ’картина’], *boszorkány* [bosorkaːɲ; ’ведьма’]

Тюркские влияния в венгерском языке прежде всего наблюдаются в сфере лексики. Стал органической частью венгерского лексикона несколько сотен слов тюркского происхождения, определённая часть которых считается международным культурным словом. В самом последнем итоговом издании, занимающемся тюркскими заимствованиями, Андраш Рона-Таш в связи 419 венгерских слов утверждает, что их турецкое происхождение либо уверенное, либо возможное, либо вероятное, из них у 384 слов источником был западно-древнетюркский язык. По дефиниции Рона-Таша западно-древнетюркский язык является союзом древних языков или диалектов, которые были в пользовании примерно от V-ого до XII-ого веков западнее от Уральских гор и реки Урал. Больше, чем у половины 290 западно-древнетюркских заимствований, имеющих уверенный статус, существуют современные чувашские эквиваленты.

Кыпчакский слой тюркских заимствований состоит из гораздо меньше слов. Этот слой является результатом лингвистических влияний X–XIV веков, которые создались вследствие поселения в Венгрии различных кыпчакских групп, прежде всего куманов. К этому слою принадлежит н/р слово *csősz* [t͡ʃøːs; ’ полевой сторож’]. Некоторые куманские заимствования существуют только в диалектной форме, н/р *csiger* [t͡ʃiger; ’вино плохого качества’]. По мнению знаменитого тюрколога, Дьюлы (Юлиуса) Немета название города Карцага [Karcag], центра исторической венгерской территориальной единицы Надькуншага [Nagykunság ’Великая Кумания’] произойдёт от куманского слова *qarssaq* ’степная леса’.

В нынешнем общем венгерском языке из эпохи османской оккупации осталось живым приблизительно 15–20 слов. В первую очередь сохранились названия бытовых предметов и слова, связанные одеждой, как: *zseb* [ʒɛb; ’карман’ ~ тур. *cep*], *bogrács* [bograːt͡ʃ; 'котелок’ ~ тур. *bakraç*], *kazán* [kɒzaːn; ’котёл’ ~ тур. *kazan*]. Некоторая часть османских заимствований не является древним тюркским словом, происходит из персидской или арабской культуры: *dohány* [dohaːɲ; ’табак’ ~ тур. *duman* ’дым’], *findzsa* [find͡ʒɒ ’чашка’ ~ тур. *fincan*], *pamut* [pamut ’хлопок’ ~ тур. *pamuk*], *kávé* [kaːveː; ’кофе’ ~ тур. *kahve*], *papucs* [pɒput͡s; ’тапочки’]. Несколько османских слов перешли в венгерский язык с южнославянским посредничеством, как например *csizma*

[t͡ʃizmɒ; ’сапоги’ ~ тур. *çizme*]. Подтверждает южнославянское происхождение то, что на конце слово вместо оригинального турецкого *е* появится *а*. Существуют слова, которые и в оригинальной османской и южнославянской форме перешли в венгерский язык, н/р *deli~dalia* [dɛli~dɒliɒ; ’статный’ ~ тур. *delikanlı*].

Многие, включая лингвистов, прикрепляют ошибочные взгляды к заимствованию иноземных слов. Перемещение слов из одного языка в другой – это полностью естественный процесс. Но можем определить, что прочный приём относительно много древнетюркских слов в венгерский язык указывает на то, что во время завоевания Карпатского бассейна и предыдущих веках между венгерскоязычным и тюркоязычным людьми были очень тесные связи, возможно и органичное сосуществование, и не можем исключать, что в некоторых группах венгров существовало венгеро-тюркское двуязычие.

Литература:

1. Электронный чувашский словарь: https://ru.samah.chv.su/cgi-bin/s.cgi

2. Agyagási K. A magyar-török nyelvi kapcsolatok. [Венгеро-тюркские лингвистические связи] // Sudár B. (ред.) Magyar őstörténet – Tudomány és hagyományőrzés. [Древняя история венгров – Наука и сохранение традиций] — Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2014. — С. 199–204.

3. Bakró-Nagy M. A magyar nyelv finnugor és török összetevői történeti megvilágításban. [The Finno-Ugric and Turkic components of the Hungarian Language from a historical perspective] // Magyar Tudomány — 2021. — №210. — С. 108–118.

4. Bárczi G. – Országh L. (ред.) A magyar nyelv értelmező szótára [Этимологический словарь венгерского языка] I–VII. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959–1962.

5. Benkő Loránd. (ред.) Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–III. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993–1997.

6. Csáki É. Török–magyar szótár. [Турецко-венгерский словарь] — Budapest: Balassi Kiadó 2001.

7. Róna-Tas A. – Berta Á. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian I–II. — Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

8. Vásáry I. Török jövevényszavaink középső rétegének kérdéséhez: kipcsak elemek a magyarban. [К вопросу среднего слоя турецких заимствований кыпчакские элементы в венгерском языке] // Agyagási K. – Hegedűs A. – É. Kiss K. (ред.) Nyelvelmélet és kontaktológia [Теория языка и контактология] 2. — Piliscsaba: PPKE BTK Elméleti Nyelvészeti Tanszék – Magyar Nyelvészeti Tanszék, 2013. — С. 227–243.

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева

Эпистолярное наследие С. Е. Малова и его корреспонденты (первая половина XX в.): отечественные и зарубежные тюркологи (К 145-летию со дня рождения)

R. M. Valeev, R. Z. Valeeva

S. E. Malov's Epistolary Legacy (First Half of the 20th Century): Domestic and Foreign Turkologist Correspondents

Эпистолярное наследие востоковедов России – оригинальное профессиональное и культурное явление. Письма и переписка творцов науки о Востоке, в том числе о тюркском мире, являются гуманитарной ценностью, ставшей оригинальным источником истории науки, мировоззрения и мироощущения и статусом духовного наследия востоковедов. Письма российских востоковедов во многом раскрывают феномен творческой личности ученого и мыслителя, сохраняют память и популяризируют их наследие.

В 2025 г. отмечается 145-летие С. Е. Малова – выдающегося знатока древнетюркских рунических и уйгурских памятников, истории, языка и культуры тюркоязычных народов и педагога-тюрколога, биография и наследие которого связаны с известными научными путешествиями в Сибирь (1908 г.), Цинский Китай (1909–1911 и 1913–1915 гг.) и комплексной

тюркологической деятельностью в отечественных университетских центрах (Казань, Санкт-Петербург и др.). Прошедший 2024 г. был ознаменован 120-летием первой научной публикации ученого. В этом году выделяется памятная дата – 110-летие со дня завершения восточно-туркестанской экспедиции, который ознаменовался уникальными открытиями в области классической уйгуристики.

Жизнь и творческая деятельность С. Е. Малова ярко и объективно представлены не только в его опубликованных монографиях и разнообразных циклах публикаций. Особый интерес представляет личный фонд лингвиста, фольклориста, этнографа, члена-корреспондента АН СССР (с 28 января 1939 г.) С. Е. Малова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1079) (далее – СПбФ АРАН) и других архивных личных фондов его корреспондентов.

В докладе основное внимание уделено краткому обзору эпистолярного наследия С. Е. Малова отмеченного архивного фонда в казанский, санкт-петербургский и казахстанский периоды его жизни и деятельности и его корреспондентов востоковедов и тюркологов (В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, А. А. Ромаскевич, В. Л. Котвич, А.Н. Кононов, Н. В. Пигулевская, Л. Р. Кызласов, Али Рахим, С. М. Шапшал, Э. А. Шмидт, А. Э. Шмидт, А.-З. Валиди, К. Менгес и др). Уникальный эпистолярий выдающегося тюрколога и его корреспондентов сохраняется в его личном и в других фондах в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1079) и отечественных архивных и культурных центрах.

Задача изучения феномена эпистолярий С. Е. Малова и его корреспондентов реализуется в рамках комплексного подхода, предполагающего сочетание различных принципов и методов исследования: поиска, обзора, систематизации, анализа, аналогии, сравнения, структурно-функционального анализа, классификации и др.

Ключевые слова: Россия, Восток, востоковедение, тюркология, С. Е. Малов, наследие, эпистолярий, архивы.

Ж. М. Юша

Культ солнца и луны в обрядах и верованиях тюрков Саяно-Алтая

Z. M. Yusha

The Cult of the Sun and Moon in rituals and beliefs among the Turkic Peoples of Sayan-Altai)

В докладе на основе опубликованных и новых полевых материалов в сравнительно-сопоставительном аспекте рассмотрены отголоски культа солнца и луны, сохранившиеся до настоящего времени в обрядовой культуре, фольклоре, поверьях и запретах тюркских народов Саяно-Алтая, что составляет актуальность и новизну проведенного исследования. В фольклорных жанрах проанализированы мотивы описания Среднего и Нижнего миров, где акцентируется наличие или отсутствие солнца-луны; рассмотрены мифологические представления о восприятии небесных светил как живых существ; охарактеризован окказиональный обряд, проводимый при солнечном и лунном затмениях; показано значение лунного календаря в обрядовой и повседневной жизни. Выявлено, что в свадебных обрядах обращение новобрачных к солнцу и луне связаны с изменением социального статуса человека, прошением покровительства и благодати у небесных светил. В похоронно-поминальной сфере сохранились архаичные представления культа солнца и луны, бытуют воззрения о том, что солнце и луна предназначены только живым людям Среднего мира. Охарактеризованы представления о небесных светилах как обязательных компонентах Среднего мира, об их мужской и женской сущности, о соблюдении временного кода в ритуальной практике. Проанализированы общие черты и особенности культа солнца и луны у тюркского населения Саяно-Алтая, которые свидетельствуют о существовании единой мифологической системы.

А. Х. Йылмаз

Синтаксическая роль словосочетаний в ярлыке Сейида Абу-ль-Гази Мухаммед-хана, относящемся к периоду восточнотюркского языка

Настоящее исследование посвящено анализу употребления словосочетаний в предложениях ярлыка Сейида Эбу'л-Гази Мухаммед-хана (1742–1747), сына Ильбарс-хана — основателя Хивинского ханства, написанного по его приказу. Данный ярлык, написанный на восточном тюркском языке XVIII века, представляет собой документ тарханского уровня. В разделе «Введение» представлены общие сведения о ярлыках как о продукте официальной переписки, имеющем важное значение в контексте тюркской истории и языка. Также даётся краткий обзор ярлыков Хивинского ханства, после чего приводится описание ярлыка, принадлежащего Сейиду Эбу'л-Гази Мухаммед-хану, ставшего предметом данного исследования. В разделе «Словосочетания» словосочетания, встречающиеся в предложениях текста, классифицированы по их синтаксическим функциям; далее проанализированы их функции в тексте с приведением примеров и переводом на турецкий язык. В разделе «Текст» представлен транскрибированный текст ярлыка, а в разделе «Заключение» — общая оценка и выводы по результатам исследования.

Словесные группы – это языковые группы, включающие несколько слов, структурированные и семантически связные. Были выявлены синтаксические элементы ярлыка Сейида Абу-л-Гази Мухаммад-хана, дающие нам представление о тюркском дипломатическом языке Туркестана, а также выбранные конкретные словосочетания и их функции в предложении. Использование этих словосочетаний в элементах языка ярлыка рассматривается и представляется в помощь исследователям для выявления следов уйгурской традиции переписки.

Ключевые слова: восточнотюркский язык, ярлык Сейида Эбу'л-Гази Мухаммед-хана, Хивинское ханство, ярлык, словосочетания.

A. H. Yılmaz

Doğu Türkçesi Dönemine Ait Seyyid Ebu'l-Gazi Muhammed Han Yarlığı'nda Sözcük Gruplarının Söz Dizimindeki Yeri

Bu çalışma Türkistan hanlıklarından Hive Hanlığı'nın kurucusu İlbars Han'ın oğlu II. Ebu'l-Gazi Muhammed Han (1742-1747)'ın emriyle yazılan *Seyyid Ebu'l-Gazi Muhammed Han Yarlığı'*nda yer alan sözcük gruplarının cümledeki kullanımlarına göre incelemesini içermektedir. Söz konusu yarlık, 18. yüzyıl Doğu Türkçesiyle kaleme alınmış tarhanlık derecesinde bir yarlıktır. Çalışmanın *Giriş* kısmında Türk tarihi ve dili açısından önem arz eden resmî yazışma geleneğinin bir ürünü olan yarlıklarla ilgili genel bilgiler verilmiş; Hive Hanlığı tarhanlık yarlıklarından bahsedilmiş akabinde çalışmaya konu olan Seyyid Ebu'l-Gazi Muhammed Han'a ait yarlığın tavsifine yer verilmiştir. *Sözcük Grupları* başlığı altında metinde geçen cümlelerdeki sözcük grupları, cümledeki görevlerine göre tasnif edilmek suretiyle sıralanmış; sonrasında metindeki işlevini ortaya koymak suretiyle örnekler Türkiye Türkçesine aktarımlarıyla verilmiştir. *Metin* kısmında yarlığın transkripsiyonlu metnine yer verilmiş; *Sonuç* kısmında ise incelemenin değerlendirmesi yapılmıştır.

Sözcük grupları, bazı kurallara dayanarak oluşarak birden fazla sözcüğü bünyesine alan, yapısında ve anlamında bir bütünlük barından dil öbekleridir. Söz dizimi ögelerinde Türkistan sahasındaki Türk diplomasi diline tanıklık etmemizi sağlayan *Seyyid Ebu'l-Gazi Muhammed Han Yarlığı'*nda ekseriyetle hangi sözcük gruplarının seçilmiş olduğu ve cümledeki görevleri tespit edilmiştir. Yarlığın dilini oluşturan cümlelerdeki unsurlarda sözcük öbeklerinin kullanılışı incelenerek Uygur yazışma geleneğinin izlerini de göstermek amacıyla araştırmacıların istifadesine sunulmuştur.

Anahtar Sözcükler: Doğu Türkçesi, Seyyid Ebu'l-Gazi Muhammed Han Yarlığı, Hive Hanlığı, Yarlık, Sözcük Grupları

A. H. Yılmaz

Syntactic Analysis of Word Groups in Sayyid Abu'l-Ghazi Muhammad Khan's Yarliq from the Eastern Turkish Period

This study the son of Ilbars Khan, the founder of the Khiva Khanate in Turkistan it includes a syntax review of *the Yarliq of Sayyid Abu'l-Ghazi Muhammad Khan*, written by the order of Abu'l-Ghazi Muhammad Khan (1742-1747). The yarliq in question is, 18. the century is a tarhanlik-grade yarliq written in Eastern Turkish. In the *Introduction* part of the study, general information about yarliqs, which are a product of the official correspondence tradition, which is important in terms of Turkish history and language, was given; the yarliqs of the Khanate of Khiva were mentioned, and then the description of the yarliq belonging to Sayyid Abu'l-Ghazi Muhammad Khan, who was the subject of the study, was included. Under the section *Word Groups*, the word groups occurring in the text are classified according to their syntactic roles and illustrated with examples, accompanied by their renderings into Modern Turkish. In the *Text* section, the transcribed text of the manuscript was included; in the *Conclusion* section, the evaluation of the examination was made.

Word groups, as linguistic units formed according to specific grammatical rules, consist of more than one word and exhibit structural and semantic coherence. In terms of syntax, the *Yarliq of Seyyid Abu'l-Ghazi Muhammad Khan* provides evidence for the diplomatic language of the Turkistan region, identifying the predominant word groups and their functions within sentences. By examining the use of these constructions in the language of the *yarliq*, the study also highlights traces of the Uyghur bureaucratic tradition, thereby offering valuable insights for future research.

Key Words: Eastern Turkish, the Yarliq of Sayyid Abu'l-Ghazi Muhammad Khan, Khiva Khanate, yarliq, word groups

А. В. Немова

Структурные и поэтические особенности турецкой волшебной сказки на примере материалов, собранных П. Н. Бората̀вом и И. Куношем

A. V. Nemova

Structural and poetic features of the Turkish fairy tale based on the materials collected by P. N. Boratav and I. Kunosh

Исследовательская задача: на основе конкретных примеров выявить композиционные закономерности, основные сюжетные типы и мотивы турецкой волшебной сказки, а также проанализировать и классифицировать устойчивые выражения, используемые для описаниях схожих ситуаций в разных сказках.

«Было – не было...» – за этими словами скрывается не только увлекательный сюжет, но и система воспитания всего турецкого народа. Турецкая волшебная сказка на протяжении веков формировала духовно-нравственные ценности у подрастающего поколения. Кроме того, она представляет собой уникальный фольклорный жанр, сохранивший представления народа о мире, любви, морали, религии и отразивший многовековое взаимодействие тюркских, персидских, арабских и других традиций.

Композиция турецкой сказки следует общим принципам, присущим сказочному жанру, и состоит из зачина, экспозиции, кульминации, развязки и концовки. Наряду с основными элементами, сказка может включать в себя присказки, концовки, описания, не развивающие сюжет, но придающие ей художественную выразительность.

Для анализа сюжетов был применен ранее не использовавшийся структурно-типологический метод В. Я. Проппа, позволивший разделить турецкие волшебные сказки на четыре вида. Кроме того, в ходе исследования были рассмотрены наиболее часто встречающиеся в турецких волшебных сказках мотивы – как фабулообразующие, так и свободные.

Список использованной литературы:

Источники:

1. Стеблева И. В. Турецкие сказки. М.: Наука, 1986, 397 с.
2. Цветинович-Грюнберг Н. А. Турецкие народные сказки. М., 1967, 481 с.

Исследования:

3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика // М.: Высшая школа, 1989, 406 с.

4. Дмитриев Н. К. Турецкие сказки // Турецкие народные сказки. М.: Наука, 1967, С. 6-28.
5. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969, 168 с.
6. Смирнов В. Д. Очерк истории турецкой литературы. СПб, 1891, 130 с.
7. Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. М.: КоЛибри, 2023, 640 с.
8. Стеблева И. В. Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки. М.: Восточная литература, 2002, 102 с.
9. Стеблева И. В. Турецкие сказки 20 века // Турецкие сказки М.: Наука, 1968, С. 5-16.

Электронные ресурсы:

10. Masal Nedir | Masalın Özellikleri, Bölümleri ve Türleri [Электронный ресурс]. URL: https://www.bilgenc.com/masal-nedir-ozellikleri/ (дата обращения: 02.05.2025)

М. С. Фомкин

О просодии поэмы Юсуфа Баласагуни "Кутадгу билиг"

M. S. Fomkin

On the prosody of Yusuf Balasaguni's poem "Kutadgu Bilig»

Со времён Брокельмана общепризнано, что поэма Юсуфа Баласагуни написана арузом и её стихотворный размер - это восьмистопный усечённый мутакариб. Но при этом возникает закономерный вопрос: почему текст поэмы можно спокойно читать или декламировать не обязательно в манере аруза, соблюдая требования этого метра к звучанию стиха, но и в манере силлабо-тонического стиха, когда звучание бейтов полностью меняется, однако сохраняются все признаки поэтической принадлежности текста. Ответ здесь простой, но, конечно, не бесспорный: поэт создавал свою поэму так, чтобы она была принята и высшими слоями Караханидского общества, ориентированными на персидскую культуру, и - одновременно - широкими кругами простого народа, привыкшего к традиционной тюркской поэзии, к стихотворному размеру пармак хисабы. Характерный для последнего турак у Юсуфа Баласагуни никогда не делит слово на части, он всегда проходит между слов, создавая звуковые возможности для осмысленной и ритмичной декламации. Гениальный тюркский поэт с блистательным успехом сознательно соединил в своей поэме две совершенно различные системы стихосложения.

Ш. А. Аннамаммедова, Д. М. Ишадова

Изучение творчества Махтумкули в нашей стране и за рубежом

В данной статье описывается творчество Махтумкули Фраги, изучение его творчества в нашей стране и за рубежом. Творчество выдающегося туркменского мудреца и философа Махтумкули Фраги всесторонне и глубоко изучается на научной основе как в нашей стране, так и за рубежом. Большая работа по глубокому изучению и выяснению жизни и творчества Махтумкули была проведена в области туркменской литературы. Сведения о жизни и творчестве поэта можно было найти в европейских странах уже в середине XIX века. Махтумкули получил достаточно знаний по науке своего времени и в совершенстве овладел восточной литературой.

Ключевые слова: литература, ученый, исследование, исторический документ, творчество, стихотворение.

S. A. Annamammedova, J. M. Ishadova

The study of Magtymguly’s creative work in our country and abroad

This article describes the work of Magtymguly Pyragy, the study of his work in our country and abroad. the creative work of the prominent Turkmen wise thinker and philosopher Magtymguly Pyragy is thoroughly and deeply studied on the scientific basis both in our country and in the foreign states. Much work on the deep study and clarification of Magtymguly's life and creativity was carried out in the study of the Turkmen literature. Information about the life and creative work of the poet could be found in the European countries already in the middle of the 19th century. Magtymguly received sufficient science of his time and he mastered Oriental Literature perfectly.

Keywords: literature, scientist, study, historical document, creative work, poem.

М. Э. Дубровина
Косвенные падежи и их роль в эволюции тюркской категории склонения

M. E. Dubrovina
Indirect cases and their role in the evolution of the Turkic category of declension

Традиционно в общем языкознании все падежные формы категории склонения подразделяют на грамматические и косвенные, последние часто имеют конкретные [2 : 184]. Под «грамматическими» падежами обычно понимаются именительный, родительный и винительный падежи; в группу «косвенных» падежей входят такие, как дательный, местный, аблатив (отложительный), творительный.

Все косвенные падежи выполняют функцию указания на объект при действии, разные падежные формы выполняют задачу конкретизации вида объекта, с которым действие связано. Стоит отметить, что семантика косвенных объектов может быть довольно обширной, все такие объекты можно разделить на две группы: пространственные и сопроводительные объекты. В языковой системе, следовательно, в категории склонения возникают морфемы падежей с пространственной семантикой и морфемы падежей с сопроводительной семантикой. Если количество грамматических падежей от языка к языку постоянно, то количество и семантика косвенных падежных форм может варьироваться, причем довольно сильно. Например, в русском языке таких форм три: дательный, творительный, предложный; в немецком языке – один: дательный; в тюркских языках от трех до шести форм, причем различающейся семантики. Однако наиболее богатыми на косвенные падежные формы стоит признать финно-угорские языки. Финский язык можно использовать как пример языковой системы, в которой получили развитие максимальное из имеющихся количество форм с косвенной семантикой. На примере этого языка можно заключить, какие именно объекты могут получать морфологическое оформление.

Падежи с пространственной семантикой:

1) иллатив (куда, внутрь?) – *Мышка прыгает* ***в стакан***.

2) инессив (где, внутри?) – *Мышка сидит* ***в стакане.***

3) элатив (откуда, изнутри?) – *Мышка вылезает* ***из стакана***.

4) аллатив (куда, на поверхность?) – *Мышка забирается* ***на стакан***.

5) адессив (где, на поверхности?) – *Мышка сидит* ***на стакане***.

6) аблатив (откуда, с поверхности?) – *Мышка прыгает* ***со стакана***.

Но кроме пространственных падежей, в финском языке присутствуют формы, указывающие на то, что действие связано с любым другим сопутствующим ему объектом. По терминологии Г. П. Мельникова, такие падежные формы следует именовать сопроводительными:

1) транслатив – считаю тебя человеком, назови его мамонтом и т… (называют «переход с другое состояние»);

2) эссив (быть кем-то, указывать на объект – обстоятельно времени (когда?);

3) инструктив - объект-посредник (инструмент или средство). В современном финском языке семантика инструмента активно осваивается адессивом, а инструктив вытесняется из активной грамматики и оформляет замкнутый, хотя и многочисленный круг слов и выражений, т. е. адвербиализуется: ср. Kaivoin hiekkaa paljain **käsin** (инструктив) vs. Kaivoin hiekkaa paljailla **käsillä** (адессив) ‘*Я рыл песок голыми* ***руками***’;

4) абесси́в (без чего-то);

5) комитатив (с чем-то).

Гипотетически в любом языке может быть обнаружен любой из выделенных в финском языке падежных форм. Однако каждая система, опираясь на свои принципы, дает развитие тем или иным морфологическим формам. На сегодняшний момент, при сравнении категории склонения европейских и тюркских языков можно констатировать, что количество косвенных падежей в тюркских языках может быть выше. С чем связано такое положение вещей?

В ходе многолетних исследований, проводимых на материале языка древнетюркских рунических памятников, а также других тюркских языков, автор выдвинул гипотезу, согласно

которой эволюция категории склонения в тюркских языках протекал иначе, нежели чем в европейских. [1] Иерархичность падежных форм проявляется на уровне семантики в том, насколько тесно объект связан с действием. Чем теснее связь объекта и действия, тем важнее падеж, который эту связь передает. «Важность» для коммуникации выразить тот или иной объект с помощью специальной морфологической формы прослеживается и в последовательности появления в эволюции языка падежных форм. То есть умозрительно можно представить себе такую очередность возникновения падежей: сначала появляются винительный и родительный (как единственный прииненный падеж), затем косвенный (дательный), затем предложный, и последним, скорее всего, возникает орудный падеж [3 : 58]. И результат такой последовательности можно наблюдать в индоевропейских флективных языках.

Однако нельзя забывать, что тюркские языки — агглютинативные, т. е. типологически отличные от флективных языков. Следовательно, и грамматический строй этих языков, вероятнее всего, будет иным. Кроме того, тюркские языки — типичные представители группы языков, грамматическая система которых развилась в границах экономного использования служебных показателей, причем в них экономная аффиксация проводится наиболее последовательно. Наличие в языке сформулированной тенденции приводит к тому, что словоизменительный показатель употребляется только в том случае, когда необходимая служебная информация не может быть выражена иным способом, без привлечения грамматики. Если служебная информация передается семантическим значением лексемы, установленным порядком слов или всем контекстом, в таком случае аффикс может не употребляться. Следовательно, автор делает заключение, в языке наиболее раннего периода к передаче морфологическим путем тяготели, прежде всего, те косвенные объекты, которые являлись наименее естественными и логичными для коммуникантов и не могли быть выражены только порядком слов или соположением.

Таким образом, именно косвенные падежи с пространственной или сопроводительной семантикой чаще всего требовали морфологического выражения в тюркских языках, что и позволяет предположить, что именно эти средства образуют ядро тюркской категории склонения.

Литература

1. Дубровина М.Э. Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. Вып. 1. Март 2013. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. С. 10-17.

2. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. — М.: Изд-во иностранной лит-ры. 1962. С. 174–203.

3. Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей (совмещение классификаций с его следствия ми) // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 36–48.

Фомин Эдуард Валентинович

О функции вежливости показателя множественного числа в чувашском языке

E. V. Fomin.

On the function of politeness of the category of plural in the Chuvash language

Показатель множественного числа чувашского языка во многом отличается от аналогичного показателя тюркских языков. Во-первых, множественность оформляется специфичным аффиксом *-сем* вместо общетюркского *-лар* и его вариантов: чув. *тус* ‘друг’ – *тус*|*сем* ‘друзья’, тат. *дус – дус*|*лар;* чув. *вăрман* ‘лес’ – *вăрман*|*сем* ‘леса’, тат. *урман – урман*|*нар.* Во-вторых, в чувашском языке множественность обычно передается формой единственного числа: *куç хăрать* ‘глаза боятся’, букв. глаз боится; *вăй пĕтрĕ* ‘силы кончились’, букв. сила кончилась. В-третьих, аффиксы посессивности предшествуют множественному числу, в отличие от других тюркских языков, в которых имеет место противоположный порядок следования морфем: *ача* ‘ребенок’ – *ача*|*м*|*ăр*|*сем* ‘наши дети’, *пилеш* ‘рябина’ – *пилеш*|*ӳ*|*сем* ‘твои рябины’, тат. *бала* ‘ребенок’ – *бала*|*лар*|*ыбыз* ‘наши дети’, *миләш* ‘рябина’ – *миләш*|*ләр*|*ең* ‘твои рябины’. В чувашском языке типично тюркские соответствия встречаются в порядке исключения в качестве

кальки с татарского: *ача|м|ăр|сем = ать|сем|ĕр* ‘ребенок’, *тăван|ăм|ăр|сем = тăван|сем|ĕр* ‘наши родственники’, ср. с тат. *бала|лар|ыбыз, туган|нар|ыбыз.*

Относительно происхождения аффикса существует несколько предположений. С одной стороны, он может быть заимствованием марийского аффикса плюраля *-шамыч,* с другой – может явиться аффиксализированным вариантом тюркского *сан* ‘число’.

Аффикс множественного числа имеет следующую семантическую структуру: 1) множественность предметов (*юлташ* ‘товарищ’ – *юлташ|сем* ‘товарищи’, *кĕнеке* ‘книга’ – *кĕнеке|сем* ‘книги’); 2) основной объект и подобные ему вместе взятые (*анне* ‘мать’ – *анне|сем* ‘мать и другие родственники с ней’, *Париж – париж|сем* ‘парижане’, *сăра* ‘пиво’ – *сăра|сем* ‘пиво и тому подобное’); 3) приблизительность, неопределенность (*çиччĕ* ‘семь’ + *-сем = çиччĕ|сем* ‘около семи, примерно семь’; 4) вежливость (*пурнăç|сем мĕнле?* ‘как дела?’, букв. жизни как?).

Аффикс множественного числа в чувашском языке обладает словообразовательным потенциалом: *хĕр* ‘девушка’ + *-сем = хĕр|сем* ‘золовка’, *Мускав* ‘Москва’ + *-сем = мускав|сем* ‘москвичи’.

Кроме прочего, в чувашском языке имеется глагольный аффикс *-сам / -сем,* служащий выражению вежливости: *кай-* ‘иди’ – *кай|сам* ‘иди, пожалуйста’, *кил-* ‘приди’ – *кил|сем* ‘приди, пожалуйста’. Несомненно, данный глагольный аффикс восходит к показателю множественного числа существительных и реализует в себе значение вежливости в полной мере.

Другим показателем множественного числа в чувашском языке можно признать *-р* в личных местоимениях: *эпĕ* ‘я’ – *эпĕ|р / эпи|р* ‘мы’, *эсĕ* ‘ты’ – *эсĕ|р* / эси|р ‘вы’, но *вăл* ‘он’ – *вĕсем (вăл + -сем)* ‘они’. В функциональном плане *эпĕр, эсĕр* – также используются в значении вежливости, правда, произошло это уже под воздействием европейской культуры в период становления чувашского литературного языка.

Ж. Б. Каррыева, Э. Д. Каррыев

К вопросу о передаче особенностей стиля эпоса «Книга моего деда Коркута» в переводе

Вопросы сравнительного анализа переводов туркменского фольклора на иностранные языки практически не изучались, и данная работа в этом плане является одной из немногих. Статья посвящается анализу стилистических средств средневекового эпоса «Gorkut ata» и его переводами на английский и русский языки. В статье используется термины: метафора, эпитет, гипербола, удвоение слов. Целью статьи является рассмотрение существующих вариантов передачи стилистических средств при переводе фольклорных произведений на неродственные языки и далёкие друг от друга культуры.

Тщательное сравнение туркменского текста эпоса “Gorkut ata“ и его переводов на английский “The Book of Dede Korkut” и русский «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА» языки выявил целый ряд особенностей туркменской культуры и фольклорного стиля. В статье даются рекомендации переводчикам, демонстрируются существующие способы преодоления переводческих дилемм и некоторые традиции перевода.

Наши исследования основываются на работах учёных, занимавшихся теоретическими и практическими вопросами перевода фольклорных произведений. За основу анализа взят вариант эпоса «Gorkut ata» переизданный в Ашхабаде в 1990 году (впервые изданном в 50-х годах под редакцией академика Б. А. Каррыева и перевод эпоса на английский язык (авторы перевода Фарук Сюмер, Ахмет Уйсал, Уоррен Уолкер), изданный Техасским университетом города Остин (США) в 1972 году под названием «The Book of Dede Korkut». Относительно русского перевода, то здесь мы взяли за основу перевод эпоса академика В. В. Бартольда, подготовленный к печати В. М. Жирмунским и А. Н. Кононовым и изданным в Москве-Ленинграде в 1962 году под названием «Книга моего деда Коркута».

Резюмируя выводы, следует отметить, что в рамках небольшой статьи нет возможности охватить все специфичные стороны языка эпоса. За её пределами остался ещё целый ряд особенностей, присущих данному произведению. Это такие отличительные черты, как традиционные формулы, сравнения, параллелизм строк, перевод имён собственных, значения цвета и способы его передачи, интерпретация исторических личностей, архаизмы и т.д. Также в ходе исследования нами были выявлены исконно тюркские слова, которые были в широком употреблении в средних веках, были заимствованы некоторыми европейскими языками и поныне находятся в активном употреблении.

Ключевые слова: перевод, фольклор, эпос, В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. стиль, стилистические средства.

Zh. B. Karriyeva, E. D. Karryyev
On the issue of transferring the peculiarities of style of the epic “The book of my dede Korkut” in translations

The issues of comparative analysis of translations of Turkmen folklore into foreign languages have hardly been studied, and the present article is one of the few in this regard. It is devoted to the analysis of stylistic devices of the medieval epic tale "Gorkut ata" and its translations into English and Russian. The following terms are used: metaphor, epithet, hyperbole, doubling of words. The aim of the article is to consider the existing options for the transfer of stylistic devices when translating folklore works into unrelated languages and cultures. A careful comparison of the Turkmen text of the epic "Gorkut ata" and its translations into English "The Book of Dede Korkut" and Russian languages revealed a number of features of Turkmen culture and folklore style. The article provides recommendations to translators, demonstrating them the existing methods. Our research is based on the work of scholars who have dealt with theoretical and practical issues of the translation of folklore works. The analysis is based on a version of the epic "Gorkut ata", republished in Ashgabat in 1990 (first published in the 1950s under the editorship of academician B. A. Karryyev and an English translation of the epic (translated by Faruk Sumer, Ahmet Uysal, Warren Walker), published by the University of Texas at Austin (USA) in 1972 called "The Book of Dede Korkut". Regarding the Russian translation, here we have taken as a basis the translation of the epic of academician V. V. Bartold, prepared for publication by V. M. Zhirmunsky and A. N. Kononov and published in Moscow-Leningrad in 1962. Summarizing the results of the investigation we need to note that within the framework of a small article it is not possible to cover all the specific aspects of the epic language. There are still a number of issues to be covered as traditional formulas, similes, parallelism, translation of proper names, symbolic meaning of colors and the ways of its conveying, interpretation of historical figures, archaisms, etc. There are native Turkic words that were widely used in the Middle Ages, which were borrowed by some European languages and are still there in active use.

Key words: translation, folklore, epic, V. M. Zhirmunsky, A. N. Kononov. stylistic devices.

Y. M. Mergenova
Karacaoğlan'ın şiirlerinde kadın aksesuarları
Y. M. Mergenova
Women's accessories in Karacaoglan's poems

Türk topluluklarında kadına gösterilen saygı sınırsız olmakla birlikte edebiyatımızda en güzel örnekleriyle tasvir edilmektedir. Edebi eserlerin çoğunda onurlu, başarı sahibi, çalışkan, özgüvenli kadınlar daima güzel kıyafetler ve değerli mücevherlerle betimlenmiştir. Savaş esnasında erkeklerle aynı saflarda savaşabilen güçlü ve mert kadınlarımız aşık olduklarında naif, utangaç olurlarken evlendikleri zaman iyi bir eş, annelik görevini üstlendikleri zaman koruyucu, merhametli insan sıfatlarına bürünürler. Fakat her durumda da kadınlarımız giyim kuşamına özen gösteren varlıklardır.

Türk aşık halk edebiyatının kurucusu Karacaoğlan şiirlerinde kadına ve kadın giyim kuşamına önemli yer vermiştir. Karacaoğlan Türk şairleri arasında ilk olarak kıza ve kadına kendi ismiyle hitap etmiştir. Bu özellik Aşık halk edebiyatı döneminin unsurlarından biridir. Şair kadınların baş süslerine, kıyafetlerine, elbiselerinin rengine, kollarına, omuzlarına, bellerine, ayaklarına, gerdanlarına takılan mücevherlere kadar tarif etmiştir. Süs eşyalarını tarif ederken inci, sedef, mercan, lal, altın, gümüş gibi değerli taşlardan ve metallardan sıklıkla şiirlerinde bahsetmektedir. Bunun yanı sıra ibrişim, atlas, kadife, ipek, keten, basma gibi kumaş türlerine de yer verilmiştir.

Özellikle baş süsü olan ***yazma, yağlık, tülbent*** dönemin önemli aksessuarlarından olmuştur. Hem Türkçe de hem Türkmence de Karacaoğlan’ın şiirlerinde ***yazma*** ile ilgili birçok mısralara denk gelmek mümkündür. Örneğin:

Näzli ýar alnyna bir ***ýaglyk*** çaldy,
Ýaşylmydyr, lälemidir, almydyr? [2:29]

Bu şiirde gördüğümüz üzere ***yağlık*** kelimesi her iki dil için ortak kullanılmıştır. Fakat şairin bazı şiirlerinin tercümesinde ***yağlık*** kelimesinin ***yazma*** ya da ***tülbent*** olarak kullanıldığını görebiliriz. Örneğin:

Gülli ýaglyk örtmüş şol helal gaşa,
Gelin hiç söýlemez, gyz näzli gözel. [2:117]

Bu şiirin Türkmence nüshasında sadece ***yağlık*** olarak kullanılan kelime Türkçede ***tülbent*** ve ***yağlık*** kelimeleri aynı anda kullanılmıştır.

Yağlık kelimesi sadece baş süsü olarak değil şairin şiirlerinde kadınların kızların bellerine bağladıkları kuşak olarak da geçer. Örneğin:

Gyz-oglan zülpüň boşanmyş,
Boşanyp, ýere düşenmiş,
Juwan guşagyn guşanmyş,
Gyz ***ýaglyk*** çalmyş biline. [2:164]

Yazma – başa örtülen bir çeşit yemeni, örtü. [5:842] Karacaoğlan'ın şiirlerinde kadın baş süs eşyaları arasında yazma geçmektedir. Dönemin kadınları, kızları bu süs eşyayı sabah akşam rengarenk olarak yazmayı kullanmışlardır. Örneğin:

Yavrı keklik gibi kaynar eğlenir,
Mis kokulu yağlar ile yağlanır,
Sabah akşam türlü ***yazma*** bağlanır,
Eğip geçer yeşil başın sevdiğim.

Şairin şiirlerinde bir başka baş süsü görevinde kullanılan kelimesi ***fes*** Türkmencede bambaşka kelime olarak karşımıza çıkıyor. Türk kültüründe ***fes*** kırmızı ve kalın çuhadan püsküllü ve silindirik başlık olarak tasvir edilmektedir. [5:255] Örneğin:

Başyna oranmyş mahmal ***begresi,***
Ogrynça tutuldy söýgimiň ýasy [2:98]

Buradaki ***fes*** ve ***begres*** kelimeleri anlam bakımından birbirinden tamamen farklı. Çünkü ***begres*** kelimesi Türkmencede kadınların giydikleri hırkadır. Fakat aynı hırkada iki tane yen bulunuyor ve eskiden böyle bir giysi lazim olduğu yerde bir yenin iç kısmını kafalarının ortasına geçirerek kullanmış olabilirler.

Yine bir saç süsü eşyası kadınların ve kızların günlük hayatta kullandıkları ***saç bağlarıdır***. Saç bağlarını saçı örürlerken süslemek için kullanmışlardır.

Saç bağı - saç örülürken uç kısmının tamamen sağlam durması için saçın yarı belinden bağlanarak sonuna kadar saç telleriyle beraber örülüp uç kısmında düğümlenen renkli ipliktir. Bazen bu ipliklere gümüş, altınlar bağlanırmış. [4:224]

Karacaoğlan'ın şiirlerinin birçoğunda saç bağı ile süslenmiş kadınlar kızların saçlarını tarif etmiştir. Örneğin:

Dökülmiş goluňa ***saçbagyň*** ujy,
Topla, dilber sallanmaly ýer degil! [2:21]

Karacaoğlan Türkçe şiirlerinde de bu süs eşyasının adı geçer ve her iki dilde de aynı anlamlarda kullanıldığını görebiliyoruz. Örneğin:

Alam beliğine altın ***saç bağı***,
Tak saçına ince bele as gelin.

Düğme – Alt kısmı delinmiş, çınlaması için içerisine minicik (küçücük) taşlar konan yuvarlak top biçimli gümüş mücevher. [3:324] Bu süs eşyası başa, saça, börüğe, fese, kadın veya erkek çocuk kıyafetlerin herhangi bir yerine takılır. Karacaoğlan'ın şiirlerinden düğme kelimesine rastlamak mümkündür. Örneğin:

Altyn ***düwme*** dökmüş gyrmyzy ýüze,
Sürmeler çekmişdir ol ala göze [2:117]

Düğme kelimesinin sözlükte birinci anlamı elbiseyi kavuşturmak için karşısındaki iliğe geçmeye mahsus maden, kemik ve sedef gibi maddelerden veya harç ve kumaştan yapılan yassı, yuvarlak ve üçgen şeklindeki tane. [5:213] Şairin edebi kişiliğinde bu kelimeye sıklıkla rastlıyoruz. Örneğin:

Garajaoglan, egmeleriň,
Köňül bermez degmeleriň,
Iliklemiş ***düwmeleriň,***
Çözer Elip, Elip diýer. [2:104]

Karacaoğlan düğmelere onlarca şiirinde yer vermiştir. Şair düğmelerin her türlüsünden söz etmiş. Düğme kadın elbiselerinin süs eşyası olmakla beraber rengarenk düğmeler, gümüşten düğmeler, türlü biçimdeki düğmeler, değerli taşlardan olan düğmeler şairin odak noktası olmuştur. Örneğin:

Düwmeler dakdyraýyn lagly-merjenden,
Ýarsyz galan dünýä başyma zyndan. [2:20]

Şair buradaki ***düğme*** ile ilgili mısrada değerli taşlardan oluşan ***düğmeden*** bahsederken bir başka mısrada biçim bakımından alışılmışın dışında olamayan ***düğme*** tarif edilmiştir. Örneğin:

Has ýyldyz ***düwmeler*** çapraz urulmyş. [2:32]

O dönemde kadın kıyafetlerinin esas süsü olan ***düğmelerin*** değerli metallerden olduğuna dair şairin bu mısrasını örnek verebiliyoruz. Örneğin:

Ak göwsüň üstüne kümüş ***düwmesin***,
Dakan dilber meni mejnun eýledi. [2:82]

Şairin yine bir şiirinde ***düğmelerin*** rengarenk oluşuyla ilgili şöyle betimlenir. Örneğin:

Elwan – elwan ***düwmeleriň*** çözdügim
Ince bilde şindi zer istär köňül. [2:91]

İbrişim - işlemelerde kullanılan bükülmüş ipek, iplik. [5:353] Şairin bazı şiirlerinde ibrişim kelimesi hem kadınların kızların saçlarının ipek gibi olduğunu betimlemek hem de bele bağlanan kuşağın ipek kumaştan olduğunu aynı zamanda ham ibrişimde yani işlenmemiş ipekten halılar dokudukları tasvir edilmiştir. Buradaki ibrişim hem betimleme hem kumaş ipek gibi görevlerdedir. Örneğin:

Näsin wasp edebileýin beýle dilberiň?
Başy ***ibriş-ýüpek*** telli bir gelin. [2:116]

Şiirin bu mısrasındaki ibrişim kelimesi kadının saçların her telinin bir ipek teline benzetirken bir başka şiirinde de aynı betimlemeye rastlanır. Örneğin:

Türkmencede ***ibriş*** Türkçede ise ***ibrişim*** geçen bu kelime her iki dil içinde ortak özellik taşımaktadır.

Ulusal uygulamalı sanat kimseyi kayıtsız bırakmaz. Takılar - kadınların ve çocukların hayatında özel bir yeri vardır. Bunlar güzellik ve uyumla karakterize edilen, özgünlük, desen dengesi, ulusal dekorasyonlar kendisine fark yaratıyor. Eski çağlarda Türkmen kuyumcuları altına ve gümüşe değer vermişler. Altın ve gümüşleri taşlarla süsleyip, güzellik açısından eşi benzeri olmayan sanat eserleri yaratmayı becermişlerdir. Takıların estetik işlevinin yanı sıra çeşitli hastalıkları önleme önemi de vardır, takıların da bazıların ise insanı nazardan koruduğuna inanılır. Bakır, bronz, gümüş, altından yapılmış süs eşyaları: küpeler, boncuklar vb. mücevherler: yüzükler halk arasında çok popülerdir. Takılara edebiyatda da büyük yer verilmiştir. Karacaoğlan'ın şiirlerinde takıların birçoğunun ismi anılmaktadır. Örneğin yüzük, bilekliğe şairin şiirlerinin çoğunda rastlamak mümkündür.

Kümüş ***yüzükleri*** dakmyş barmaga,
Zer ***bilezik*** akja gola uýdurmuş. [2:84]

Bu satırlarda kadınların kızların parmaklarına, kollarına süs eşyası olarak kullandıkları aksesuarlardan bahsederken diğer mısralarında süs eşların materyallarını ve değerli taşlarının da ismi geçmektedir:

Karacaoğlan'ın edebi kişiliği çok yönlüdür. Şair aşık halk edebiyatı döneminde en fazla kadın ve kız isimlerine, kıyafetlerine, süs eşyalarına şiirlerinde yer verendir. Üstadın bu özelliği ise yaşadığı dönemin kadınların ve kızların günlük hayatını anlamamıza büyük olanak sağlamaktadır.

Edebiyat:

1. Atanyýazow Soltanşa. Türkmen diliniň sözköki sözlügi. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy. 2004.
2. Garajaoglan. Aşgabat. Türkmen döwlet neşirýat gullugy.2006.
3. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi I A-Ž. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy. 2015.
4. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi II K-Z. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy. 2015.
5. Yakup KAVAS. Zambak okul sözlüğü. İstanbul 2004.

М. М. Репенкова

Образная система романа Элиф Шафак "Остров пропавших деревьев" (2023)

Элиф Шафак (род. 1971) – одна из ведущих современных турецких прозаиков. Ее двуязычное творчество (она пишет свои произведения на турецком и английском языках) известно во многих странах. Произведения Э. Шафак переведены на пятьдесят языков. В таких мировых изданиях, как The New York Times, The Washington Times, The Financial Times, The Guardian, Le Figaro и др. не раз выходили статьи, посвященные ее романам. Книги Э. Шафак печатаются в крупнейших издательских домах мира (Penguin, Random House, Rizzoli, Flammarion, Kein&Aber). В 2010 г. Э. Шафак была награждена Орденом искусств и литературы Франции. В 2017 г. норвежской Библиотекой будущего ее имя было названо среди писателей, чьи произведения достойны того, чтобы быть прочитанными через 100 лет [3: интернет-ссылка]. Известный роман Э. Шафак «Остров пропавших деревьев» (2022) в английском оригинальном варианте звучит как «The Island of Missing Trees» (2021). На турецкий язык роман был переведен в 2023 г. Омджой А. Коруган и получил название «Kayıp Ağaçlar Adası».

Популярная британская журналистка и писательница Рейчел Кук взяла у Э. Шафак интервью, которое было опубликовано на страницах The Gardian в октябре 2023 г. В этом интервью рассматриваются основные проблемы, затронутые в романе. Э. Шафак признается, что давно хотела написать про остров Кипр, на котором есть единственная столица в Европе, разделенная на две части. Этот остров очень близок к Европе и является частью истории Англии (он был колонией Англии до 1960 г.). Но про этот остров люди мало что знают, несмотря на то, что туда часто ездят отдыхать [1: интернет-ссылка].

В интервью отмечалось, что в романе серьезные социально-политические проблемы переплетаются с историей любви гречанки Дефне и турка Костаса, юношескими переживаниями их шестнадцатилетней дочери Ады, ботаническими отступлениями по поводу жизни различных деревьев. По словам Э. Шафак, чтобы написать этот роман, она прочитала много трудов по ботанике [1: интернет-ссылка].

Образная система романа разветвлена как ветки дерева и неразрывно связана с тремя повествовательными пластами: май-август 1974 г. Кипр, начало 2000-х гг. Кипр-Лондон, конец 2010-х гг. Лондон. В этих пластах повествование ведется в строгой временной последовательности от третьего лица о нелегкой любви Костаса и Дефне на фоне трагических событий происходящих на Кипре. Четвертый вневременной пласт (в него входят, переплетаясь, все три времени одновременно) связан с фиговым деревом-смоковницей, которое повествует от первого лица о том, свидетелем чего она являлась на протяжении всей своей жизни. Образ дерева организует все повествование в романе, соединяя судьбу острова с судьбой двух влюбленных и разделяя это повествование на главы: «Как закопать дерево», «Корни», «Ствол», «Ветви», «Экосистема», «Как откопать дерево».

Структура романа свидетельствует о том, что Э. Шафак отошла от постмодернистской ризоматической (грибница) картины мира и обратилась к реалистической древесной (мировое, космическое дерево) картине с упорядоченными пространственно-временными координатами. Однако отдельные элементы постмодернизма в произведении остаются, что выражается в «размышлениях» смоковницы о времени человеческом и древесном: «Человеческое время линейно, четкий континуум из прошлого, который должен закончится в будущем в предположении, что оно останется неизменным, незапятнанным. Каждый день должен быть совершенно новым днем, наполненным новыми событиями, каждая любовь коренным образом отличается от предыдущей. Представители человеческого рода обладают ненасытным аппетитом ко всему новому, но сомневаюсь, что это идет им на пользу.

Древесное время цикличное, периодически повторяющееся, многолетнее; прошлое и будущее дышат одновременно, и настоящее совершенно необязательно течет в одном направлении; наоборот, оно чертит круги внутри кругов, похожих на древесные кольца – те, что вы видите, срубив дерево.

Древесное время эквивалентно времени рассказанной истории, и, как все истории, оно не развивается по идеальной прямой, безупречной кривой или под правильным углом, но изгибается и разветвляется, принимая фантастические формы, порождая чудесные ответвления и потрясающие воображение дуги. Человеческое время и древесное время – понятия несовместимые» [2: 66]. В рассказах смоковницы пласты прошлого, настоящего и будущего представлены одновременно, они переходят один в другой.

История острова экстраполируется в словах смоковницы и на историю двух влюбленных – турчанки Дефне и грека Костаса. Они, восемнадцатилетние, тайно от родителей и родственников встречались в таверне «Счастливая смоковница», посередине зала которой росло то самое фиговое дерево-рассказчик, прорубая крышу заведения. Хозяева таверны грек Йоргос и турок Юсуф предоставили молодым людям уголок за занавеской и всячески помогали им при встречах. Летом 1974 г. Йоргос и Юсуф (они скрывали то, что были геями) были убиты одной из националистических организаций, а их трупы были брошены в старый колодец.

Когда летом 1974 г. обстановка на Кипре резко обострилась, мать Костаса отослала сына в Англию к дяде, а Дефне оказалась беременной. Костас вернулся на остров только через двадцать пять лет и только тогда узнал, что Дефне родила от него мальчика, отдала его в английскую семью, где он и умер в годовалом возрасте, заболев малярией. Встретившись через несколько десятилетий в начале 2000-х гг. на Кипре бывшие влюбленные (Костас стал знаменитым биологом, Дефне – археологом, работавшим на раскопках, которые вел Международный Комитет по пропавшим без вести) снова возобновляют отношения. Костас увозит Дефне в Лондон вместе с отрезанной веткой смоковницы из заброшенной таверны. В Лондоне у них рождается дочь Ада (имя девочки переводится с турецкого как «остров»), а из ветки смоковницы вырастает деревце.

Портретные характеристики персонажей разбросаны по всем слоям повествования. Они даются в рассказах смоковницы от первого лица, в несобственно-прямой речи Ады, в повествовании от третьего лица. Это касается как центральных персонажей (Костаса, Дефне, Ады, Мерьем), так и второстепенных персонажей (семейств Дефне и Костаса).

Система образов в романе Э. Шафак «Остров пропавших деревьев» неразрывно связана временными пластами повествования. В повествовании от третьего лица, воспроизводящем прошлое, настоящее и будущее в строгой временной хронологии, образы проступают более отчетливо и конкретно. В то время как в повествовании от первого лица («от лица» смоковницы), в котором временной континуум предстает в смешанной форме всех трех времен, эти же образы выглядят более эмоционально насыщенными, с неясными очертаниями, вызывающими различные аллюзии (Ада аллюзивна на остров Кипр, Дефне аллюзивна на инжировое дерево-смоковницу и т.п.). Подобный подход дает более полное представление о художественной структуре образов и позволяет их представить более полнокровными.

Список литературы

1. Cooke R. Elif Şafak'la "Kayıp Ağaçlar Adası'nda": Ben her zaman acının miras alındığına inandım. [Электронный документ]. 01.10.2023 – URL: https://www.diken.com.tr/elif-safakla-kayip-agaclar-adasinda-ben-her-zaman-acinin-miras-alindigina-inandim/ (Проверено 02.07.2025)

2. Şafak E. Kayıp Ağaçlar Adası / Çeviren Omca A.Korugan. – İstanbul: 2023. 399 s.

Аннотация

В статье рассматривается система образов одного из последних романов современной турецкой писательницы Э. Шафак «Остров пропавших деревьев» (2023). Доказывается, что образы связаны с временной организацией произведения, в которой повествовательные слои определяются безличным повествователем от третьего лица и рассказчиком (влюбленной смоковницей) от первого лица. Если в повествовании от третьего лица образы предстают в строгой временной последовательности и являются очень конкретными, то в повествовании от первого лица временной континуум свернут в спираль, в которой прошлое, настоящее и будущее выступают одновременно. В такой спирали образы расплываются и размножаются один в другом, вызывая различные аллюзии. В этом усматриваются отголоски постмодернистской традиции, которой Э. Шафак придерживалась в начале своего творческого пути. Подобный подход в подаче образов является наглядным примером использования постмодернистских элементов в реалистическом творчестве, что делает образы наиболее эмоционально насыщенными.

Ключевые слова: Элиф Шафак, роман «Остров пропавших деревьев», система образов, способы повествования, постмодернистские элементы.

M. M. Repenkova

The figurative system of the novel Elif Shafak "The island of missing trees» (2023)

Abstract

The article examines the system of images in one of the latest novels by contemporary Turkish writer E. Shafak, “The Island of Missing Trees” (2023). It is argued that the images are linked to the temporal organization of the work, in which the narrative layers are defined by an impersonal third-person narrator and a first-person storyteller (the fig tree in love). If in a third-person narrative the images appear in a strict temporal sequence and are very specific, then in a first-person narrative the time continuum is twisted into a spiral, in which the past, present and future appear simultaneously. In such a spiral, images blur and multiply one in another, causing various allusions. In this, echoes of the postmodernist tradition, which E. Shafak adhered to at the beginning of her creative path, can be seen. This approach to the presentation of images is a clear example of the use of postmodern elements in realistic art, which makes the images more emotionally charged.

Keywords: Elif Shafak, novel “The Island of Missing Trees”, system of images, narrative methods, postmodern elements

А.Д. Ягафарова, Н.А. Соколова

Родительный падеж в тюркских языках в диахронии и его реликты в якутском языке

A. D. Yagafarova, N. A. Sokolova

The genitive case in Turkic languages in diachrony and its relics in the Yakut language

Родительный падеж — одна из базовых именных форм тюркской морфологии. Во всех ветвях тюркской языковой общности (огузской, кыпчакской, карлукской, сибирской и даже в чувашском языке) он сохраняется в регулярном употреблении. Единственным исключением традиционно считается якутский язык, где родительный падеж описывают как утраченный. Родительный падеж возводят к реконструируемому пратюркскому форма́нту *-ïn/-iŋ*. В языке орхонских и енисейских надписей родительный падеж оформлялся аффиксом *-ïŋ/*-iŋ. В орхонских текстах употребление родительного падежа считается факультативным: двухаффиксный изафет часто функционирует наряду с одноаффиксным, передавая те же смыслы. В древнеуйгурском языке родительный падеж функционирует стабильно и регулярно и становится более обязательным компонентом притяжательной изафетной конструкции. Современные тюркские языки сохраняют аффикс родительного в различных фонетических вариантах: тур. -(n)in, каз. -nıŋ/-dıŋ/-tıŋ, узб. -ning, чуваш. -ăn/-ĕn и др. Родительный выполняет центральную синтаксическую функцию в изафетной конструкции «владелец (в род. п.) + обладаемое (с притяж. афф.)».

Особого внимания заслуживает статус родительного падежа в якутском языке. В традиционной грамматике утверждается, что в якутском языке **родительный падеж утрачен**. Потерю родительного падежа связывают с сильным влиянием эвенкийского языка, где аналогичная категория отсутствует. Существует также версия, согласно которой якутский язык отделился от пратюркского до становления родительного падежа, в результате чего родительный падеж в якутском языке мог не развиться. Материал якутских текстов и позволяет выделить случаи окказионального употребления родительного падежа в притяжательных конструкциях, которые не укладываются в схему полного исчезновения категории, а также более регулярное употребление падежа в сочетании с некоторыми послелогами и в синтаксических моделях с глагольно-именными формами, где родительный падеж на регулярной основе маркирует производителя действия. Эти примеры показывают, что родительный не исчез полностью, а **сократил сферу употребления**: из базовой притяжательной конструкции он скорее вытеснен, но удержался в синтаксически закреплённых выражениях.

Диахронически родительный падеж — древняя категория, стабильная в большинстве тюркских языков. В якутском — традиционно считался утраченным, но фактически сохранился как реликт. Диахронический обзор показывает, что родительный падеж чрезвычайно консервативен в тюркских языках. Его **аффикс происхождения единообразен** – восходит к *-n/-*ŋ праалтайского происхождении, который прослеживается во всех ветвях, за исключением случаев утраты. Начиная с древнетюркских памятников, функция родительного – маркировать обладателя в притяжательной конструкции – остаётся неизменной. Менялась лишь степень обязательности этого показателя и фонетическая форма в отдельных языках.

Д.М. Тимохин

Сведения о кочевых тюркских племенах в памятниках XII вв.: на примере «Та’рих ал-вузара»

D. M. Timokhin

Information about nomadic Turkic tribes in the monuments of the 12th century: on the example of "Ta’rikh al-wuzara"

История кочевых тюркских племен и их миграции в пределы оседло-земледельческих регионов в домонгольский период традиционно реконструируется на основании сведений из исторических и географических сочинений. Однако в мусульманской литературной традиции XII в. можно найти примеры сочинений иной жанровой принадлежности, которые при этом могут содержать весьма любопытные сведения по указанной проблематике. Одним из таких примеров следует признать труд Наджм ад-Дина Абу-л-Резы ал-Кумми «Та’рих ал-Вузара», принадлежащий к жанру «история визирей», в котором «…фокусируется внимание на чиновниках Султаната Ирака с 1130-х годов и далее; хотя оно было известно ученым с 1970-х годов, этим сочинением, как правило, пренебрегали, возможно, из-за общего отсутствия научного интереса к событиям, касающимся этого периода» [5: 15]. Мы рассматривали сведения о Хорезме и его правителях в составе указанного сочинения в рамках специального исследования [2: 98-108], поэтому в этом докладе мы сосредоточим свое внимание на иных сюжетах и не будем подробно останавливаться на проблеме авторства, особенностей структуры и содержания «Та’рих ал-Вузара». Отметим лишь, что само это сочинение является продолжением более раннего труда «Футур заман ас-судур ва судур заман ал-футур» Ануширвана ибн Халида Кашани, с которым ал-Кумми был связан и благодаря которому сумел сделать карьеру чиновника [3: 150].

Что касается интересующих нас в «Та’рих ал-Вузара» сюжетов, то они, преимущественно связаны с событиями 1153 – 1156 гг., которые в современной историографии получили название «Огузская смута» и последовавших за этим событиях. Ал-Кумми очевидно потрясла катастрофа, постигшая сельджукское войско в противостоянии с гуззами в 1153 г. и пленение последними султана Му‘изз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара (1118 – 1157 гг.) [1: 25-28]. Он с горестью описывает ситуацию в Хорасане после победы гуззов, указывая на тяжелые последствия их пребывания в этом регионе для жителей городов и сел. «Судьба Хорасана остается темной, так что завтрашний день для него не наступил. Когда же в те земли покой наконец придет, никто из прославленных людей не знает. Это бедствие было подобно ночи, когда начинается тьма и на небе не видно ни одной звезды» [4: 234]. Впрочем, ему были хорошо известны и последующие маршруты миграции гуззов из Хорасана, что делает данный источник особенно ценным для исследователей: в частности, на фоне крайне редких упоминаний в мусульманской историографии XII в. переселения гуззов в Керман, которое обычно реконструируется по сведениям более поздних источников, ал-Кумми четко указывает уход гуззов в этот регион, а также переселения части из них в Газну [4: 235].

В рамках представленного доклада мы постараемся познакомить слушателей с описаниями кочевых тюркских племен в составе «Та’рих ал-Вузара» и отдельно выделить сведения об их переселениях, которые отмечает ал-Кумми. Также мы постараемся сравнить информацию, которую приводит данный мусульманский автор по интересующей нас проблематике со свидетельствами его современников и более поздних историков и географов. Все это позволит выделить как уникальные сведения в составе «Та’рих ал-Вузара», так и хорошо известные по другим памятникам сообщения, касающиеся кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака. Надеемся, что представленный доклад окажется полезным, как специалистам по истории тюркских племен в домонгольский период, так и самому широкому кругу исследователей кочевников Дешт-и Кыпчака.

Литература

1. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

2. Тимохин Д.М. «Тарих ал-Вузара» как источник по истории Хорезма // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. Вып. 3. С. 98-108

3. A history of Persian literature. Volume X. *Persian historiography,* ed. by Ch. Mellvile. London, New York: I. B. Tauris, 2012

4. Najm al-Din Abu l-Riza' al-Qummi. *Tarih al-Wuzara,* ed. by Muhammed Taki Dânish-Pazûh. Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-ı Farhangi, 1985/1363.

5. Peacock A.C.S. *The Great Seljuk Empire*. Edinbourgh: *Edinburgh* University Press, 2015.

А. С. Баймурадова

Орнаменты безворсовых ковров как этнографический источник

Орнаменты на коврах, паласах, кошмах, керамике, архитектурных памятниках являются весьма важным источником для изучения этнографии, выяснения некоторых элементов этногенеза, и более глубокого исследования исторического пути, пройденного тюркскими народами.

Широкое использование безворсовых изделий у туркмен и узбеков, как и у других народов Центральной Азии, является традицией, тесно связанной с характером народного быта.

На коврах и паласах можно насчитать не менее тысячи узоров, каждый из которых, носит в себе совершенно конкретное значение. Паласные узоры, эволюционируя в течение многих веков, олицетворяли философию, идеологию, историю и духовный мир туркменского и узбекского народов.

Ключевые слова: орнамент, этнографический источник, килим, тюркские народы

A. S. Baymuradova

Ornaments of Pileless Carpets as an Ethnographic Source

Ornaments on carpets, rugs, felts, ceramics, architectural monuments are the most important source for studying of ethnography, finding-out of some elements of ethnogeneses, and for more deeply study of the historical way passed by the Turkmen and Uzbek peoples.

The wide use of pileless products by Turkmens and Uzbeks, as well as by other peoples of Central Asia, is the tradition closely connected with character of the national life.

It is possible to count not less than thousand patterns on carpets and rugs, each of which, carries in itself absolutely concrete mean. Rug patterns, evolving through many centuries, personified philosophy, ideology, history and the spiritual world of the Turkmen and Uzbek peoples.

Key words: ornament, ethnographic source, kilim, Turkic peoples.